ПИОНЕР

ИЮНЬ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1959 год 6

11 000 000 кроликов

Главное задание этой семилетки — создать изобилие во всем. Нам надо увеличить поголовье коров, овец, свиней, птиц, кроликов. Надо, чтобы всего было в избытке. И ты, пионер, можешь вместе со всем народом создавать изобилие.

Разводи кроликов! Многие отряды и школы уже разводят. Пример — ребята Украины. У них это дело поставлено хорошо. Одиннадцать миллионов кроликов — вот сколько дадут государству украинские ребята за нынешний год! Так они обещали.

В этом номере рассказывается о кролеферме Боровицкой школы. А здесь, на фото, крольчата, выращенные школьниками подмосковного поселка Косино.

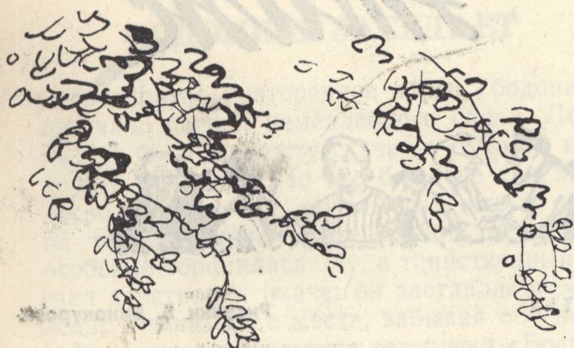
Прочти! Посмотри! Действуй!

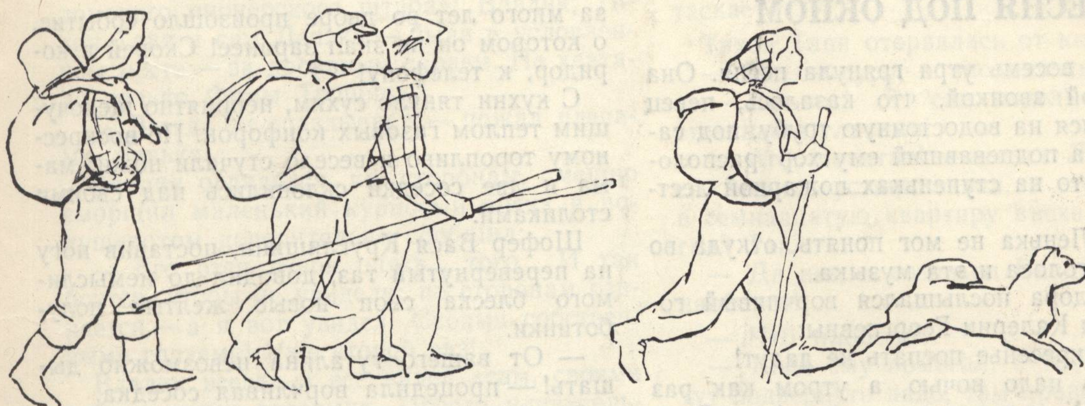
ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Год издания 36-й

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

ИЮНЬ

№ 6

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"

1959 год

Говорит седьмой этаж

Анатолий АЛЕКСИН ПОВЕСТЬ **Рисунки Б. Винокурова.**

ПЕСНЯ ПОД ОКНОМ

Ровно в восемь утра грянула песня. Она была такой звонкой, что казалось, певец вскарабкался на водосточную трубу, под самые окна, а подпевавший ему хор расположился где-то на ступеньках пожарной лестницы.

Со сна Ленька не мог понять, откуда во дворе эти голоса и эта музыка.

Из коридора послышался ворчливый голос соседки Калерии Георгиевны:

— В воскресенье поспать не дадут!

— Спать надо ночью, а утром как раз нужно петь! — возразил голос шофера Васи Кругляшкина.

Ленька выглянул в окно... Вот это новость: почти на самую верхушку старого деревянного столба взобрался новенький, блестящий громкоговоритель!

Казалось, ветхий, покосившийся столб гордо приосанился и даже чуть-чуть выпрямился: его еще никогда не использовали для таких высоких и торжественных целей. То он был стойкой футбольных ворот, то на него наклеивали разные объявления, а то обматывали вокруг него веревки, на которых сушилось белье... Ну, а сегодня с утра старый деревянный столб пел, и декламировал, и гремел маршами. Откуда-то сверху, из-под самой крыши, к столбу тянулись струнами натянутые провода.

Ленька был поражен: кажется, впервые за много лет во дворе произошло событие, о котором он не знал заранее! Скорей в коридор, к телефону!

С кухни тянуло сухим, неприятно щекочущим теплом газовых конфорок. По-воскресному торопливо и весело стучали ножи: мама и две соседки склонились над своими столиками.

Шофер Вася Кругляшкин, поставив ногу на перевернутый таз, доводил до немыслимого блеска свои новые желтые полуботинки.

— От вашего гуталина невозможно дышать! — процедила ворчливая соседка.

Это было очень странно: Вася даже не притрагивался к гуталину, он натирал свои ботинки кусочком старого, выцветшего коврика, который, по его словам, «когда-то был персидским».

Не желая омрачать настроение, Вася подчинился и вышел в коридор:

— Здорово, Леонид!

Всех ребят в доме Вася называл полными «взрослыми» именами: Леонид, Татьяна, Ефим... Хотя самого шофера ребята запросто именовали Васей.

Как только Ленька коснулся трубки, Калерия Георгиевна тотчас сообщила:

— А я вот была недавно в одном доме, так там детям вообще не разрешают подходить к телефону!

Ленька набрал номер и три раза отчетливо произнес:

— Бодопиш! Бодопиш! Бодопиш!

— Вот видите, начал выражаться! — обрадовалась соседка.

Вася Кругляшкин не вытерпел:

— Он не выражается! Бодопиш — это сокращенное слово: «Боевой домовой пионерский штаб»!

— Вот именно: «домовой»! — не сдавалась соседка.— Все они сорванцы и домовые!..

БОДОПИШ ЗАСЕДАЕТ

Троекратно повторенное слово «бодопиш» означало сигнал немедленного сбора. Ленька мог бы и попросту сказать: «Скорей приходите во двор!» Но это было не так интересно. К тому же он заметил, что в ответ на такое обычное приглашение ребята не особенно торопились. Ну, а таинственный сигнал действовал иначе: он заставлял немедленно срываться с места, забывая обо всем.

Уже через пять минут три члена «Боевого домового пионерского штаба»: Владик, Тихая Таня и сам Ленька — были в условленном месте — за дровяным сараем. Не хватало только Фимы Трошина.

— Всегда он опаздывает! — пожал плечами Ленька.

Владик огляделся по сторонам, смешно сморщил маленький курносый носик и полушепотом доверительно сообщил:

— Его отец вчера опять... того... И так боится, чтобы не увидели: по сторонам озирается,— а я вот увидел! Своими собственными глазами! Уже второй раз!..

Владик всегда и все видел «сам, своими собственными глазами». Просто удивительно было, как это его глаза всюду поспевали и все умудрялись разглядеть!

— С пьянством надо бороться! — обрезал Ленька.

Тихая Таня, усевшись на большом круглом камне и низко склонив голову, читала толстую растрепанную книгу. Услышав о Фимином отце, она тяжело вздохнула, перевернула страницу и продолжала читать. Это никого не удивляло, к этому все привыкли. Ленька знал, что Таня, хотя и погрузилась в книгу, прекрасно все слышит и может в самый неожиданный момент вставить самое неожиданное замечание.

Продолжая читать, она сказала:

— Фимин отец вовсе не пьяница. Вы ведь знаете, почему он... Мама у них умерла...

— Так это уж когда-а было! — махнул рукой Ленька.

— Значит, до сих пор переживает...

— Ладно. Начнем без Фимы, — сказал Ленька и насмешливо взглянул на Владика. — Ты вот у нас все замечаешь: и кто новые занавески купил и кому шкаф из магазина привезли... А это что такое?

Ленька поднял указательный палец, как бы заставляя всех прислушаться к маршу, гремевшему на весь двор. Владик потянул своим носиком, словно «понюхал музыку».

— Это? Оркестр...

— Да! У нас во дворе музыка, оркестр, а Бодопиш ничего не знает? Бодопиш! Хозяин двора! Кто-то репродуктор повесил, откуда-то с чердака пластинки запускают... А мы только слушаем и удивляемся. Для чего мы тебя в штаб выбрали, а? Не знаешь? Чтобы ты нам обо всех новостях вовремя докладывал!

— Я и доложу!.. — всполошился Владик. — И доложу! Репродуктор этот новенький вместе с вашим Васей Кругляшкиным устанавливал!

— Какой новенький? Который бандуру таскает?

Тихая Таня оторвалась от книги:

— Не бандуру, а виолончель...

— Вот-вот! Я сам видел! Своими собственными глазами!

— Ага, понятно! — сказал Ленька. — Вася, значит, устанавливал, а этот... который в семнадцатую квартиру въехал, ему помогал? Так?..

— Да нет, — возразил Владик, — как раз наоборот!

— Что наоборот?

— Вася ему помогал, а тот командовал: тут подвернуть надо, там провод закрепить! И на столб он сам лазил. И на чердак тоже! Высунулся с чердака и кричит: «Вася, лови провод! Лови другой!»

— Ну, а Вася?

— Ловил.

— И что же?

— Поймал!

— Врешь ты все!

— Вру? Да я своими собственными глазами... Он, этот новенький, и яму возле столба рыл. Я думал, он клад какой-нибудь ищет, подошел совсем близко и на самое дно заглянул. Глубокая! Метра два, не меньше. А потом конец железной проволоки, которая с чердака тянется, в круг свернул и на самое дно бросил. «Заземление!» — говорит. И так это у него все быстро получалось... А потом... — Владик оглянулся, подозрительно повел глазами

по сараю. — А потом я видел, как он из этой своей бандуры... из виолончели то есть, что-то такое таинственное доставал...

Владик даже понизил голос и еще раз оглянулся на сарай.

— Совсем заврался! — махнул рукой Ленька. — Ну что он мог оттуда доставать? Она же внутри пустая, эта виолончель!

— Да нет, он не из нее, конечно, а из черного футляра, в котором ее таскают... который еще на такой черный гроб смахивает.

— Гроб с музыкой! — засмеялся Ленька.

— Очень остроумно! — не отрывая глаз от книги, заметила Таня.

— Та-ак... Значит, новенький? Двух месяцев не прошло, как въехал, — и уже распоряжается! — Ленька отшвырнул ногой кусок кирпича. — Тогда мы объявим этому репродуктору бойкот! Не будем его слушать!

— Уши затыкать, что ли? — не понял Владик.

Тихая Таня подняла на Леньку удивленные глаза и перевернула страницу.

— А по-моему, надо его использовать, этот репродуктор. Свои передачи устраивать. Как по настоящему радио!

— Правильно! — подхватил Ленька. И радостно забегал вдоль сарая. — Откроем свой радиокомитет! Концерты, беседы всякие, передачи для родителей... Я так и хотел! А потом будем на вопросы радиослушателей отвечать.

Так было всегда. Тихая Таня молчала-молчала, а потом вдруг высказывала самые дельные предложения, но коротко, в какой-нибудь одной фразе. Ленька тут же, на лету, подхватывал Танину идею, развивал, и через полчаса всем уже казалось, что это он, Ленька, все придумал. Да и сам он искренне в это верил.

— Каждый день будем передачи устраивать! — торжествовал Ленька. — И утром и вечером!

— Может быть, и ночью тоже? — спокойно поинтересовалась Таня. — Знаешь, так хорошо будет: все спят, а мы себе говорим, говорим...

— Ночью нельзя.

— А утром можно? Занятия в школе отменим, так, что ли?

От Таниных слов Ленька всегда, как го-

ворится, приходил в чувство, остывал. Так было и сейчас. Выражение его подвижного худощавого лица мгновенно изменилось: восторг уступил место минутной растерянности, а потом задумчивости.

— Ну-у... тогда по вечерам будем, — медленно проговорил Ленька. И сразу вновь оживился: — Это даже лучше! Все с работы приходят, все будут слушать!.. Мы докажем! Мы докажем этому несчастному виолончелисту, что повесить репродуктор на столб — это еще не все! Это ерунда! А вот передачи устраивать — другое дело. Пе-ре-да-чи! Бодопиш всегда что-нибудь придумает! Правда?

— Еще бы! — торопливо поддакнул Владик.

— Еще бы! — передразнил его Ленька. — А самого главного-то ты и не узнал!

— Чего это?

— А того, откуда они пластинки запускают. Не с чердака же, в самом деле!

— На чердак я не лазил.

— И не полезешь: испугаешься!

— Я? Я?.. Я полезу! — внезапно расхрабрился Владик.

— Ладно уж! Все вместе туда пойдем. А по дороге и Фимку захватим!

Ребята подошли к дому и стали на разные голоса кричать:

— Фимка-а! Фима-а!

В окне на пятом этаже показалось бледное небритое лицо.

— Фима сейчас спустится!

— Когда протрезвится, всегда добрый! — зло процедил Ленька. — Рукой закрывается: стыдно!

Фима был невысоким худеньким пареньком. На его бледном лице в это утро особенно выделялись большие темные глаза с воспаленными веками.

— Опять ревел? — угрюмо спросил Ленька.

Тихая Таня пристально взглянула на Леньку и очень твердо, отчетливо произнесла:

— Плакал, ты хочешь сказать?

— Ну, пла-акал... — поправился Ленька. — Какая разница!

Он взглянул на окно, из которого недавно выглядывало небритое лицо, и зло погрозил кулаком.

— Ты кому? — удивился Фима.

— Кому? Ясно, кому! Отцу твоему!

Фима опустил голову и тихо сказал:

— Не смей!

НА СЕДЬМОМ ЭТАЖЕ

В доме было шесть этажей. Пологий склон крыши был весь утыкан телевизионными антеннами, каждая из которых напоминала Леньке руль деревянного самоката. В трех местах на одинаковом расстоянии друг от друга возвышались полукруглые холмики чердачных окон. Из среднего окна вниз, к столбу, тянулись провода. Они были туго натянуты, и Леньке, который любил пофантазировать, вдруг показалось, что двор — арена гигантского цирка, а в воздухе над ареной натянута проволока, на которой какие-то отважные эквилибристы будут показывать свои диковинные номера. Ленька так долго изучал окно чердака, и провода, и старый деревянный столб, что даже Тихая Таня не вытерпела:

— Ну, я пошла...

— Мы все пойдем! — встрепенулся Ленька. — Туда, на седьмой этаж, на чердак то есть! И все выясним! И почему радио замолчало, тоже узнаем. А то безобразие: поиграло полчаса — и молчок!

— Можно подумать, что это он все устроил, а кто-то взял и испортил его работу, — тихо, как будто про себя произнесла Таня. Она часто говорила о присутствующих в третьем лице.

«Он», то есть Ленька, сделал вид, что ничего не расслышал, и потащил ребят к «черному ходу», чтобы пройти на чердак.

Через несколько минут они были на чердаке. Сквозь крайние окна вливались снопы утреннего света. В этих струящихся солнечных полосах, словно в лучах прожектора, плясали бесчисленные пылинки.

Ленька растерянно почесал затылок.

— А где же третий прожектор?

— Какой прожектор? — не понял Владик.

— Ну, третье окно! Среднее, самое главное! Из которого провода тянутся...

Ленька сделал несколько шагов и вдруг воскликнул:

— Смотрите! Здесь какая-то комната!

В самом деле, среднее чердачное окно было со всех сторон огорожено неоштукатуренной кирпичной коробкой. Кирпичи были уже не красные, а коричневые, выцветшие, побуревшие от времени. Кирпичная кладка не была закончена и не доходила до самых чердачных перекрытий. Благодаря неровным, зубчатым вверху стенам все сооружение напоминало какую-то миниатюрную древнюю крепость.

Видимо, с внутренней стороны кирпичная коробка образовывала небольшую квадратную комнатенку. Туда вела дверь с ржавыми замочными скобами. Замка не было, а круглые отверстия скоб были соединены и тщательно обмотаны проволокой. На двери висела небольшая, но грозная бумажка: «Посторонним вход воспрещен!».

Ленька сразу подскочил к двери и стал разматывать проволоку.

И тут первый раз за все время, пока ребята забирались на чердак, раздался мягкий, спокойный Фимин голос:

— Не надо этого делать. Ведь написано...

— Написано «Посторонним вход воспрещен!»,— резко обернулся к нему Ленька.— А мы не посторонние! Мы члены «Боевого домового пионерского штаба». А Бодопиш — хозяин двора!

— Все равно не надо, — повторил Фима.

И Ленька отошел от двери.

ОЛЕГ И ЕГО БАБУШКА

Еще в детском саду Олег выучил наизусть и полюбил песенку «В лесу родилась елочка». Это была очень простая и короткая песенка, но именно с нее начались все неприятности. Бабушка решила, что у внука замечательный слух и что с таким «абсолютным слухом» абсолютно необходимо учиться музыке.

Олега торжественно и шумно повели на экзамен в музыкальную школу. А обратно привели тихо и растерянно: педагоги не обнаружили у мальчика музыкальных способностей.

— Чтобы не найти у него слуха, надо самому быть глухим! — заявила бабушка.

Она добавила, что первый провал внука как раз говорит о его незаурядном даровании: ведь Шаляпина в молодости тоже не приняли в хор, а оперу «Кармен» на первых представлениях просто освистали.

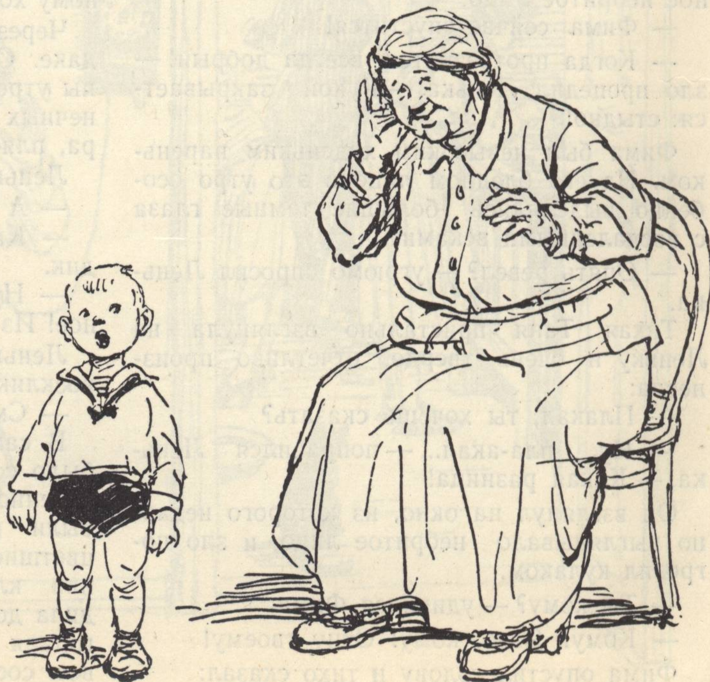
Бабушка хорошо знала историю музыки. Она сама немножко играла на рояле и очень любила слушать концерты-загадки по радио. В молодости она мечтала стать пианисткой, но мечты эти не сбылись, и теперь Олег должен был преуспеть в искусстве сразу за двоих: за себя и за бабушку.

Бабушка находила даже, что внешне Олег чем-то похож на юного Паганини. Никто из семьи Брянцевых не был лично знаком с юным Паганини, и все же папа смел утверждать, что у того было бледное, худое, вытянутое лицо, обрамленное черными, смоляными волосами. Олег же был круглолиц, розовощек, и над его добродушными голубыми глазами свисала шелковистая белесая челка.

Одним словом, полного совпадения не было. И все же бабушка уверяла, что в глубине глаз у Олега светятся «вдохновенные угольки», как у великого скрипача-итальянца.

Чтобы положить какое-то начало музыкальной карьере внука, бабушка года два назад пошла даже на небольшую хитрость. Ей удалось однажды ответить на десять из тринадцати вопросов концерта-загадки. Заказное письмо в редакцию бабушка послала от имени внука, и вскоре дикторша слегка удивленным голосом объявила по радио, что «вторую премию завоевал ученик четвертого класса Олег Брянцев, умно и толково ответивший на десять вопросов. Успех мальчика свидетельствует о хорошем преподавании музыки в его школе».

По профессии бабушка была бухгалтером. Уже несколько лет она получала пенсию, но, когда наступала пора годовых финансовых отчетов, старые сослуживцы при-

ходили к Анне Степановне за помощью. Сослуживцы любили бабушку: она была доброй, отзывчивой, и, кроме того, как говорили сослуживцы, с ней вместе из бухгалтерии «ушла музыка». Бабушка постоянно что-нибудь напевала.

Олег тоже любил бабушку, не хотел ее огорчать и потому согласился учиться музыке. Но какой инструмент выбрать?

— Пианистов много, — рассуждала бабушка. — Скрипачей тоже много. Пожалуй, лучше всего виолончель.

— Я не люблю виолончель: ее тяжело таскать! — легкомысленно возразил Олег.

Это решило все. Бабушка вскипела:

— Разве можно так подходить к музыке? Тяжело таскать! В искусстве ничего не дается легко, запомни это!

На следующий день была куплена виолончель.

Два раза в неделю после обеда Олег стал ходить к частному педагогу. А под вечер бабушка звонила по телефону и справлялась об успехах внука. Частный педагог был в восторге. Олег, по его мнению, так хорошо успевал, что ему было бы полезно заниматься не два раза в неделю, а каждый день. Бабушка тоже была счастлива, но от ежедневных уроков все-таки воздержалась: это было слишком дорого.

— А как хорошо было бы заниматься каждый день! — время от времени вздыхала бабушка.

И вот два месяца назад бабушкина мечта неожиданно осуществилась...

Брянцевы переехали на новую квартиру: в старом доме не было лифта, а у бабушки болели ноги, ей трудно было подниматься на пятый этаж. Олег перешел в другую школу. И вот, придя как-то после занятий домой, он сообщил:

— А в этой школе есть музыкальный кружок! И на виолончели там можно заниматься каждый день. Бесплатно!

На радостях бабушка испекла пироги. Ее радость только слегка омрачилась мыслями о том, что частный педагог, наверно, обидится.

— Очень нужно ему обижаться! — проворчал отец Олега.

— Он многое теряет! — воскликнула бабушка. — Когда-нибудь Олег прославил бы его как своего первого учителя!

— Ну, это еще бабушка надвое сказала.

— Я бабушка! И я никогда не говорю надвое! Я всегда говорю прямо и определенно: Олег будет музыкантом!

Отец хотел, чтобы Олег стал в будущем толковым инженером. Ну, а сперва хорошим токарем или, может быть, фрезеровщиком на заводе.

— Ты хочешь, чтобы он повторил твой путь,— говорила бабушка. — Но пойми же наконец: у него другие способности. И другое призвание! Смычок и струны — вот что он будет держать в руках всю жизнь.

Однако часто по вечерам Олег держал в руках и рубанок, и напильник, и плоскогубцы... Он допоздна столярничал в ванной комнате. Это мешало соседям мыться и очень тревожило бабушку:

— Смотри, надо беречь руки! Вся твоя судьба — в твоих руках! Вернее сказать, в твоих пальцах!..

— Знаю, бабушка, — добродушно соглашался Олег. — Вот я их и развиваю, пальцы. Так в музыкальном кружке советуют: строгайте, говорят, пилите!

— Может быть, это новые методы музыкального воспитания? — рассуждала бабушка. — В наше время музыканты не пи-

лили и не строгали... Но, может быть, сейчас хотят как-то породнить технику с искусством?..

Все этажерки и книжные полки в доме были сделаны руками Олега. Когда приходили гости, бабушка потихоньку, тайком от внука хвасталась:

— Он! Все сам!.. Своими руками! — И потом громко, чтобы слышал Олег, восклицала:—Но главное, конечно, музыка! Он просто живет в мире звуков... мелодий! И каждый день (представьте себе, каждый день!) ходит на занятия!

Да, вот уже почти два месяца Олег ходил на занятия каждый день. Дома он перестал упражняться: вся работа шла в музыкальном кружке под наблюдением опытнейшего педагога — «бывшего всесоюзного лауреата», как называл его Олег.

И к музыкальному инструменту своему Олег стал относиться гораздо бережней, чем прежде, с нежностью и даже с любовью. Футляр он всегда держал закрытым, чтобы никто не трогал виолончель руками. Он не бросал инструмент где попало, а хранил его на особой полке, возле своей кровати. И даже бабушке не разрешал к нему прикасаться.

— Все-таки учеба в коллективе дает свои плоды, — радовалась Анна Степановна. — Никого даже близко к виолончели не подпускает. Бережет! Дорожит! И всегда так спешит на занятия, будто на праздник! На минутку не опаздывает! Искусство поглотило его целиком!

Бабушка, простая и скромная женщина, заговорив о музыке, начинала вдруг произносить громкие, высокопарные слова, которых в другое время просто стеснялась.

Олег занимался в музыкальной школе даже по воскресеньям. Вот и в это утро он бережно снял с полки черный футляр и, попрощавшись с бабушкой, вышел из дому...

«ГРОБ С МУЗЫКОЙ», ИЛИ...

Брянцевы жили на первом этаже. Выйдя из парадного на улицу, Олег сразу направился к окну. Он знал, что бабушка непременно высунется на улицу с криком: «Ох, я совсем забыла!..»

Именно в эти полминуты, за которые Олег успевал дойти от дверей своей квартиры до окна, у бабушки в голове рождались самые срочные советы и наставления внуку. Если же у нее ничего не рождалось, то она просто напоминала о том, что в Москве очень бурное уличное движение, все шоферы летят как угорелые и поэтому, переходя улицу, «не надо считать ворон». Так было и сегодня...

Чтобы успокоить бабушку, Олег механически кивнул головой.

Бедная бабушка! Ей и в голову не приходило, что Олег вообще не дойдет до перекрестка, а, таинственно оглянувшись и убедившись, что она уже скрылась в окне, свернет во двор.

По улице Олег шел, не торопясь, рассеянной и задумчивой походкой, как подобает музыканту. А по двору он зашагал быстро и сосредоточенно, как человек, имеющий какое-то определенное, срочное и весьма земное дело.

Внимательно, по-хозяйски оглядев на ходу старый деревянный столб и поблескивавший на солнце репродуктор, Олег скрылся за дверью черного хода.

По темной лестнице он поднимался не ощупью, не спотыкаясь на каждом шагу, как Ленька с приятелями, а уверенно и быстро: путь этот был хорошо известен Олегу. Лестница была узкая, и свой громоздкий черный футляр Олег обхватил обеими руками, бережно прижал к груди.

Скрипнув дверью, обитой ржавым железом, Олег зашагал по чердаку так же быстро и уверенно, как по темной лестнице. Вдруг чей-то незнакомый голос заставил его остановиться:

— Вася? Кругляшкин?.. Это ты?

— Кто тут? — спросил в ответ Олег.

Щуплый маленький Владик приподнялся на цыпочки и зашептал Леньке:

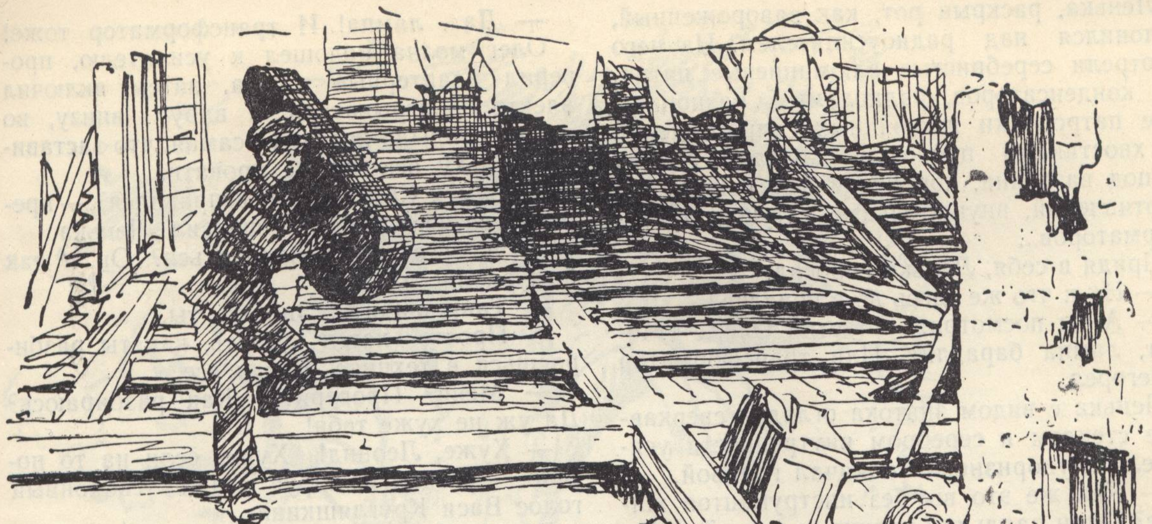
— Это же новенький!.. Я вижу «гроб с музыкой»!

— И что за глазищи у тебя! Прямо как у кошки! — не то насмешливо, не то с завистью ответил Ленька.

В этот момент новенький как раз подошел к членам Бодопиша. Высокий Ленька сверху оглядел крепкую, коренастую фигуру Олега и «гроб с музыкой», который тот по инерции все еще прижимал к груди. Казалось, он прикрывался черным щитом от возможного нападения.

Вид у Леньки и в самом деле был очень воинственный.

Олег же спокойно, как ни в чем не бывало опустил футляр, подошел к двери и стал не спеша откручивать проволоку.

— Почему это репродуктор замолчал? — строгим, начальственным тоном спросил наконец Ленька.

— Испортился, наверно, — не оборачиваясь, ответил Олег.

— Ишь ты, испортился! Полчаса поиграл — и уже испортился!..

Тихая Таня дернула Леньку за рукав:

— Пришел в гости и распоряжаешься?..

— Кто пришел в гости? — шепотом вспылил Ленька. — Я?! Мы?! Это он приехал к нам в гости из другого дома! — Ленька хотел добавить что-то еще, но встретился с твердым, спокойно-насмешливым взглядом Тани и замолчал.

К счастью, в это время Олег совсем раскрутил проволоку, заменявшую замок. Тактичный и вежливый Фима спросил:

— Можно войти?

— Можно! Заходи! — ответил Ленька, хотя Фима обращался вовсе не к нему.

Ребята вошли в недостроенную комнату с чердачными балками вместо пола, с темным чердачным сводом вместо потолка и с голыми кирпичными стенами.

На самодельном столе, напоминавшем длинный деревянный верстак, возвышался радиоусилитель. По его неказистой верхней одежде, едва-едва прикрывавшей сложное хитросплетение металлических внутренностей, можно было сразу сказать: усилитель самодельный. Тут же стоял небольшой микрофон, самодельный электропроигрыватель с пластинкой, застывшей на диске. Другие пластинки были горкой сложены в картонную коробку. Любопытно вытянув свою тонкую шейку, глядел в окно электропаяльник.

Ленька, раскрыв рот, как завороженный, склонился над радиоусилителем. На него смотрели серебристые алюминиевые патроны конденсаторов, радиолампы, разноцветные патрончики постоянных сопротивлений с хвостиками проводов, круглые, словно из-под вазелина, коробочки переменных сопротивлений, внушительные катушки трансформаторов...

Придя в себя, Ленька спросил:

— Ну и что же здесь не в порядке?

— А ты посмотри, — ответил Олег. — Может, лампа барахлит. Или трансформатор перегорел.

Ленька с видом знатока оглядел сверкавшие стеклом и серебром внутренности усилителя и укоризненно покачал головой.

— Как же это вы без инструментов живете? Один паяльник торчит, и все... Тут без инструментов не обойдешься!

Добродушное круглое лицо Олега не выразило ни замешательства, ни досады.

— Тебе инструменты? Пожалуйста! — с самым невозмутимым видом произнес он. Наклонился и взвалил на верстак свой громоздкий черный футляр. Покопавшись в потайном кармашке брюк, он достал маленький ключ и открыл совсем крошечный висячий замочек (как видно, собственной конструкции), запиравший футляр.

Олег откинул черную крышку, и Ленька замер от изумления: в глубоком футляре были аккуратно разложены стамески, рубанок, напильники, плоскогубцы, мотки проволоки и даже баночки с гвоздями и шурупами.

— А где же эта самая... виолончель? — тихо спросил Ленька.

Все его приятели на миг онемели.

Только один Олег остался, как всегда, невозмутимым. Он вынул плоскогубцы и, словно не замечая удивления ребят, спросил у Леньки:

— Нужны? А лучше орудуй сам. Бери все, что нужно!

— Значит... значит, это не «гроб с музыкой»?.. Это...

— Оригинальный музыкальный ящик с инструментами, — подсказал Олег. — В общем, берись за дело!

Ленька слегка порозовел, с недоумением повертел в руках плоскогубцы, еще ниже склонился над усилителем, для чего-то приблизил к нему ухо и установил твердый диагноз:

— Да... лампа! И трансформатор тоже!

Олег молча подошел к усилителю, проверил адаптерные гнезда, затем включил электропроигрыватель, и вдруг внизу, во дворе, поплыла песня. Та самая, что заставила Леньку вскочить с кровати.

— Сам?.. Сам, что ли, исправился? — прерывающимся голосом спросил Ленька.

— А чего ему исправляться? Он и так был вполне здоров!

— Так, значит... Значит, ты...

— Просто хотел узнать, как ты разбираешься в технике. Вот и все.

— Меня? Проверить? Как разбираюсь? Да уж не хуже тебя!

— Хуже, Леонид! Хуже, если на то пошло, — раздался вдруг сзади спокойный голос Васи Кругляшкина.

Вид у Васи был самый что ни на есть воскресный. Если бы Вася был неодушевленным предметом, про него сказали бы, наверно: «Только что из магазина! Прямо с полочки!» Он был чисто выбрит, в тщательно отглаженном темно-сером костюме и желтых полуботинках, таких блестящих, что они могли посоперничать с новенькими металлическими деталями радиоусилителя.

— Меня тут сперва за вас приняли, Васей назвали, — сообщил Олег.

— Ну да! Потому что ведь это ты, Вася, все сделал? Оборудовал, так сказать! — Ленька обвел руками деревянный верстак. По праву соседа он называл Васю на «ты».

Вася сдвинул на затылок кепку с коротким козырьком и покачал головой.

— Чужих заслуг присваивать не люблю! Помощником был, не спорю... А главный, если на то пошло, инициатор и исполнитель...

— Да ладно, ладно! Вместе делали! — перебил Олег. Васины похвалы, казалось, были ему неприятны.

Чтобы переменить тему разговора, Фима Трошин неожиданно спросил:

— А кому, интересно, эта комната принадлежит, а?..

— Сами не знаем, — ответил Олег. — И откуда она здесь, на чердаке, эта старая кирпичная коробка?

— Я узнаю! Сегодня же узнаю! — воскликнул Ленька, которому хотелось хоть в чем-то проявить себя и взять реванш.

— Не хвались! Откуда ты можешь узнать? — тихо одернула его Таня.

Но Ленька не хвалился: он действительно мог узнать!

(Продолжение следует.)

ЯСНЫЕ ЗВЕЗДЫ

РАССКАЗ

Анна АКСЕНОВА

Рисунки О. Траскиной.

— Кондрат!

В ответ только смешливо прошуршали листья в саду.

— Кондрат, — надрывался маленький Сема, — иди, тебя мамка бить будет!

— За что? — спросил Кондрат откуда-то сверху.

Сема поднял голову и увидел брата на высокой развесистой груше.

— Стекло в чулане разбилось! — радостно захлебываясь, сообщил он. — Мамка сказала: ты! Кто же еще? Больше некому.

— Не бил я стекло! — мрачно ответил Кондрат.

Опять эта мачеха к нему придирается! В прошлый раз, когда он с повети спрыгнул, колено ободрал, она ему подзатыльник дала. Человек и так, можно сказать, покалечился, а его еще колотят. Была бы мать жива!.. Впрочем, от матери ему тоже доставалось. Но то ведь мать, а эта... Всего полгода, как пришла в их дом с маленьким Семкой. Семка, правда, хлопчик неплохой. Да что с него требовать: пять лет! А Кондрату уже восемь стукнуло. И его еще драть собираются!

Кондрат слез с груши. Отец, конечно, не дал бы его в обиду, но отец дома редко бывает: шуточное дело — паровозы водить!

Семка нетерпеливо дернул его за рубашку.

— Идем скорей!

— Вот еще! Иди, коли охота!

— А ты?

— А я... уйду от вас совсем.

Глаза Семки стали круглые, как пятачки.

— Куда уйдешь?

— Куда-нибудь. В лес, в сторожку.

— И я, — сказал Семка.

— Только тебя мне не хватало!

— И я с тобой! — захныкал Семка. — Жалко, да?

— А чего тебе уходить? У тебя мать, отец скоро приедет. Плохо тебе? — В горле у Кондрата защекотало, он замолчал.

— Конечно, плохо, — заторопился Семка. — Все спать гонят! Еще куры гуляют, а я спи! Уйду я тоже совсем в лес.

— Еще чего! — строго сказал Кондрат. — Не выдумывай, заплутаешь...

— А я тогда с тобой пойду!

Кондрат посмотрел на черноглазого румяного крепыша. Вдвоем и правда лучше! Что делать одному в лесу?

— Реветь не будешь?

Сема яростно затряс головой.

— Ну, тогда идем!

Мальчишки взялись за руки и пошли.

В мягкой дорожной пыли по щиколотку утопали босые ноги. Щедро грело солнце. Высоко над головой сновали белогрудые ласточки. «Хороший день завтра будет», — подумал Кондрат. Дорога шла через поле, по обе стороны частоколом стояли подсолнухи. Желтые тяжелые головки склонились к земле.

— Сорвем подсолнушек, — попросил Сема.

— Нельзя: колхозные. На, хочешь грушу? — Кондрат достал из кармана круглую «беру».

Сема вонзил в мякоть острые беличьи зубы, и по подбородку сразу растекся янтарный душистый сок. Откуда-то с торопливым жужжанием прилетела пчела. Она долго и беспокойно кружилась над Семой, но не ужалила, а когда напуганный Сема бросил грушу, и вовсе отстала.

Лес встретил их зеленой шумной свежестью. Жестяно шелестели дубы-великаны. Из густой травы выглядывали любопытные ромашки и скромные колокольчики, медово пах подмаренник.

— Грибы тут есть? — спросил Сема.

— А как же! Лес — и чтобы без грибов! Вот придем в сторожку, пойдем за грибами на ужин.

Узенькая тропинка, заросшая прохладным подорожником, привела их к сторожке. Неизвестно, когда, кто и зачем построил ее, но она была тут, и в ней можно было спрятаться тому, у кого не было дома.

Ходуном ходили щелястые половицы. Сумеречные углы затянула паутина. Немножко страшно. Кажется, что вот-вот, топая сапожищами, войдет кто-то... К стене прибита лавка. А у мутного окошка вверху отбит кусочек стекла... Ну, ничего, зато здесь Кондрата никто не будет бить.

— Пойдем отсюда, — почему-то шепотом позвал Сема.

— Куда пойдем? — нарочно громко ответил Кондрат. — Это вот наш дом, здесь жить будем. Печка есть, раздобудем спички — обед будем варить. Спать на лавке. — Он вытащил из кармана груши и положил их на шаткий стол. И сразу стало видно, что здесь живут.

— Только спать, чур, вместе, — уже весело сказал Сема.

— Ну, а где же еще! Тут, на лавке, и ляжем.

Они вышли из сторожки и пошли искать грибы. Грибов не нашли, зато попалась черемуха с крупными, как вишни, ягодами. Ягод было уже немного, но сладкие, с терпким вкусом. Потом захотели пить и пошли к ручью.

Полощутся в ручье веточки молодых ракит, скользят пауки на длинных тонких ножках. Вода темная, коричневая, но, если зачерпнуть ладонями, совсем прозрачная.

— Давай всегда здесь жить,—предложил Сема.

Кондрат засмеялся и принялся кувыркаться через голову. Сема завизжал и полез на Кондрата. Тот опрокинул его и бочонком покатил по траве.

Потные, счастливые, они долго лежали в тени деревьев, рвали лиловые колокольчики и, зажав в пальцах кончики лепестков, звонко хлопали себя по лбу. Увидели большую муравьиную кучу. Красные мураши торопились до заката солнца доделать свои дела. Кондрат низко наклонился, разглядывая маленьких тружеников, и в лицо ему брызнул едкий фонтанчик кислоты. Лицо защипало.

— Ух ты, злющие какие! — сказал Кондрат.

Он воткнул в середину кучи очищенный прут и дал облизать Семе. Семе понравилось.

— Вкусно. Еще! — попросил он.

Но вот солнце закатилось за лес, и сразу в лесу стало скучно. Слезинками выступила на траве роса.

— Побежали домой, — позвал Кондрат.

Он хорошо знал лес. Сколько раз, бывало, с матерью ходили сюда! Завернуть за те березки — и сторожка.

В сторожке было уже совсем темно. Смутно поблескивали на столе груши.

— Не догадались раньше травы нарвать,— озабоченно сказал Кондрат,— подстелили бы.

— Хлебца хочется,— отозвался Сема.

— Потерпи, завтра встанем пораньше, в село к председателю сходим попросим.

— Как попросим?

— Ну, скажем, что работать в колхозе будем, на трудодни.

— И молока?

— Может, и молока добудем и спичек.

Поели груш, заложили скрипучую дверь суковатой палкой, стоявшей в углу, и легли на лавку. Одну руку Кондрат подложил под голову Семе, другой обнял его. Сема поджал ноги, уткнулся носом в плечо Кондрату и сразу засопел. От него шло тепло, пахло чем-то домашним, родным. Кондрат крепче обнял его и подумал: «А хорошо, что я взял его!» И еще: «А хорошо иметь брата!»

Он лежал на краю, лицом к окну. В треугольник отбитого стекла он видел небо с первыми звездочками. Звездочки были далекие и маленькие. Потом небо стало совсем черным, а звезды покрупнели и опустились вниз. Как их много! Даже если до миллиона считать — не сосчитаешь. И ясные, как пуговицы на новенькой школьной форме... А форму он так ни разу и не надел, только примерил. Прошлый год в костюмчике пробегал. А мачеха сказала: «Надо форму». Сама и купила, отец еще не знает. И радовалась-то как, точно себе обнову справила! Кондрат улыбнулся в темноте. Вообще она чудная: то придет с фермы веселая, хохочет, бегает, а то кричит на всех, словно и Семка ей неродной. А отец приедет — повиснет ему на шею, как девчонка, и ни на шаг не отходит. Все кормит его, как будто он с голодного поля приехал. Отец смеется: «Хватит, не могу я», — а она кричит: «Ешь, а то за ворот вылью! Смотри, какой худущий стал!» Интересно, что она сейчас делает?

Кондрат представил маленькую черноглазую женщину у окна. Сидит, небось, и вглядывается в темень, не появятся ли они. А может, по хатам бегает, стучит: «Не у вас мои дети?» Она всегда их так зовет. Или голосит, думает, утонули в Ярице...

Кондрат затеребил Сему.

— Сем, Сем!

Сема глубоко вздохнул и опять засопел. Кондрат поднялся, посадил брата и начал трясти его.

— Сем, да проснись же! Сем, домой пойдем!

Сема проснулся и захныкал:

— Ну, чего...

— Не реви, домой пойдем. Хлеба с молоком поедим, на кровать под одеяло ляжем.

— Вместе? — оживившись, спросил Сема.

— Вместе. Вставай!

Братья вышли за порог и испуганно отпрянули. Что-то огромное, чему не было названия, неслось на них с высоты. Сейчас схватит и понесет к грозному тысячеглазому небу... Вот оно крылато взмахнуло и... выпрямилось.

— Это дерево, не бойся, — не узнавая своего голоса, сказал Кондрат. — От ветра оно.

— Боюся!

— Мы бегом, прямо, направо, а там поле и дом.

— Ни, страшно, — отступил в сторожку Сема.

— Ну, ладно, обождем утра, — легко согласился Кондрат.

Они сели на лавку и стали ждать утра. Сема поерзал, встал на колени и уткнулся в окно.

— Осторожно, стекло треснет.

— Как в чулане? — спросил Сема.

— Так это ты разбил? — догадался Кондрат.

— Я. Только я не бил. Я паука раздавил, а оно и треснуло.

— А что же ты матери не сказал?

— У-у, какой умный! А если мамка лупцовки обещала задать, кто разбил?

— И ты на меня свалил? — возмутился Кондрат.

— Ни-и, — запротестовал Сема, — я не свалил! Мамка спросила: «Ты разбил?» Я

сказал: «Не я». Тогда мамка говорит: «Кондрат, больше некому». И велела тебя звать.

— И тебе бы не жалко было, если б мне ни за что попало?

— А тебя же ни разу не били! Интересно!

— Хорош гусь! — сказал Кондрат и засмеялся.

Небо за окном быстро светлело, таяли и пропадали звезды, и молочный туман густо покрыл травы.

— Пошли.

Они вышли, посмотрели на высокое, совсем нестрашное дерево прямо перед сторожкой.

— Сыро как! — зябко поежился Сема.

— Ничего. Мамка моя говорила, по росе полезно бегать от чахотки, особенно по утрам... Только сама вот...

Сема оглянулся на Кондрата и взял его за руку своей горячей шершавой рукой.

Шли торопливо, то и дело принимались бежать. Вот уже и выселки. Привязанная за рога к плетню, чтобы не убежала, стояла корова.

Корова увидела мальчиков, влажно потянула носом и, задрав голову, позвала: «Му-уу!»

— Думала, пастушата,— сказал Кондрат и вспомнил: — Маме-то на ферму надо! — И они опять побежали. Парусом надувались и хлопали рубашки.

За столом, сжав ладонями виски, сидела женщина. Услыхав, что кто-то вошел, она вскочила и тут же бессильно опустилась опять: у порога стояли мальчишки, и оба исподлобья — один с любопытством, другой виновато — смотрели на нее.

— Чего же вы со мной делаете? — устало сказала женщина. — Где вы пропадали?

Кондрат опустил голову.

— Уйти я от вас надумал.

— Уйти-и? Зачем? — вскинулась мачеха.

Кондрат снял со стены висевший на гвозде старый отцовский ремень и протянул мачехе.

— Стекло в чулане я разбил...

Мачеха схватила ремень и зашвырнула его в угол.

— Да ты что? Семка это разбил!

— Нет, я!

— Я же знаю, что Семка, и тебя звала пристыдить его, чтоб не врал. Ведь ты, негодник, разбил? — спросила она Семку.

— Конечно, я, — доверчиво подтвердил тот.

Мачеха пристально посмотрела на Кондрата.

— Чего же ты на себя говоришь?

— Мал он еще, драть-то.

Мачеха засмеялась, всхлипнула и обхватила его гибкими, сильными руками за шею.

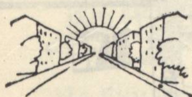
— Ах ты, глупый ты мой! — совсем, как мама, сказала она и прижала его голову к себе. Туда, где горячо и быстро толкалось ее сердце.

ПРОДОЛЖАЕМ РАЗГОВОР О БЛИЖАЙШЕМ БУДУЩЕМ

НОВЫЙ ГОРОД

Елена ШРЕТЕР, архитектор

В новом городе и школы строят по-новому. Вот один из проектов одиннадцатилетней школы (авторы — Л. Г. Газеров, К. Д. Френкель, Н. С. Щербакова, Г. Н. Мадера). Классы для младших ребят помещены в отдельном корпусе (2); рядом с классами старших ребят (1) кабинеты химии, физики, обсерватория, мастерские; специальные корпуса отведены для клуба (3), столовой (4). Около школы — опытный участок (5).

ПОЧЕМУ?

Задумывались ли вы, ребята, над тем, почему ваш город построен так, а не иначе? Почему улица, на которой вы живете, именно такая, а не другая? Почему она прямая, как стрела, или почему вьется узкой лентой? Почему идет с севера на юг, а не с востока на запад? Почему так, а не иначе? Вот создается новая улица. Какой она должна быть? Какие здесь будут стоять дома?

До сих пор в отделе «Разговор о ближайшем будущем» вопросы задавали вы, ребята, а отвечали мы, взрослые, но в этот раз с вопросов начала я. Мне хотелось, чтобы вы сами задумались: как же возникают города, как они придумываются? Как планируются улицы и строятся дома?

Вот об этом мы и поговорим сегодня.

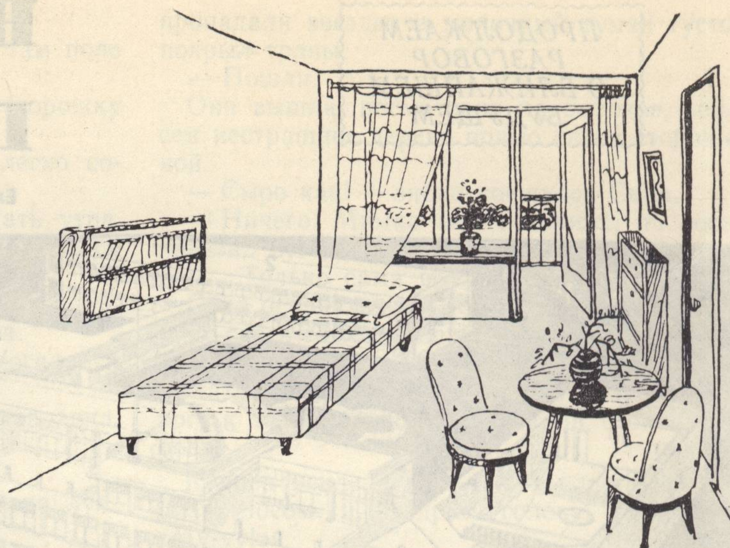
УЛИЦЫ, КОТОРЫЕ РАСТУТ САМИ

Во всех старых городах есть улицы с большими, многоквартирными домами. Дома прочны, но неудобны. Кто их строил? Зачем?

До революции земля принадлежала частным хозяевам, и каждый из них строил на

своем участке что ему вздумается, не заботясь о том, какой будет улица, как будет выглядеть город в целом.

Земля в городах стоила дорого, и обычно владели ею богатые люди; они застраивали свои участки высокими, многоэтажными домами и сдавали квартиры внаем жильцам. Так и назывались эти дома — «доходные». Чем больше квартир, тем больше доходов хозяину, поэтому дома были огромными и занимали почти весь участок, а дворы у этих домов крошечные (недаром их называли «дворы-колодцы»): ведь двор-то не приносил никакой выгоды и делался только для того, чтобы квартиры не были совсем темными.

Планируя дом, архитектор задумывает и интерьеры — внутренний вид комнат,— решает, где надо сделать дверь, где окно и какое, рассчитывает, поместится ли необходимая мебель, красиво ли она встанет.

Улицы, застроенные «доходными домами», похожи на узкие, мрачные коридоры: дома ставили на самом краю участков, вплотную друг к другу и окрашивали в темные тона, чтобы пореже ремонтировать.

Были, конечно, в городе и красивые улицы — те, на которых стояли нарядные особняки богачей, окруженные садами. Но так выглядело обычно лишь несколько улиц и площадей в самом центре города, а чуть подальше от них начинался бесконечный лабиринт узких, темных, мрачных переулков. Чем дальше вы уходили на рабочую окраину, тем дома становились мрачнее, беднее и все теснее жались друг к другу...

Кто выбирал направление улиц, кто планировал город?

Наши старые города росли постепенно; их определяла история. Часто бывало так: в конце старой улицы строили новые дома — улица продолжалась в том направлении, куда хотел хозяин этого участка.

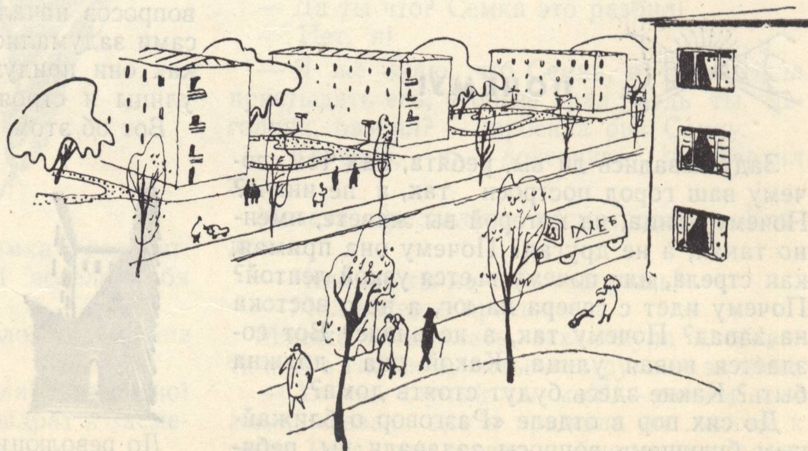
Или застраивались дороги, идущие из города в город. Строились вдоль дорог дома, селились жители; так и возникали в городе сами по себе новые улицы.

Вот как было раньше.

А КАК ТЕПЕРЬ!

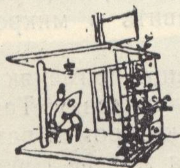
Я архитектор и работаю в большом проектном институте. Наш институт занимается планировкой новых городов, проектирует для них дома. Это замечательно интересно — задумывать новый город! Ведь сейчас архитектор может заранее и сразу определить весь план города, выбрать самое удобное расположение улиц, поставить дома так, чтобы все они удачно сочетались друг с дру-

Это «строчная застройка» — дома повернуты торцами к улице, поэтому в квартирах меньше шума и пыли.

гом. Уже сейчас мы разрабатываем планы городов, которые вырастут через десять — пятнадцать лет. Уже сейчас инженеры-экономисты подсчитывают, как эти города будут снабжаться водой, электричеством, топливом... Уже сейчас мы делаем проекты жилых домов, школ, больниц, магазинов, кино, которые будут строиться в этих городах. Нужно, чтобы все вышло разумно, удобно.

Мы, архитекторы, по самой своей профессии мечтатели. Каждый раз, принимаясь за новый проект, мы мечтаем о новом, невиданном еще прекрасном городе... Но мы и реалисты. Наши мечты — это не просто: ах, хорошо бы, мол, хрустальный дворец с золотыми колоннами! Задумываясь над проектом, мы представляем себе настоящих живых людей с их жизнью, с их работой, с их интересами, с их привычками. Вот, скажем, планируешь кухни в домах. Как их устроить? Размечаешь: тут плита... тут раковина... Нет, раковину тут поставить нельзя: хозяйке будет далеко носить чайник от раковины до плиты, она будет торопиться, проливать. Где устроить мусоропровод? Здесь? Но это невозможно: рядом плита. А куда хозяева квартиры будут класть свои чемоданы? Где будут вешать пальто? Нельзя ли сделать в квартире встроенный в стену шкаф, и где его удобнее всего сделать? А может быть, устроить гардеробную: темное небольшое помещение с вешалкой и полкой для чемоданов?.. Таких мелочей тысячи. И, планируя свой идеально прекрасный город, архитектор не может пренебречь этими мелочами.

СТРОЙКИ-ОПЫТЫ

На бумаге всего не решишь — нужна проверка! Физик, изучая электричество, устраивает у себя в лаборатории маленькую молнию. Самолетостроитель проверяет свою новую машину, устанавливая маленькую модель в аэродинамической трубе; гидростроитель делает маленькую реку и маленькую турбину. Наша наука — архитектура — тоже требует эксперимента. Так что же, строить маленький город в лаборатории? Мы делаем модели, но они показывают нам только внешний вид города: ведь маленький город необитаем!.. И мы экспериментируем по-другому.

Может быть, кто-нибудь из вас, ребята, живет в недавно выстроенном девятом квартале в Черемушках? Это опытный, экспериментальный квартал Москвы. Дома в этом районе не похожи один на другой, и квартиры в них устроены по-разному. Интересно, какая лучше? Какая больше нравится вам, ребятам? Архитекторы, которые строили дома в этом квартале, заняли первые места в конкурсе на лучший типовой жилой дом, поэтому они и получили возможность осуществить свои проекты. Дома давно построены, заселены, а архитекторы все приходят в эти дома, спрашивают у хозяев: удобно ли им жить? Что неудобно, что мешает? Как лучше было расположить комнаты: так, как у них, или как в соседнем корпусе? Лучше, чтобы была большая передняя, или лучше делать за счет передней одну из комнат побольше? Жители рассказывают, советуют, архитекторы записывают, чтобы следующие дома сделать еще лучше.

Проверочные, опытные стройки будут в Темир-Тау, в Усолье Сибирском, в Челябинске. Там проверяется, удачно ли то новое, что мы вкладываем в проекты будущих больших строек.

ЧТО ТАКОЕ МИКРОРАЙОН

Я расскажу вам о челябинской стройке. В Челябинске наш институт проектировал микрорайон. Вам, наверное, не совсем понятно это слово? Дело вот в чем.

До последнего времени, строя город, планировщики разбивали его на небольшие участки — кварталы. Границами квартала были улицы. Получалась густая сетка улиц. Дома ставились по краю кварталов, вдоль этих улиц. Внутри кварталов, за домами, были дворы. Казалось, так и нужно. Но удобно ли это? Много улиц, под окнами движение транспорта, шум, бензинный перегар, никуда от него не скроешься.

Решили строить иначе. Архитекторы и экономисты (мы всегда работаем вместе) пришли к выводу, что лучше бы проезжие улицы располагать не так густо, делать кварталы в два—три раза крупнее, чем раньше. И тут построить не только жилые дома, но и все, что необходимо жителям в их ежедневной жизни. Построить магазины, кинотеатр, спортплощадки и обязательно школу, чтобы

недалеко было ребятам ходить и не нужно было переходить улицы.

Эти большие кварталы и называются микрорайонами — маленькими районами.

РАЗВЕДКА

Для нашего микрорайона в Челябинске нам отвели участок в тридцать гектаров; там будет жить шесть тысяч человек.

Собрались мы все вместе: инженеры, экономисты, архитекторы, конструкторы, транспортники,— подсчитали, сколько нужно на микрорайон жилой площади, сколько магазинов и столовых, на сколько учеников школу, какое кино... Но прежде чем начать делать проект, мы должны были увидеть сам участок, какой он: холмистый или равнинный, есть ли там река, есть ли пруд или лес? Ведь на холмах дома надо располагать совсем иначе, чем на ровном месте.

Часть проектировщиков поехала в Челябинск. Оказалось, что место стройки — это очень большой, открытый со всех сторон и ровный, как блин, пустырь: ни холмика, ни кустика кругом.

Нет ни большой, красивой воды, ни живописных холмов, покрытых лесом. Ну что же, значит, все надо создать человеческими руками! Нет пруда — значит, будет бассейн! Нет деревьев — вырастим их сами!

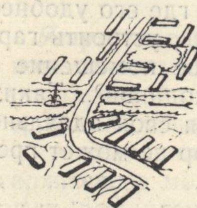
САДЫ ТОЖЕ СТРОЯТ

Это очень хорошо для людей, когда город в лесу, хотя выстроить город, сохранив лес, нелегко. Мне всегда хотелось принять участие в такой стройке. Так построен, например, Ангарск: улицы там прокладывали прямо в тайге, оставляя при этом большое количество деревьев и вдоль улиц и во дворах домов. А у нас нет такой прекрасной возможности: нет вековых деревьев, которые надо было бы сохранить. Но мы не собираемся отказываться от зелени. В нашем микрорайоне обязательно будет парк. Прежде для этого понадобилось бы столетие. А сейчас вырос дом — тотчас рядом появился и сад. Как в сказке про Василису Прекрасную...

Может быть, вы и сами участвовали в посадках садов? А может быть, видели, как совсем взрослые деревья привозят в ящиках, высаживают рядом с новыми домами и ни одна веточка при этом не ломается?

Года три назад я была в Сталинграде, там к Первому мая должны были открыть памятник Героям Отечественной войны. Я видела, как тесали гранит, как утрамбовывали и засыпали гравием площадку — пустую, голую площадку, без травинки, без кустика. И вдруг за два дня до праздников в ясное, весеннее утро я увидела вокруг закрытого еще полотнищем памятника сад. Высокие, стройные тополя стояли прямыми рядами, тут же раскинулись живописные группы кустарников, зацвели вишни и яблони. И на Первое мая новый сад запестрел яркими пятнами детских платьиц, расшумелся веселыми песнями.

Мы спланировали в нашем микрорайоне большой парк, выбрали для него место в центре, определили и форму парка и какие дома поставить рядом с ним. Тут встанет школа и детские сады. Вот это и будет центр нашего микрорайона, вокруг него мы расположим жилые дома.

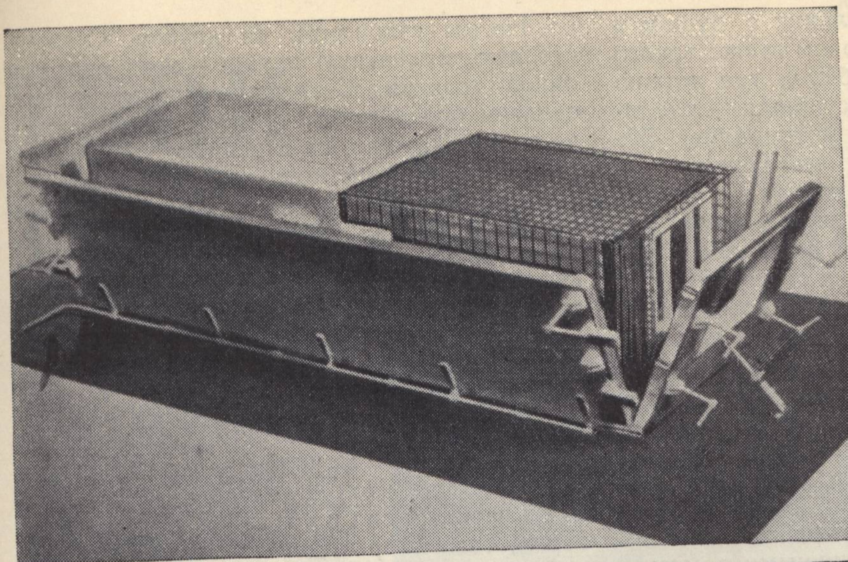

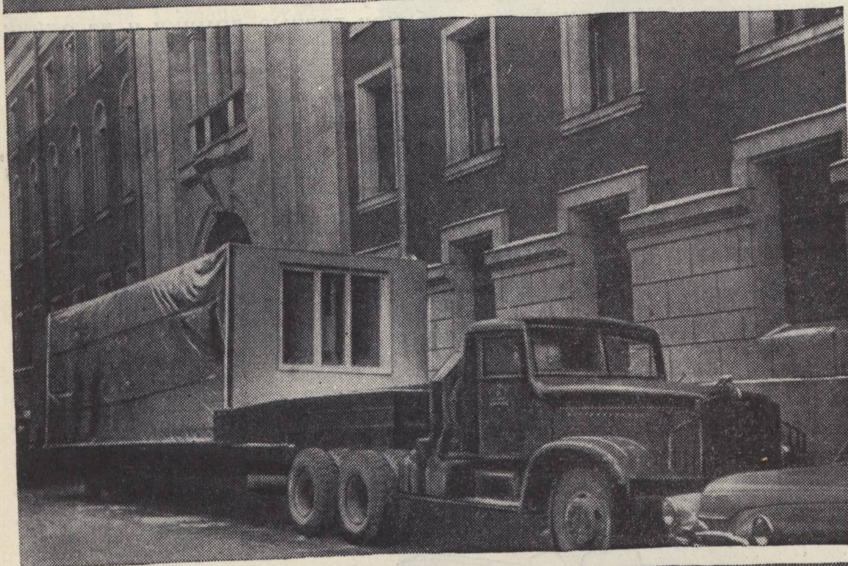
СВОБОДНАЯ ПЛАНИРОВКА

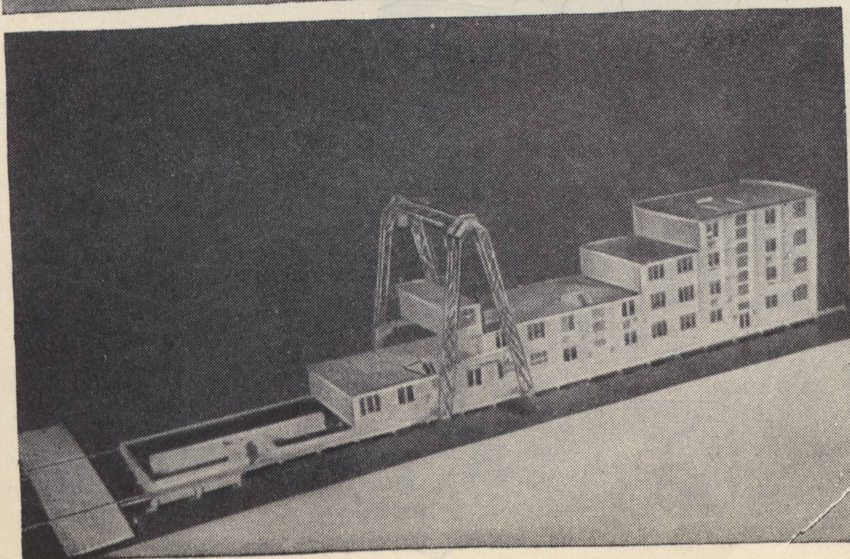
Прежде чем проектировать дома, надо решить, как мы будем их ставить в микрорайоне.

Теперь архитекторы все чаще применяют так называемую свободную планировку. Так построен девятый квартал, о котором я вам говорила, так будут строиться многие города. Планировать свободно — это значит, что не обязательно все дома ставить вдоль тротуаров и поворачивать к улице лицом. Можно разместить их отдельными группами вокруг небольших дворов. Часть домов поставить вдоль тротуаров, но повернуть их не фасадами, а узкой стороной — торцом — к улице. Тогда дома можно поставить так, чтобы бо́льшая часть квартир была на солнечной стороне и чтобы выходили они окнами во двор: он ведь не так шумен. Улица от этого тоже не проиграет. Она будет и живописной и разнообразной, и зелени на ней будет больше.

УДОБНО БУДЕТ ВСЕМ

В нашем микрорайоне поселятся и большие и маленькие семьи и люди одинокие. Хорошо ли их всех селить в одинаковые квартиры, в одинаковые дома?

Архитекторы пришли к выводу, что большим семьям, где много детей, лучше жить в отдельных малоэтажных домах на одну или на две семьи. Около этих домиков для каждой семьи сделать небольшой сад: пусть мать спокойно ставит там коляску с младенцем или пустит малыша одного копаться в песке: из окна на первом этаже легко присмотреть за ребенком.

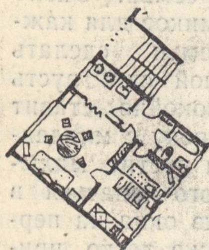
А вот молодым людям, которые днем работают, а вечером учатся, лучше жить в большом доме, где много маленьких однокомнатных квартир. При

Архитекторы и инженеры постоянно ищут, как ускорить, как удешевить строительство домов. Придумали так: делать на заводе части домов из железобетона — перекрытия, части стен, стены. А в последнее время научились отливать на заводе в формах чуть не целую квартиру: две комнаты или комнату и кухню с ванной. Блок выходит из формы (вы видите ее на верхнем снимке) с окнами, дверями, с электропроводкой, спрятанной в стенах. Квартиру на заводе оклеивают обоями, устанавливают кухонное оборудование, настилают линолеум. Блоки перевозят на строительную площадку и тут собирают кранами.

каждой комнате — умывальник с душем и малюсенькая кухня! В первом этаже такого дома — просторный вестибюль, где можно оставить пальто. Около вестибюля — кладовая для велосипедов и мотоциклов. Тут же — небольшая столовая, магазинчик, даже комната для танцев и концертов.

Я сказала, будет магазинчик в доме. Да, действительно, в этих домах мы сделали небольшие магазины. Но мы не сторонники того, чтобы всегда первые этажи жилых домов занимать магазинами, как делали до сих пор. Если в доме магазин, значит, во дворе грязь, шумят подъезжающие к магазину грузовики, въезжают во двор, а ведь тут же играют ребята! Словом, для магазинов лучше строить небольшие отдельные здания. Так мы и сделали в нашем микрорайоне.

Вот и выходит, что микрорайон должен быть застроен самыми различными домами. Будет ли это красиво? Я уверена, что будет! Ведь все, что действительно удобно людям, все это красиво.

В КАКОЙ КВАРТИРЕ ВЫ ХОТИТЕ ЖИТЬ!

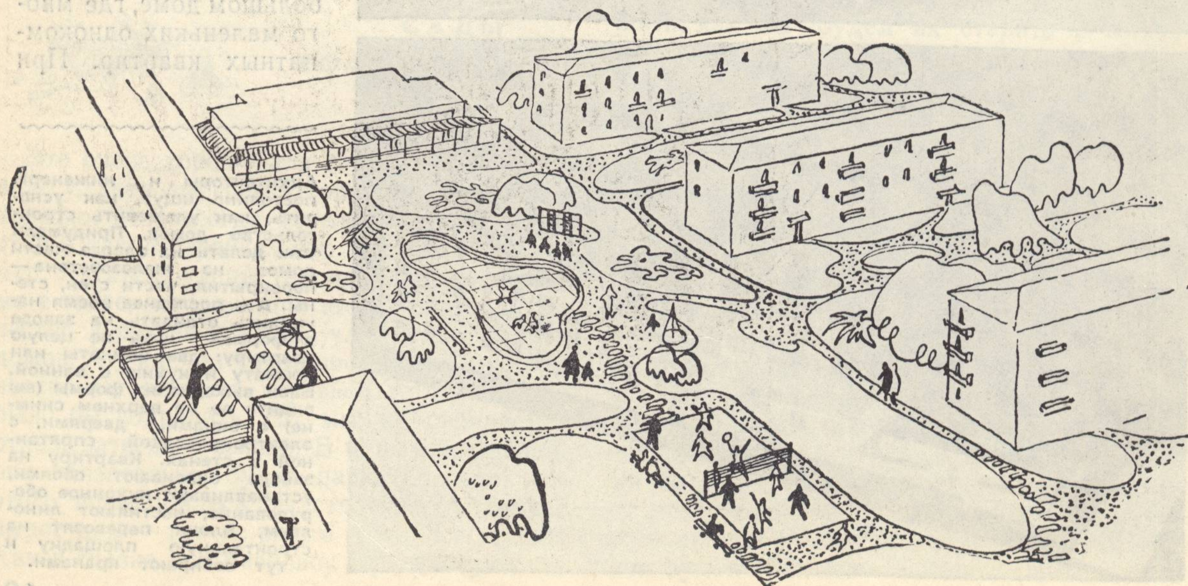
Конечно, каждая семья хочет получить отдельную квартиру, не правда ли? Так и будет! Именно к этому мы переходим. Вы скажете, большое количество отдельных квартир в домах удорожит строительство. Конечно. Но мы сэкономим на другом. Скажем, сделаем маленькую кухню — ведь она для одной хозяйки. Сэкономим на материале: сделаем более легкие стены. Строить нужно не только хорошо, но и дешево, чтобы быстрее построить как можно больше квартир.

Беречь деньги надо везде. Сейчас большой экономии удалось добиться на стройматериалах. Придумали так: все жилые дома в микрорайоне строить из одинаковых элементов. Перекрытия между этажами делать из одинаковых плит, стены делать из одинаковых панелей, делать одинаковые лестницы. Тогда понадобится всего несколько форм, чтобы эти элементы отлить из бетона, понадобятся одни и те же краны, чтобы их устанавливать. Это не значит, что одинаковыми в домах будут и внешний вид и квартиры. Ведь вам, наверно, самим приходилось строить из одинаковых кубиков разные домики и из одних и тех же деталей «Конструктора» совершенно различные вещи. И вы понимаете, что сочетания могут быть разными, хотя элементы остаются теми же.

Сейчас решено построить еще один новый опытный микрорайон в Москве. Объявлен конкурс на лучший проект. В конкурсе примут участие не только советские архитекторы, но и зодчие всех демократических стран.

Буду работать над проектом и я в составе большой группы архитекторов из нашего проектного института.

Интересно: кто победит в нашем конкурсе? Немцы? Чехи? Болгары? Или мы, советские архитекторы? Не будем гадать. Ведь кто бы ни победил, выиграют те, кто там поселится. Район будет выстроен по лучшим проектам.

ТВОИ УГНЕТЕННЫЕ БРАТЬЯ

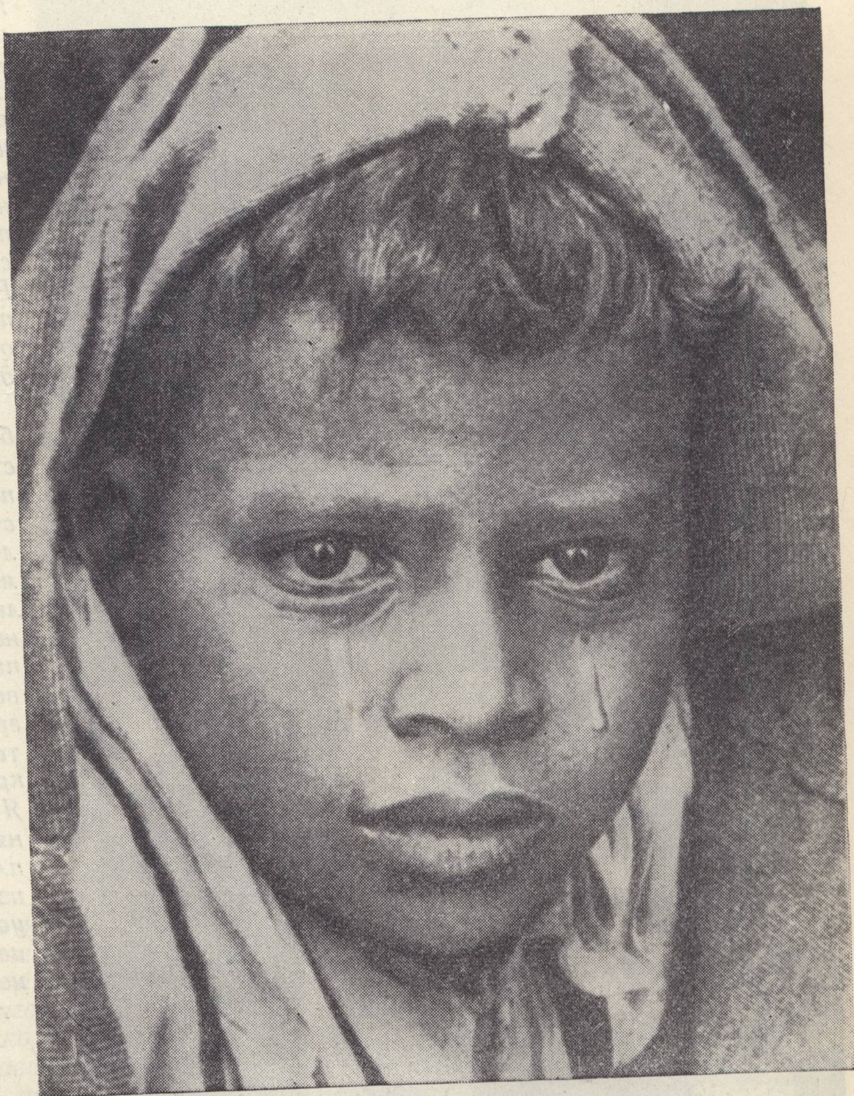
ВСПОМНИМ О НИХ

Мальчик плачет тяжелыми слезами. Его лишили крова. Убили близких. Сожгли родное селение. С толпою беженцев-односельчан бредет он по дорогам Алжира. Мальчик плачет. Но колонизаторов не проймешь слезами...

На земном шаре живет один миллиард детей. Больше чем половина этих детей растет в нищете, в страданиях, в беде.

Вспомним, ребята, о них, о ваших несчастливых сверстниках, живущих в странах, где властвует капитал, где ради прибыли порабощаются народы силою доллара и пулемета.

Вот пять фотографий и два письма. Рассмотрите их, прочитайте, запомните!

Долго ли ему плакать?

ПОД ВЛАСТЬЮ БЕЛЫХ

Негритянская девочка стала ходить в школу вместе с белыми после отмены закона, запрещавшего это.

Итак, закон, позоривший Америку и американцев, отменен? Дети черные и дети белые равны? Почитайте письмо, и вы увидите, как это выглядит на самом деле.

«Я была в числе девочек, которых школьное начальство приняло. Однако, когда мы пришли к школе, нас встретили полицейские и отправили обратно домой. Спустя две недели нас провели в школу черным ходом.

Первая беда у меня случилась на уроке французского языка. Один мальчик протянул ноги поперек прохода между партами, когда я должна была пройти к своему месту. Я вежливо попросила мальчика пустить ме-

ня, но он ответил: «Негритянка, если хочешь пройти, полезай через ноги». Когда я попыталась это сделать, он ударил меня ногой.

Мы всегда наперед знали, когда что-нибудь такое случится. Это всегда происходило после подстреканий взрослых.

Однажды дежурила я в столовой и несла тарелки с супом, подняв поднос высоко над головой, как всегда мы это делали. Вдруг пятеро сидящих впереди меня мальчиков быстро отодвинули назад свои стулья — так, чтобы я не смогла дальше пойти. Я хотела вернуться назад. Тогда мальчики убрали стулья на место. Однако, когда я почти уже было прошла, один мальчик быстро двинул свой стул на меня. Я зацепилась и пролила суп. Меня отвели в кабинет руководителя школы. Тот ужасно рассердился, сейчас же созвал школьный совет, и меня исключили на десять дней. А мальчиков не наказали.

Я ушла домой. Дома я горько плакала.

После зимних каникул нужно было опять явиться в школу. Я решила избегать всяких столкновений. Однако на четвертый день один из тех мальчиков разносил суп. Он как бы нечаянно приподнял край подноса, и тарелки соскользнули на меня. Я была облита супом. Мне было больно и стыдно, но я не заплакала. Ребята же пятнадцать раз прокричали «ура» моему обидчику. Он стал героем дня.

Нам угрожали даже бомбами. Однажды в школе действительно был обнаружен пакет с динамитом. Я чувствовала, что мы, негры, целиком отданы на расправу мальчикам. Мальчики старались оказаться позади, чтобы неожиданно дать сильный пинок. Мальчики забрызгивали чернилами одежду негритянок. В классной комнате злые дети толпились вокруг меня и угрожали мне. Я хотела уйти домой, но меня не пустили. Целый час я плакала, пока не вырвалась из школы. А дома, вечером, услышала по радио, что исключена из школы до конца учебного года».

В Южной Корее много бездомных детей. Там хозяйничают американцы.

МАРТА ПРИЕХАЛА ДОМОЙ

Вас не удивляет, что в советской школе учат бесплатно? Нет, конечно!

А что врачи в наших больницах и поликлиниках лечат бесплатно? Тоже нет?

И что учителя не бьют вас ни

палкой, ни линейкой, ни розгой? Разумеется, нет!

А бедняжку Марту Стрижевич все это очень удивляло, когда она, родившаяся на чужбине, приехала наконец в Советскую страну. Вот о чем пишет нам Марта:

«Мы приехали в Темир-Тау осенью 1956 года. До этого мы жили в Бразилии в городе Санта-Роза. Мои дедушка и бабушка приехали в Бразилию до революции. Город Санта-Роза небольшой. Деревьев много, они прямо на улице растут. Дерево синамон дает большую тень, и ребята в тени играют, потому что там жарко. Особенно жарко перед Новым годом и после Нового года. Ведь когда у нас зима, то в Бразилии лето, а когда у нас лето, то в Бразилии зима. Но в Бразилии и зима теплая. Ходят без пальто. Бразильские ребята даже не знают, как в снежки играют, как снежную бабу лепят.

В школу я начала ходить еще в Бразилии. В школу за то, что я училась, платили деньги. У нас было четыре урока. Перемена была одна, после второго урока. Если плохо знаешь урок, то в перемену не пускают из класса и учитель бьет толстой палкой. Однажды и меня так побили за то, что я не выучила таблицу умножения. В школе перед началом уроков нас заставляли молиться. А я не молилась потому, что папа говорил, что бога нет. Я просто сложу руки и стою. В одной школе у нас были оценки до ста, а в другой школе — до десяти. Если в советской школе ставят «5», то в бразильской школе ставили «100» или «10». В советской школе мне очень нравится. Учителя здесь хорошие, не бьют детей. Перемены здесь после каждого урока. Когда мы сюда приехали, по-русски разговаривали плохо, а читать и писать совсем не умели. Со мной специально занимались учителя, помогали девочки и соседи. С прошлого года я хожу в музыкальную школу.

У нас дома теперь два ученика: я и папа. Он в Бразилии не мог учиться, а тут может. А когда в Бразилии мальчик или девочка заболеет, то нужно врачу платить деньги. Там врач спрашивает: есть у вас деньги? Если нет денег, то он не лечит. В Советском Союзе бесплатно лечат.

В Бразилии игрушки стоят очень дорого. Нам с сестричкой купили здесь, в Темир-Тау, много игрушек и велосипеды.

Очень мне нравятся праздничные демонстрации, когда рабочие идут с красными флагами. В Бразилии так не бывает. Рабочим не разрешают ходить с красными флагами. А тут мой папа нес знамя... Он работает плотником.

Эта девочка с печальным лицом поражена смертельной болезнью, потому что она родилась в городе Хиросиме, где была сброшена первая атомная бомба. Девочка сделала бумажного журавля. В Японии издавна журавль — символ долголетия. А теперь он стал символом борьбы за жизнь детей, против войны.

У нас здесь строится большой завод. Я люблю смотреть, как работают подъемные краны, экскаваторы, бульдозеры. Их я тоже увидела впервые...»

Так пишет девочка Марта, приехавшая из Бразилии в СССР. С Мартой теперь все в порядке. Ее будущее ясно. Никто не посмеет ее бить. Она никогда больше не испытает ни голода, ни нужды. Ее отец никогда не будет безработным.

Она навсегда вырвалась из мира, где все это возможно. Ей посчастливилось.

МАРШ БЕЗРАБОТНЫХ

В самой богатой капиталистической стране — в Соединенных Штатах Америки — десять миллионов людей не могут найти работу. Миллионы людей, жаждущих и способных работать. Но работы нет. И они не знают, чем платить за жилье, на что купить хлеба.

«Ни одно из человеческих переживаний в свободном обществе невозможно хотя бы отдаленно сравнить с тем, что испытывает безработный, как человеческое существо, когда после многих дней напрасных поисков работы, после того, как исчерпаны его пособия по безработице, он должен идти домой, зная, что увидит своих голодных ребятишек...» Уолтер Рейтер, один из американских профсоюзных «вождей», верный слуга капиталистов и капиталистических порядков, сказал эти слова. Он говорил их, выступая перед безработными, напуганный грозным маршем безработных. Доведенные до отчаяния, безработные пришли со всех концов США в Вашингтон требовать работы, требовать хлеба для детей.

Безработица и нищета миллионов людей — так живут американцы.

Американских безработных ждут дома плачущие голодные дети. Плачет маленький осиротевший алжирец. Плачут ребята в лачугах батраков и на кофейных плантациях Бразилии. Миллионам детей очень плохо, тяжело живется на нашей планете, и это волнует всех честных людей. День защиты детей проводится во всем мире, чтобы объединить силы борцов против тех, кто несет детям горе, против рабского труда малолетних, против нужды, голода и болезней, которые уносят юные жизни. Против войны, которая сделает сиротами миллионы детей.

Дети должны жить, и жить счастливыми!

Мальчик на страже. Он стережет землю. В Сицилии безземельные крестьяне захватывают заброшенные помещичьи участки, чтобы засеять их и не голодать. Полиция, войска и наемные бандиты стараются их прогнать.

ГДЕ НОЧЬ ЖИВЕТ

А. НЕКРАСОВ

Рисунок Ф. Лемкуля.

В дальней дороге всегда много нового видит человек и, видя новое, по-новому учится понимать мир.

И вот что удивительно: путешествуя вместе, люди видят-то, в общем, одно и то же. Но каждый из того, что увидел, с годами многое позабудет, растеряет, но что-то, самое, наверное, дорогое, на всю жизнь сохранит в памяти.

В прошлом году я путешествовал по Северу. По широкой реке плыли мы на большом теплоходе... Одни любовались скалами, похожими на развалины замков, других радовала стройка на берегах, третьим хотелось насмотреться на здешних жителей — оленьих пастухов и охотников. А один мальчик ехал с нами, совсем маленький; его почему-то интересовало, где кто живет.

Купили осетра на берегу у рыбаков. Все обступили огромную рыбину, удивлялись, какой он жирный, осетр, какой сильный. А Володя — так звали мальчика — протолкался поближе, потрогал колючую кожу осетра, посмотрел на нас серыми глазами и спросил:

— А где он живет?

Ему объяснили. Потом кто-то увидел в небе речного хищника — скопу. И опять все смотрели, как стройная птица, выглядев рыбу, камнем упала с высоты, зарылась в волну, отряхнулась и тяжело замахала крыльями, унося сверкающую добычу.

Все опять говорили, какая зоркая и какая ловкая птица — скопа, а Володя поднял голову и спросил:

— А где она живет?

Потом видели катер-водомет. Он то задом, то передом сгонял бревна, которые вырвались из большого плота. Вместе с нами смотрел и Володя. А когда все бревна загнали на место и плот починили, Володя спросил про катер:

— А где он живет?

Он и про солнце так спрашивал и про нашего капитана. И пришлось капитану пригласить Володю в гости к себе в каюту. Володя сидел там чинно на диване, рассматривал картинки на стенах, потрогал пушистое одеяло на кровати, потом поблагодарил капитана и, довольный, пошел на палубу.

Это было уже за Полярным кругом. В то время мы вступили в царство вечного дня, и впервые в тот раз у нас совсем не было ночи. Это для человека, который не бывал на Дальнем Севере, конечно, очень странно: как это совсем нет ночи? И когда заговорили о пропавшей ночи, Володя опять обвел нас глазами и спросил:

— А где ночь живет?

Раньше, бывало, мы, как умели, отвечали на его вопросы: осетр, мол, в реке живет, скопа — в гнезде, солнце — за горой, катер — в затоне... А когда он про ночь спросил, никто ничего ответить не сумел, только все засмеялись.

Володю обидел этот смех. Но потом, когда шли между льдами, мы ему объяснили, где тюлени живут и где белухи, и Володя простил нас. Мы думали, что он совсем забыл про ночь, но она, оказывается, не давала ему покоя.

Так пришли мы на остров Диксон. Тут показали Володе, где живут ездовые собаки и где живут вездеходы. Потом наш теплоход пошел назад, на юг, и опять мы шли по той же реке. А потом настал такой день, когда за сопки спустилось солнце и ночь, настоящая черная ночь, завладела миром.

В тот день Володя нас ни о чем не спрашивал. Но утром, когда мы собрались на передней палубе, он пришел, гордо нас осмотрел и сказал:

— А я знаю, где ночь живет!

— Где же, где, Володя? — подхватили со всех сторон.

— В лесу,— сказал он очень серьезно и рукой показал на тайгу, теснившую берега.

Все, конечно, опять засмеялись. Засмеялся и я. А потом, подумав, решил, что смеяться тут нечего.

Мы смотрели по сторонам и все подряд, без разбора собирали в памяти. А Володя работал, искал. Он и так и этак прикидывал, сравнивал то, что видел, во всем спешил разобраться, все хотел понять.

И по-своему прав был Володя: на той реке летом, как раз там, где кончается лес, начинаются светлые ночи.

Я очень тогда позавидовал этому мальчику. И, может быть, из всех богатств, собранных тогда, дольше всех я сохраню в памяти эту хорошую зависть к четырехлетнему малышу.

В. ТОВАРКОВ

ПЕРЕД СЕНОКОСОМ

Озаряя знойным светом
Обмелевшие пруды,
Нам под ноги мечет лето
Белый бисер резеды.

Васильки цветут, гвоздика...
Им бы жить и не тужить,
Только хочет повилика
Их в объятьях задушить.

Тонкий запах медуницы
Различим едва-едва.
Колосится, золотится
Тимофеевка-трава.

Над вьюнком и белой кашкой
Кружатся отряды ос.
Шмель прощается с ромашкой —
Значит, скоро сенокос!

ДУБ

Стоит, молчит засохший дуб.
Он выше всех деревьев в роще.
Его обходит лесоруб —
Так много в нем суровой мощи!

С тех пор, как был он молодым
И до земли порой сгибался,
Столетия прошли над ним.
А он упорно не сдавался.

У вьюг пощады не просил
И не роптал в минуты зноя.
Когда же не хватило сил,
Не дрогнул он
и умер стоя!

ШАГИ СЕМИЛЕТКИ

САМОЛЕТ ВЕДЕТ РЫБАКОВ

У экипажа самолета-разведчика рабочий день начинается раньше, чем у других летчиков Камчатки. Еще только светает, а серебристая машина уже взлетает с Петропавловского аэродрома и, сделав крутой разворот вокруг дымящейся Авачинской сопки, уходит в сторону океана.

С самолетом держат связь радисты сейнеров и рыбокомбинатов.

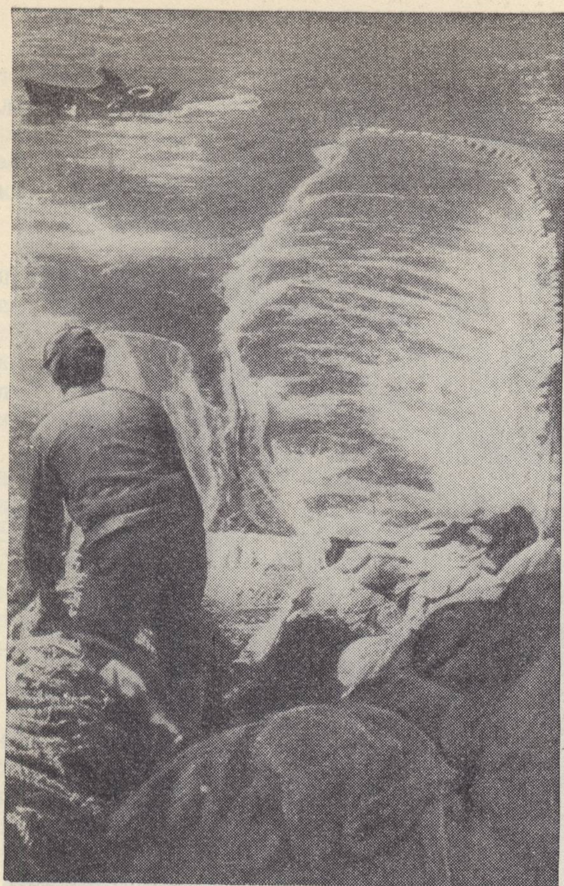
— Я Рыба, я Рыба...— раздаются из эфира позывные самолета.— Вижу сельдь, вижу сельдь!..— сообщает летчик.— Косяки тянутся сплошной полосой в восьми — десяти километрах от берега... Рыба движется на запад...

Летчик-наблюдатель видит на зеленовато-синей морской воде коричневое пятно. Это сельдь! Он даже может определить, сколько ее в косяке. Не удивительно, что рыбаки с нетерпением ждут сообщений своего воздушного помощника.

В бухту Жировую заходят суда почти всех рыболовецких колхозов западного побережья Камчатки. Над самой бухтой пилот кладет машину на крыло, и серебристая птица кружит в крутом вираже.

— На «Воросме» приготовиться к замету! — отдает приказание летчик-наблюдатель.

И вот уже, рассекая острым форштевнем морскую волну, мчится к косяку сель-

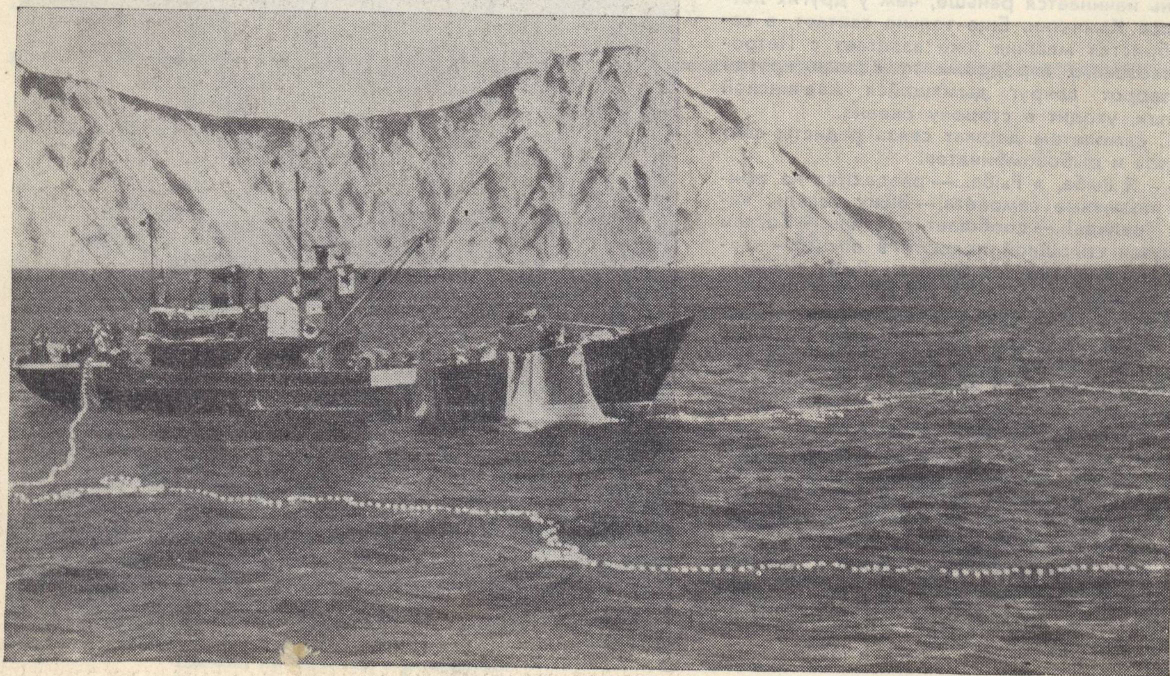
ди океанский сейнер. Все готово к замету. На корме аккуратно уложена снасть. Экипаж на местах, ждет команды с воздуха...

— Шлюпку за борт! — подает команду летчик.

Команду повторяет капитан на мостике. Проходит несколько секунд, и шлюпка с привязанным к ней концом невода уже далеко за кормой. Сейнер разворачивается, окружая сельдь сплошной стеной сети длиною в полкилометра. Сельдь в кошельке! Команда начинает выбирать тонкий капроновый невод. Бьется, мечется косяк внутри сети, в воде мелькают тысячи серебристых спинок. К сейнеру подходят транспортные суда, кунгасы, баржи. Рыбаки черпают из невода рыбу сетчатым мешком — каплером,— заливают рыбой трюмы.

«Легко ловить рыбу!» — могут подумать многие из вас. Но ведь не всегда рыба идет в закрытые бухты вроде Жировой. Гораздо чаще ее приходится брать в открытом море. Рыбаки ловят рыбу в жестокие зимние холода, когда палубы и надстройки покрываются толстым слоем льда, и в штормовую погоду, днем и ночью, изо дня в день.

Камчатку называют рыбным цехом страны. Более двух миллионов центнеров рыбы вылавливают камчатские рыбаки. Рыбаки сейнера «Воросма» совершили настоящий подвиг, выловив в прошлом году около двадцати тысяч центнеров рыбы: более чем вдвое перевыполнили годовой план! А молодежный экипаж траулера «Крутогорово» добыл за год около тридцати тысяч центнеров! Это небывалый улов! Рыбакам заслуженно присвоено почетное звание экипажа коммунистического труда.

А какую замечательную рыбу здесь ловят! Лососи, чавыча в несколько пудов весом, гигантские палтусы...

Комсомолка Шура Абайдулина, которую вы видите вверху, не первый год работает на Озерновском рыбокомбинате, немало разной рыбы прошло через ее руки, но такому палтусу-великану даже Шура удивилась:

— Ну как тебя, такого нестандартного, упаковать?!

Семь лет назад все траулеры Камчатки ловили за год семьдесят пять тысяч центнеров рыбы, а в прошлом году траловый флот добыл рыбы в десять раз больше. К концу же семилетки только траловый флот будет брать два миллиона центнеров. Растет флот и рыболовецких колхозов. Комсомол Камчатки строит новые рыбоперерабатывающие базы.

Вот такая она, Камчатка,— богатейший край, край новостроек, край отважных, смелых людей, которые трудятся не покладая рук, чтобы выполнить и перевыполнить семилетний план.

Ю. Муравин

Петропавловск-Камчатский.

БУДЬ ГОТОВ

Лагерь работает по ступенькам

Первый день в пионерском лагере. Уже обошли всю территорию, осмотрели новое здание клуба, удивились подросшим тополям, которые сами посадили в прошлом году, встретили старых друзей: лагерного сторожа и его добродушную дворнягу Шарика,— опробовали футбольное поле, сбегали на речку: не пересохла ли?

А теперь давайте выберем время, посидим, подумаем: впереди целых двадцать шесть дней лагерной жизни. Как их лучше использовать? Что интересного придумать, чтобы все дни были непохожие, веселые, чтобы все до одного запомнились? Вы, конечно, предложите много разных вещей: поход и спартакиаду, праздник песни и карнавал, игру в разведчиков и костер. Правильно! Вы не первый год в лагере, сами знаете, чем нужно заниматься. Поэтому я не буду рассказывать обо всем. Мне хочется подсказать такое, чего еще, вероятно, не было в вашем лагере, потому что только с этого года начинает он работать по ступенькам.

ДОСКА ОБЪЯВЛЕНИЙ

Вот какие объявления могут появиться на такой доске.

Учу кидать далеко и метко.

Толя Приходько.

Ищу, кто научит фотографировать.

Женя Кондратьев.

Кто не знает морской сигнализации,— приходите сегодня в пять часов ве-

чера к задней лагерной калитке: даю первый урок!

Тамара Смородинская.

Учу ходить по бревну, перебираться через ручьи и канавы.

Юра Дежников.

Берусь предсказывать погоду по разным приметам. Кто хочет соревноваться на точность прогнозов!

Лена Виноградова.

Умею делать свистки и свирели — лучший подарок для малышей, могу научить желающих.

Борис Ткаченко.

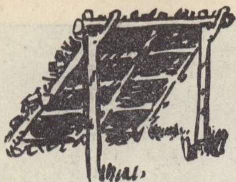
У вас в лагере, наверно, вывешен список требований пионерских ступеней. Пусть каждый посмотрит, что он умеет делать хорошо и чему мог бы научить товарищей, а чего он совсем не умеет. Посмотрит, подумает и даст соответствующее объявление.

ЛАГЕРЬ-СПУТНИК

Вы слыхали про города-спутники? Их будут строить в этой семилетке. Например, под Москвой, в сорока километрах, на станции Крюково. Шестьдесят пять тысяч человек будут жить в городе-спутнике.

Давайте устроим *лагерь-спутник*. Выберем в лесу сухую полянку за километр или два от лагеря, поставим шалаши или палатки, оборудуем кухню, столовую. Мачту поставим, чтобы поднимать флаг лагеря-спутника, выроем землянку-штаб, сделаем наблюдательные вышки. Ребята-техники сами придумают, как наладить связь с большим лагерем. В общем, если подумать да постараться, лагерь-спутник можно здорово оборудовать. И это будет хорошей тренировкой по туристским навыкам ступеней.

Кто же будет жить в лагере-спутнике? По-моему, все звенья по очереди. Если какое-нибудь звено отличится в хорошем деле, ему можно вне очереди, в награду, отдать лагерь-спутник на пару деньков.

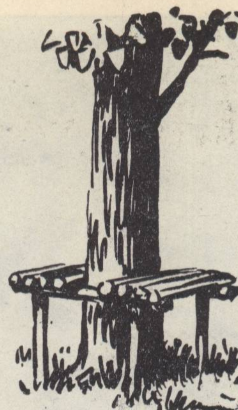

Вот различное оборудование для лагеря-спутника: простой шалаш навесом и более сложный шалаш — в форме чума. Очаг, сложенный из кусков дерна, вырезанных квадратами. Березовые сучки — привязные вешалки (чтобы не портить деревьев).

«Диван» из кольев; для кольев надо брать сухостой, чтобы не портить живую древесную поросль. А еще можно просто сделать дерновые скамьи, таким же способом, как и плиту.

ЛЕСНЫЕ ДОЗОРЫ

Самодельная карта леса, который начинается у лагеря, разбита на квадраты. В лесу в каждом квадрате можно встретить двух ребят, пробирающихся среди кустов, внимательно оглядывающих деревья. На руках зеленые повязки с вышитыми буквами «ЛД» — «лесной дозор».

Зорко смотрит дозор. Не выпал ли где-нибудь птенец из гнезда? Его надо водворить на место. Не согнулась ли где-нибудь от зимних заносов молодая березка? Ее надо осторожно выпрямить. Нет ли на дереве ветки с пожухлыми, покореженными листьями, в буграх и бородавках? Надо собрать больные листья, а потом сжечь на костре, а главное, посмотрите, не появился ли убийца деревьев — непарный шелкопряд, не видно ли кладок его яиц...

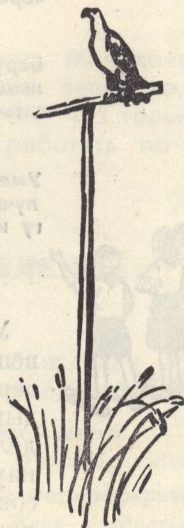
Ну, а если все хорошо в лесу, патруль, возвращаясь в лагерь, докладывает начальнику дозоров: «В квадрате Д-9 все спокойно!»

ОХОТНИКИ-ИСТРЕБИТЕЛИ

«Внимание! Открыта запись в боевой отряд истребителей!» Такое объявление появилось утром у входа в корпус. И сразу нашлись охотники записаться в необычный отряд.

Кто не ловил майских жуков, не заполнял ими коробки из-под папирос, не пускал летать на ниточке? Но это все забава. А знаете ли вы, что майский жук и его личинка — страшные враги леса? Глубоко в земле, невидимая и недосягаемая, грызет, подтачивает личинка корни деревьев. Майским жукам — война до полного истребления! Но гоняться за каждым пролетающим жуком не стоит. Рано утром, на зорьке, вы найдете жуков с изнанки березовых листьев. Потрясите дерево, соберите жуков, а потом морите: обдайте их крутым кипятком.

А вот еще один враг — комар. В небольших стоячих водоемах, в болотцах, в колдобинах, залитых водой, в старых лужах вы найдете маленькие, в сантиметр величиной, комариные личинки. Они как будто прикреплены к поверхности воды изнутри. Если лужа, где обнаружены личинки, площадью в несколько квадратных метров, плесните в нее столовую ложку керосина. Вода покроется тоненькой пленкой, и личинкам комаров придет конец. Вы понимаете,

В этом пионерском лагере собираются ребята, которые и живут рядом, в соседних деревнях, и учатся вместе, в одной школе, и воспитатели у них — свои же учителя. Это пионерский лагерь колхоза имени Горького в Городецком районе, Горьковской области.

Кажется, все места вокруг исхожены, все ребята знают друг друга. Но почему вдруг изменились привычные опушки, почему речушка, на которой давно измерен каждый брод, стала такой привлекательной? Почему товарищи стали веселее, дружнее? Потому что здесь, в лагере, все делают вместе: вместе ходят походами на Волгу, вместе побывали на Горьковской ГЭС и просто в лес по ягоды тоже вместе ходят. Вот сейчас из газетного листа сложат последнюю «буденовку», и отряд отправится на рыбалку.

Колхоз хорошо позаботился о своих ребятах. В просторном, уютном доме, который выстроили для лагеря колхозные плотники, пионерам хорошо живется летом.

В походах, спортивных состязаниях, в работе на колхозных полях закалится здоровье ребят, закалится пионерская дружба.

Фото А. Геринаса.

Ученические бригады Ставрополья каждый год выходят на колхозные поля.

Вверху: пионеры-шестиклассники школы № 20 за прополкой лука. Слева: хороший завтрак после хорошей работы. Внизу: как устроен цветок яблони? Интересный разговор с учительницей-биологом Антониной Павловной Субботиной.

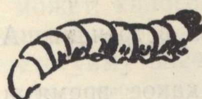
Фотографии Евгении Оцуп.

конечно, что в пруду этого делать нельзя: погубите рыбу.

У охотников-истребителей есть союзники. Ваши союзники в борьбе с полевыми мышами — соколы, совы. Надо помочь им. Поставьте посреди поля «дозорную сторожку» — обыкновенную палку метра в два с перекладиной наверху. Сюда обязательно прилетит молодой соколок. Будет сидеть на шесте и осматривать поле. Чуть увидит, что зашевелились молодые всходы пшеницы,— раз! И полевка — вредитель урожая — попалась.

ДРУЗЬЯ ИВАН-ЧАЯ

Когда цветет иван-чай, сбор меда удваивается. Это хороший медонос, очень полезное растение. Надо позаботиться о нем! Любит иван-чай расти по светлым опушкам, на сухих солнечных полянках. На опушке куст, а у куста заросли высокого, с розово-лиловыми метелками иван-чая. Выкопай одно — два растения ножом, посади в другом месте. Не забудь полить два — три раза. А когда созреют кисти-свечки, поспеют семена с длинными пушистыми нитями, соберите их. Пойдете в поход — выпустите где-нибудь на опушке. Может, сюда семенам не залететь: лес стоит преградой. А вы им поможете. И зарослей иван-чая будет больше, больше будет меда на колхозных пасеках.

СУД НАД РАЗОРИТЕЛЕМ ГНЕЗД

Тревога! Отряд собирается немедленно. Все бросают свои дела: чрезвычайное происшествие. Нашелся в отряде человек, который разорил гнездо.

В таких случаях надо устроить суд. Выбрать общественного обвинителя. Пусть выступят свидетели. Если найдется человек, который захочет защищать разорителя, пусть будет защитником, дайте и ему слово. Только вряд ли он сумеет сказать что-нибудь веское. Не может быть оправдания для разорителя гнезд!

А какой будет приговор, какое наказание? Можно постановить: вывесить на видном месте большую карикатуру на разорителя. Ну, а главное наказание — презрение товарищей.

КОНЦЕРТ ПО ЗАЯВКАМ

Объявите на вечерней линейке:

«У кого какая любимая песня? Наш отряд принимает заказы на исполнение».

Просьб будет много: «Подмосковные вечера» и «Картошка», «Санта Лючия» и «Футбольная», песня из кинофильма «Судьба барабанщика» и совсем незнакомая песня, из которой самому «заказчику» известен только припев:

Шагать осталось нам немного,
Вдали виднеется она,
Широкая дорога,
Родная сторона.

Не бойтесь, что будет трудно найти некоторые песни. Разыщите, расспросите взрослых, попросите их, когда поедут в город, там

поискать. Составьте программу и начинайте готовиться. Одни песни исполните хором, другие — вдвоем, втроем, для третьих найдутся солисты. Хороший получится концерт! Весь лагерь будет доволен.

ЛУННЫЙ ПРАЗДНИК

Восход солнца все встречали. А восход луны?

Узнайте точно, в какое время и откуда ждать луну, соберитесь на открытом месте, на берегу реки, и всем отрядом приготовьте луне торжественную встречу.

Вот из-за верхушек деревьев показалась луна, огромная, красная, и сразу все вокруг осветилось таинственным зеленоватым светом... Давайте хором крикнем: «Здравствуй, луна!»

А потом хорошо бы разжечь небольшой костер, усесться вокруг него потеснее, и пусть кто-нибудь расскажет о советской космической ракете, фантастическую историю про приключения астронавтов на Луне, а какое-нибудь звено покажет сценки «Высадка первых людей на Луне» (путешественники должны быть, конечно, в скафандрах, которые можно сделать из картона и бумаги).

ПЯТНАДЦАТЬ СЕРЬЕЗНЫХ МИНУТ

Хорошо играть в лагере в «робинзонов», все делать самим, поселиться на «необитаемом острове», построить лагерь-спутник, провести несколько дней в далеком походе. Хорошо на месяц совсем позабыть про город, и даже если по маме скучать не будете, тоже неплохо: значит, в лагере весело.

Но в одном отношении в «робинзонов» превращаться ни в коем случае нельзя.

Пока вы отдыхаете, бегаете, играете, поете, купаетесь, страна наша живет трудовой жизнью. В жаркий день, когда вас, кажется, совсем разморило, рабочие стоят у дышащих огнем печей, варят сталь семилетки; в самый зной, когда, кажется, рукой пошевелить лень, колхозники трудятся на полях, борются за урожай семилетки; в дождливую ночь, когда вы кутаетесь в одеяла в теплых постелях и, замирая, слушаете приближающиеся раскаты грома, пограничники на сторожевых катерах выходят в открытое море...

Можно ли забывать о них? В пионерских ступенях сказано: «Постоянно следи за событиями, происходящими в нашей стране и за рубежом».

Вечером, перед ужином или после вечерней линейки, давайте на пятнадцать минут соберемся в тихом месте и попросим вожатую рассказать, что случилось за сегодняшний день на свете. А если вы перешли в седьмой, восьмой класс, вы и сами по очереди можете рассказывать товарищам о том, что прочитали в газете или услышали по радио.

ВОЗЬМИТЕ С СОБОЙ ИСТОРИЮ!

Не бойтесь, не учебник. Учебник истории можете оставить дома. Речь идет о другой увлекательной истории: про пограничников, про разведчиков, про изобретателей необыкновенных машин, про приключения и тайны... Вы не забыли позаботиться о такой истории до отъезда в лагерь? Потому что каждый день в лагере наступает такое чудесное время, когда уже легли спать, а спать еще не очень хочется, и вожатая разрешает часок рассказывать. Вот тут самый нужный человек в отряде тот, кто знает много всяких случаев, читал такие книжки, каких никто еще не читал, кто умеет рассказать о самом интересном, что он узнал из книг, как этого требуют ступеньки.

И если у вас в палате нет ни одного такого человека, мне вас очень жаль.

ЧУДЕСНЫЕ ДНИ

Все ребята помогают соседним колхозам: полют огороды, готовят веточный корм, роют силосные ямы. За смену отряды по три — четыре раза отправляются на работу. Но вот как иногда бывает. Собираются долго, нудно, из лагеря выходят часов в одиннадцать, когда самое солнце. Пока дойдут до поля, пока разберутся, что и как делать, пора уходить. Иной раз только и разговора, что «помогли», а на самом деле без толку топтались в пыли на жаре.

Будь я в старшем отряде, я бы сделал не так. Я бы упросил вожатого, и мы всем отрядом дня на два — три ушли бы из лагеря в один из соседних колхозов.

Хорошая жизнь! Встать часов в пять утра, и пока прохладно — до девяти,— поработать в свое удовольствие, с толком, с пользой для колхоза. За это время дежурные завтрак приготовят. Потом отдыхай, купайся, броди по лесу, читай, готовь концерт для колхозников: нельзя без концерта уйти из села! С четырех до шести еще поработать; время пролетит быстро. Не забудьте подсчитывать, сколько трудодней всем отрядом выработали, какое звено больше сделало, а какое — меньше. Без соревнования неинтересно.

ДЕНЬ ОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ

Вспомните, как вы первый раз робко пришли в авиамодельный кружок. Кругом были ребята, занятые своими сложными делами; они едва подняли глаза, чтобы посмотреть, кто это мешает; они подходили к руководителю и задавали вопросы; тот односложно отвечал, а вы не понимали ничего: ни вопросов, ни ответа. В ту минуту казалось, что никогда не научишься всем этим премудростям специалистов, и очень хотелось сбежать. У новичка всегда трудное положение. Может, поэтому из вашего отряда только пять — шесть человек ходят в кружки, а остальные небрежно отмахиваются: дескать, чего я там не видел! Нет, новичкам надо помочь!

Давайте попросим, чтобы для вашего отряда все кружки устроили «день открытых дверей». В этот день, как бы ни были заняты кружковцы своей работой, они оторвутся от дел и расскажут вам, чем занимаются, покажут, чему научились. Походите по кружкам, посмотрите и — я уверен! — найдете такой, из которого уходить не захочется.

Потом «день открытых дверей» можно будет провести для другого отряда. Это, конечно, только говорится так: «открытые двери». На самом деле лучше, чтобы в лагерных мастерских вовсе не было дверей и даже стен, чтобы работали ребята в беседке, под навесом — на свежем воздухе.

ЧТО ВЫ ПРИВЕЗЕТЕ ИЗ ЛАГЕРЯ?

С первого дня лагерной жизни стоит задать себе вопрос: «А что я привезу из лагеря?» Давайте подумаем.

Ну, конечно, крепкие мускулы, неплохой загар и, может, килограмм лишнего веса — это не мешает.

Привезете уйму впечатлений: как ходили в поход, как у кого-то тапочки на костре сгорели, как обыграли в футбол верзил из соседнего лагеря.

Приедут с вами новые песни и игры, которых во дворе еще не знают.

В записной книжке появятся новые адреса и телефоны: после лагеря обязательно нужно встретиться с товарищами по отряду.

Еще хорошо бы привезти с собой что-нибудь сделанное своими руками. Небольшой, но аккуратно, «по правилам науки», собранный гербарий. Модель планера или торпедного катера, которую смастерил в кружке. Красивую, со вкусом вышитую салфетку.

Но это не все.

По-моему, только тогда можно сказать, что человек не зря пробыл в лагере, если он увозит с собой хотя бы два — три новых умения и... одно увлечение.

Не умел плавать — за смену научился держаться на воде.

Никогда не ездил на велосипеде — в лагере попробовал, во дворе доучишься.

Не знал, что и делать с компасом, а теперь к любому пункту выйдешь по азимуту.

А самое главное, нашел для себя такое увлекательное дело, что займешься им — про все на свете забудешь. Что это будет? Может, кто-то из вас построит первый, маленький приемник и поймет, что ничего интереснее радиотехники нет. Может, будет пропадать в живом уголке у клеток с черепахами, белками, ежами и ужами. Может, так понравится в походе, что станет заядлым туристом.

В лагере большие возможности, разнообразные дела. Не бойтесь быть новичками, идите в кружки, расспрашивайте педагогов, не жалейте времени. Кто знает, может, именно этим летом, именно в эту смену вы и найдете себе главное дело на всю жизнь.

Вожатый **Сима Соловьев**

ОТВАЖНЫЕ

(Продолжение)

Александр ВОИНОВ

Рисунки А. Смолина, П. Смолина.

В доме Никиты Борзова

Коля бросился к окну. В раму были вделаны толстые железные прутья. Такие пилой за день не распилишь.

Через несколько минут Никита, одетый в пальто с поднятым воротником, ушел со двора, не забыв спустить пса с цепи.

Коля остался один. Им овладело отчаяние. Он стал трясти дверь. Но дубовую дверь не выломал бы и более сильный человек. Она только мягко дрожала и глухо гудела, когда Коля начинал бить в нее ногами. Коля до крови разбил кулаки, отбил себе пятки, но дверь так и осталась неприступной. Нет, из комнаты выхода не было. Коля даже заглянул в стоявшую в углу печь, но труба была слишком узка. Он только измазал себе сажей нос и щеки.

Куда же пошел «банщик»? Он наверняка отправился в гестапо, чтобы донести на отца. «Что я наделал, что я наделал? — шептал Коля.— Как помочь отцу? Как спасти его?»

Пусть только вернется Никита! Он убьет его, убьет вот этим ножом, который лежит на столе. И Коля схватил большой кухонный нож с острым концом. Да, он его убьет...

Быстро сгущались сумерки. За окном хрипло лаял пес. Осенние деревья медленно покачивали своими почерневшими ветвями. В соседней комнате громко тикали стенные часы...

Сколько прошло времени? Час, два, три?.. Коля сидел, не смыкая глаз, и напряженно думал. Он вспомнил свое детство, отца, мать... Почему-то ему все время мерещился синий шрам на ее щеке, когда она нагнулась, чтобы поцеловать его в последний раз.

Об играх, о голубях он не вспоминал, как будто всего этого у него в жизни никогда и не было. Он, маленький, но уже взрослый человек, на которого разом свалились все невзгоды, старался понять, как же ему теперь жить.

Вдруг пес яростно залаял. Коля бросился к окну и увидел темную фигуру, идущую от ворот. Никита! Стукнул засов. В коридоре послышались шлепающие шаги. Щелкнул выключатель, и сквозь дверную щель в комнату проникла узкая полоса света. Никита потоптался в прихожей, видимо, снимал пальто, затем подошел к двери.

Коля прижался к притолоке, ожидая, что, как только Никита откроет дверь, он нанесет ему удар. Но тишина в комнате, видимо, обманула Никиту.

— Спишь...— проговорил он за дверью.— Ну, спи. Не буду мешать...

Никита потушил в прихожей свет и прошел в соседнюю комнату, которая служила ему столовой. Там он с чем-то долго возился: то ли шкаф двигал, то ли стол. Коля прислушивался к доносившимся до него звукам и решал, позвать ему Никиту или ждать, пока тот откроет дверь сам.

Он решил ждать, когда Никита войдет в комнату по своей воле.

Прошло еще долгое время, и Коля услышал: Никита снова идет в прихожую. Снова щелкнул выключатель. Никита опять потоптался, потом глухо хлопнула дверь — он вышел во двор. Но сколько ни старался Коля разглядеть его тень в той стороне, где были ворота, ничего не было видно. Только звенела цепь, на которой сидел пес, и раздавался его лай. Колю удивило, что собака лаяла теперь в противоположном конце двора. «Что она там охраняет?» — подумал он.

Никита во дворе не задержался. Через несколько минут он вернулся, крепко закрыл двери изнутри, потушил везде свет и, по-видимому, лег спать...

Проснулся Коля от приглушенного говора двух голосов. За окном была глухая, темная ночь. Сквозь двери не проникал даже слабый луч света. Видимо, двери в соседнюю комнату из прихожей были прикрыты.

Сон мгновенно пропал, и Коля изо всех сил прижал ухо к замочной скважине. Да, несомненно, говорят двое. Глухой незнакомый голос и скрипучий, принадлежащий Никите. Но ни одного слова не разобрать.

Коля приложил ухо к стене, поближе к печке,— она отапливала две комнаты: ту, в которой сейчас находился Коля, и соседнюю, где Никита разговаривал с каким-то незнакомым человеком. Уже одно то, что разговор происходил глубокой ночью, заставило Колю насторожиться. О чем они говорят? Наверно, опять замышляют что-нибудь недоброе. Здесь, в углу, где стена упиралась в печку, было слышно немного лучше, но все же слова звучали неразборчиво.

Тогда Колю вдруг осенило: а что, если сунуть голову в печку?

Да, затея его удалась. Очевидно, на другой стенке печки была открыта вьюшка, голоса теперь были слышны совершенно отчетливо.

— И ты убежден в этом? — спросил густой, низкий голос, который показался Коле знакомым.

— Вполне убежден,— ответил Никита.

— Ты проверил?

— Проверил.

За стеной помолчали.

— А кто его видел, кроме Коли? — спросил тот же низкий голос.

— Еще трое.

— Сколько же теперь в лагере человек?

— Шестьсот будет.

— И когда их погонят?

— Мейер говорил, что укрепления начнут строить через несколько недель. Но, конечно, пленных туда отправят раньше.

— И ты заранее узнаешь?

— Это очень трудно, но попробую.

Коля понял, что речь идет о его отце. Он понял также, что человек, который разговаривает с Никитой, принадлежит к подпольщикам. Но кто он такой и почему он говорит с Никитой о таких важных вещах? И вдруг Коля вскочил. Ведь накануне своего ареста мать тоже встречалась с Никитой. Нет, она не была у него дома. Она ходила к нему в городскую управу, но когда вернулась, была очень взволнована. Несомненно, Никита завлекает, а затем предает людей. Надо предупредить того, кто там, за стеной. Он, наверное, не знает, что Никита только что выдал гестаповцам человека!

— Эту операцию мы должны обязательно провести,— опять сказал тот же голос,— придется бросить на это дело весь отряд. Но сам понимаешь, маленькая оплошность — и мы сами окажемся в ловушке...

— Да, тут нужно сохранить полную внезапность,— ответил Никита, и Коле показалось, что он усмехнулся.

Опять помолчали.

— А как же быть с парнем? — спросил Никита.

— Держи его пока у себя.

— Говорит, сбегу.

— Куда он может сбежать?

— Куда-нибудь.

— Ну, а нам сейчас его взять некуда. С месяцок пусть у тебя поживет.

— Что ж, придется держать под замком.

— Это уж слишком.

— Посмотрю, если обвыкнется, тогда другое дело... Пей, пей чай, а то остынет.

— Какой уж тут чай! Убираться надо. Дик привязан?

— Привязан.

— Страшная у тебя собака.

Никита засмеялся.

— Да уж! Для такой жизни самая подходящая.

Послышался стук отодвигаемого стула.

— Вот что, Геннадий Андреевич...

— Не Геннадий Андреевич, а Павел Мартынович,— поправил Никиту другой голос.

Но Коля чуть не закричал от радости. Конечно же, это голос Геннадия Андреевича, директора школы, в которой он учился! Весь город говорил, что он ушел в партизаны. С тех пор, как фронт отодвинулся на восток, его здесь никто не видел.

Может быть, сейчас закричать, затопать ногами, позвать его к себе на помощь? Рассказать ему всю правду о Никите? Ну, а если Никита убьет Геннадия Андреевича, когда увидит, что тот о нем все знает? Нет, надо молчать, терпеть и слушать...

— Теперь, Никита Кузьмич, запомни явку,— сказал Геннадий Андреевич,— деревня Малиновка... хата Полозневой. На краю деревни.

— Так... Запомнил.

— Пароль: «Можно напиться воды?» Тебе ответят: «Воды много, пей сколько хочешь...» Понятно? Повтори.

Никита повторил.

— Задачу свою уяснил? — спросил Геннадий Андреевич.— Ничего повторять не надо?

— Все понятно, Павел Мартынович! — весело ответил Никита.

— Действуй, но осторожно. Прощай... Пойди попридержи пса.

По коридору глухо простучали шаги двух людей. Хлопнула входная дверь. Залаял в глубине двора пес. Потом лай стал еще громче. Никита вновь перевел собаку на старое место. Через минуту опять хлопнула дверь. Стукнул засов. Никита с минуту постоял у двери, за которой, дрожа от нервного напряжения, притаился Коля, а потом, видимо, успокоенный, вернулся в свою комнату.

Коля тут же опять засунул голову в печку.

То, что он услышал, разрушило все его сомнения.

Геннадия Андреевича и его подпольщиков ждала страшная опасность.

— Это вы, господин Блинов?..— услышал он голос Никиты.— Простите, что звоню ночью. У меня крайне важное сообщение. Да, может подождать до утра... Слушаюсь... Ровно в девять утра я у вас.

В дверях, не переступая порога, стоял Никита.

Тяжелый день

Коля полночи проворочался на узком, жестком диване, который стоял в углу комнаты, а затем забылся в глухом, тяжком сне. Проснулся он так же внезапно, как и заснул, от чувства острой опасности, которое вдруг мгновенно выхватило его из сна. Как будто пружина рванула его кверху, полетела в сторону рваная шинель, которой он укрывался, и он встал посреди комнаты, взлохмаченный, с красной полосой от жесткого диванного валика через всю левую щеку.

В дверях, не переступая порога, уже в пальто и шапке стоял Никита.

— Тебе бы, Коля, в пожарных хорошо служить! — добродушно усмехнулся он.

Коля таращил на него заспанные глаза, ощущая во всем теле противную ломоту. За окном светилось яркое, солнечное утро. На вершине забора сидел большой красный петух и гордо крутил головой.

— Не бойся, не бойся, не трону,— примирительно сказал Никита.— И запирать не стану. Ходи по всему дому. Еда на столе. А во двор выходить не смей: Дик порвет. Ну, будь умником! Вечером вернусь — поговорим, что делать.

И Никита вышел, не заперев за собой дверь дома. Коля увидел, как он спустил пса с цепи, а затем торопливо пошел к воротам. У калитки он обернулся, строго погрозил пальцем и вышел на улицу.

Коля тяжело опустился на пол. Где-то за стеной мерно постукивали ходики. Со двора донеслись горластое пение петуха и злобное урчание пса, бегавшего под окнами.

В доме Никиты было всего три комнаты, и Коля хорошо знал их расположение. В первой комнате, самой большой, стояла сложенная из кирпича печь, покрытая толстой чугунной плитой с тремя конфорками. Справа, в углу, стоял буфет с посудой, а посреди — большой дубовый стол на коротких толстых ножках. За этим столом Никита обедал, а вечерами что-то писал в потрепанной бухгалтерской книге в черном переплете. Дверь налево вела в совсем маленькую комнату, три четверти которой занимала большая, широкая кровать. Над ней висела черная рамка с большой фотографией самого Никиты. Эта фотография была сделана еще накануне революции, Никита тогда служил в городской бане купца Трифонова. Фотограф снял его стоящим во весь рост около этажерки, на которой в высокой вазе пышно расцветал букет бумажных роз. Узкие плечи Никиты облегала черная, одолженная на этот случай визитка, а лицо, и без того маленькое, невыразительное, казалось еще более узким от усов, закрученных длинными, острыми стрелками.

Коля тяжело опустился на пол...

Ну, а третья комната была та самая, в которой сейчас находился Коля. Назначения у нее никакого не было. Просто это была небольшая комната, в которой стоял диван, а на стене висело несколько литографий из старых журналов.

Коля нашел на столе миску с вареным мясом, соленые огурцы, черный хлеб и черствый пирог с капустой. Увидев все это, он вооружился ножом и с жадностью набросился на еду. Куски мяса он глотал, почти не прожевывая, огурцы трещали под его острыми зубами. И через несколько минут, когда он наелся до отвала, все беды показались ему не такими уж страшными.

Несмотря на то, что Коля расправлялся с мясом, как мог, его осталось еще человек на пять — огромный кусище на большой мозговой кости. Пирог с капустой был очень вкусен.

Теперь Коля почувствовал себя гораздо крепче. Он обошел весь дом, выглянул на крыльцо, но тотчас же овчарка, копавшаяся в какой-то куче на другой стороне двора, огромными прыжками бросилась к нему, очевидно, с самыми недобрыми намерениями. Пес глухо и злобно рычал, оскалив огромные белые клыки. Мальчик захлопнул дверь, когда мохнатые лапы уже коснулись крыльца, и подбежал к окну. Собака сидела на верхней ступеньке и выжидательно смотрела на дверь своими голодными, злыми глазами. Коля приоткрыл раму и свистнул. Овчарка надрывно залаяла. Нет, с этим псом не сговоришься. Но, может быть, его можно подкупить? Коля отрезал большой ломоть мяса и бросил его собаке прямо под ноги. Она продемонстрировала великолепное презрение: понюхала мясо и равнодушно отошла прочь...

Нет, дядя Никита знал, кого он оставляет сторожить своего пленника. Такому сторожу можно спокойно доверить дом. Часы тянулись... Солнце уже начало клониться к крыше сарая. Коля бродил по дому, тщетно стараясь придумать, как ему отсюда выбраться. В углу, за печью, он нашел длинную крепкую веревку и сплел из нее нечто похожее на лассо. Несколько раз он пытался накинуть его на шею проклятого пса, но тот ловко увертывался, а затем вцеплялся в веревку зубами и старался ее перегрызть. Эта странная игра продолжалась довольно долго. Наконец Коля устал и привалился спиной к косяку окна.

Что же делать? Пока он ждет здесь, Никита, наверно, уже рассказал Мейеру о своем ночном посетителе. Теперь немцы узнали пароль и пошлют к вдове Полозневой своего шпиона. А дальше?.. Он представил себе Геннадия Андреевича лежащим на земле с простреленной головой. И вдруг он подумал об отце! Что будет с ним? Ведь теперь Никита знает, что он в лагере. Отца повесят... Ах, зачем, зачем он сказал Никите об отце?! Он сам во всем виноват. Что же делать? Что же делать? Как спасти отца?!

Колю с новой силой обуяло стремление как можно скорее вырваться из этого проклятого дома, во что бы то ни стало убрать с дороги этого проклятого пса! Ну, а что, если завернуться в одеяло? Нет, нет! Пес все равно бросится и разорвет его в клочки. Отравить бы его, но чем?.. А если ударить его железной кочережкой, которая стоит за печкой? Коля слез с подоконника и взял кочережку в руку. Она была в двух местах пережжена и едва держалась. Ударишь — только еще больше разъяришь пса... А топор? Где топор? Коля бросился искать его по всем углам. Но ни в комнатах, ни в сенях топора не было. Очевидно, Никита прятал его в сарае.

И вдруг в сенях Коля приостановился. Между наружной дверью и дверью, которая ведет в квартиру,— небольшой коридорчик. Что, если заманить собаку туда, а потом!.. О, если бы это удалось!

Он вошел в комнату, взял свое лассо, затем вернулся в сени и привязал конец веревки к ручке наружной двери, а остальную веревку протащил через сени внутрь дома. Потом он прикрыл внутреннюю дверь, но не совсем, а так, чтобы осталась узкая щель, и потянул на себя веревку. Так и есть! Наружная дверь захлопнулась. Теперь он потянул на себя и ту дверь, перед которой стоял. Она вошла в плинтус, накрепко прижав к нему веревку! Для верности Коля обмотал свободный конец вокруг ножки стола.

Так! Если пес окажется в сенях, то из этой ловушки ему самому не выбраться.

Оставалось самое главное — заманить сюда овчарку, а самому успеть скрыться за внутренней дверью. Но как же это сделать? Бросить еще мяса? Однако пес не съел и того куска, который до сих пор валяется в пыли у нижней ступеньки. Нет, нужно придумать что-то другое.

Коля вышел на крыльцо и остановился на верхней ступеньке. Пес лежал на тропинке, ведущей к воротам, и, вытянув вперед лапы, внимательно смотрел на него.

Коля постоял немного, собираясь с духом. То, на что он решился, могло кончиться для него ужасно. Вчера его спас Никита. Теперь же, если пес его настигнет, помощи ждать неоткуда.

Коля попытался накинуть лассо на шею собаки.

Вдруг Коля мотнул головой, спрыгнул с крыльца на тропинку и опрометью бросился к собаке.

Овчарка вскочила, испуганно отпрянула, но в тот же момент, оскалив зубы, сжалась для прыжка. Коля пробежал еще шагов десять, повернулся и кинулся назад к крыльцу, чувствуя за своими плечами тяжелое дыхание.

Не помня себя, он вихрем взлетел на крыльцо, вбежал в сени, заметив, как мелькнула вслед за ним длинная черная тень, и захлопнул внутреннюю дверь.

Разъяренный пес злобно царапал дверь лапами. Коля чуть приоткрыл ее и потянул веревку. Наружная дверь хлопнула. Ловушка закрылась.

Пес с воем метался в узком коридорчике между двумя дверями, но теперь он был не страшен. Через несколько минут Коля уже перелез через забор. Вот он уже в соседнем дворе. Он на свободе! Что теперь делать? Он целый день был так одержим одним стремлением выбраться из дома Никиты, что не подумал о том, куда же ему потом деваться.

Возвращаться домой он не хотел. Слишком памятна еще та тяжелая ночь, которую он провел в одиночестве после казни матери. Нет, надо добраться до деревни. Какой пароль? «Дай, бабушка, напиться воды». Только бы скорее выбраться из города! Если он пойдет быстро, то к ночи уже будет на месте.

Коля направился к воротам, за которыми виднелась улица. На тротуаре он на всякий случай оглянулся. Как будто нет никакой опасности. Прошли какие-то женщины, очевидно, с базара. На другой стороне улицы медленно прогуливается полицай. С ним лучше не встречаться.

Коля повернул и пошел в противоположную сторону.

На перекрестке он услышал за собой шаркающие шаги, оглянулся и в ужасе бросился бежать. Но было уже поздно. Чья-то рука цепко держала его за плечо.

— Куда ты, куда ты, мальчик? — проговорил мягкий мужской голос.— Да не рвись! Не бойся меня! Смотри, какой ты несчастный! Замученный!.. Идем со мной, мальчик. Тебе нельзя оставаться на улице. Ты погибнешь.

И мужчина, крепко сжав Колину руку, силой повел его за собой. Нелегко старику нести в левой руке треногу, а правой тащить упирающегося мальчишку.

Но фотограф с базарной площади не мог бросить ни треноги, ни руки мальчика. Без треноги он не смог бы зарабатывать на существование, а без мальчика?.. Он не представлял себе, как проживет на этой мрачной земле маленький, покинутый всеми человек.

Новые испытания

Якушкин шел, тяжело волоча ноги и глубоко вздыхая. У него был вид изнуренного до последней степени, больного человека. Вдруг он остановился и выпустил руку мальчика.

— Ну, Коля,— сказал он,— я не буду больше тебя тащить силой. Если хочешь, уходи, вот дорога. Но у меня тебе будет хорошо. А коли уйдешь, погибнешь! Идем, идем со мной, мальчик. Ты об этом не пожалеешь.— Его выцветшие прищуренные глаза смотрели ласково, и во всей его сутулой фигуре было что-то располагающее к доверию.

— Дайте мне треногу,— сказал Коля.— Я понесу.

— Неси, неси! — Якушкин с готовностью протянул ему деревянный штатив.— Только осторожно! Не урони...

Такого доверия к себе Коля не ожидал. Сколько раз ему хотелось дотронуться до аппарата, вокруг которого священнодействовал старый фотограф, но это казалось ему настолько запретным, что он даже и не пытался!

Коля шел рядом с Якушкиным, чувствуя себя его оруженосцем и проникаясь к нему все большим доверием.

— Ой! Пальцы обжег! — вскрикнул Коля.

— Будешь жить у меня,— говорил Якушкин,— я тебя многому научу.

— И фотографировать?

— Конечно.

Коля внимательно взглянул на Якушкина: не шутит ли он,— но тот легонько потрепал его по плечу.

— Станешь хорошим фотографом. Мы с тобой такое дело развернем!.. Я буду сидеть в кассе, а ты фотографировать.

— Большим аппаратом?

— Ну да, самым большим!

Под защитой старого фотографа Коля почувствовал себя настолько уверенно, что встреться ему сейчас Никита, он бы смело пошел ему навстречу.

Они спокойно добрались до небольшого дома Якушкина, стоявшего на одной из окраинных улиц за покосившимся, древним, когда-то зеленым, а теперь грязно-серым забором. Да и домик был небольшой, словно вросший в землю. Построен он был еще в середине прошлого века, переменил много хозяев, которые, как видно, не очень-то о нем заботились. Стены побурели от времени, расшатанное крыльцо угрожающе скрипело, как только на него становилась нога, а на входной двери торчали клочья войлока. Внутри дом также был запущен и жалок. Странно, но почти ничто не выдавало в нем профессии хозяина. На стенах не было больших фотографий, не было и альбомов, только в маленькой, темной, примыкавшей к кухне каморке стояли банки с растворами, фиксажем и прочими принадлежностями, без которых не может обойтись фотограф.

И все же в этой хибарке Коля почувствовал себя удивительно легко и свободно. Якушкин поставил аппарат в угол на столик перед потускневшим зеркалом в черной раме и взял у Коли треногу.

— Ну, сынок,— сказал он,— вот мы и пришли. Сейчас я тебя накормлю и напою чаем...

Но Коля почувствовал прилив деятельности.

— Вы уж сидите,— сказал он деловито.— Где у вас тут самовар? Я сам его поставлю...

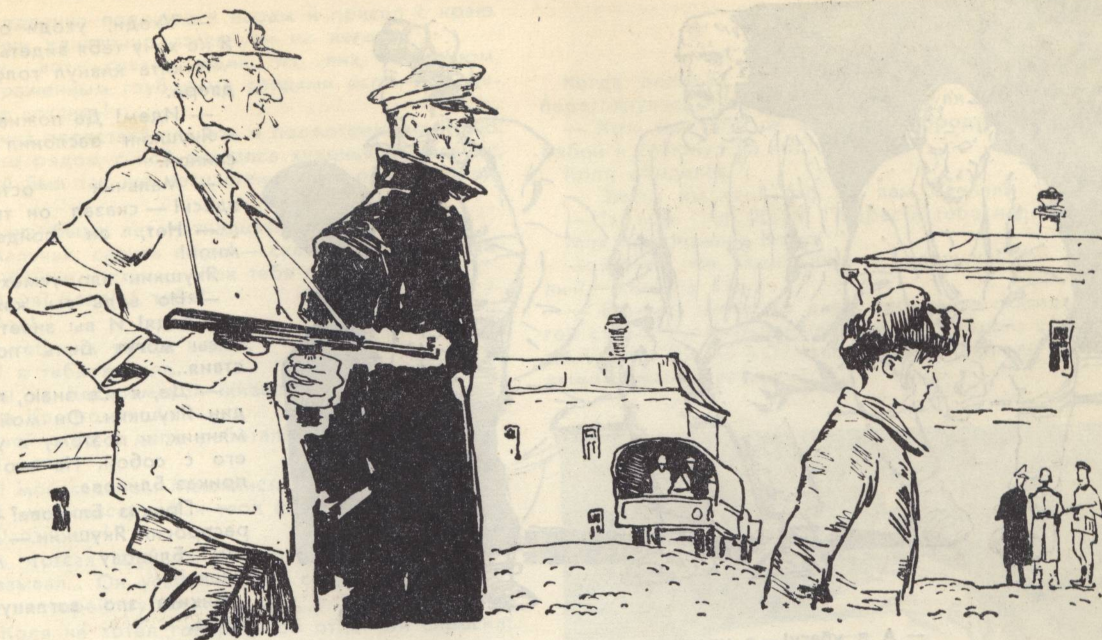
Якушкин усмехнулся.

— У меня не самовар! У меня чайник. Вода в ведре за дверью, а керосинка на плите... Ты, я вижу, умник. Ну, помогай, помогай деду...

Пока Коля возился с чайником, Якушкин накрывал на стол. Он достал из шкафа кусок сыра, хлеба и немного масла.

— Ты зови меня Иваном Митричем,— сказал Якушкин, заметив, что Коля испытывает неловкость при обращении к нему,— да особенно не суетись, присядь, отдохни... Где же ты сутки пропадал? Я тебя искал, прямо с ног сбился. Думал, пропал ты совсем...

Коля рассказал ему все, что произошло с ним с того момента, как его увел с площади к себе Никита. Не сказал он только о подслушанном ночном разговоре. Хотя он и доверял Якушкину, но что-то подсказывало ему, что это такая тайна, о которой он никому говорить не должен.

— Иди, иди! Быстрее!

Молча выслушав тяжелую историю, Якушкин долго сидел, о чем-то напряженно думая.

— Какой подлец! — вдруг сказал он.— Какой предатель! Продался за банку консервов... Ты хорошо сделал, что убежал от него.

— А если Никита придет сюда? — спросил Коля.

— Не придет,— с уверенностью ответил Якушкин,— он трус. Тебя-то он к себе тайком привел?

— Сказал, чтобы я не подходил к нему близко. А шел позади...

— Вот видишь! Он тебя из дому не хотел выпускать, боялся, что полицаи пронюхают, кому он приходится родственником... Но ничего, есть люди, которые всему ведут счет...

— И вы знаете их? — спросил Коля; по своему простодушию он уже считал, что старик знает Геннадия Андреевича, говорит именно о нем.

Якушкин сразу замкнулся, и его кустистые седые брови совсем прикрыли глаза.

— Ну, это к делу не относится,— уклонился он от прямого ответа.— А Никита еще за все ответит! За все! — И он строго погрозил пальцем.— И за жизнь твоей матери ответит. Изверг!

У Коли до боли сжалось сердце. Он боролся с искушением рассказать Якушкину все до конца: и о том ночном разговоре, который он подслушал, и о явке в доме вдовы, и об отце, томящемся в лагере, и о том, что он хочет добраться до Геннадия Андреевича и попросить его о помощи...

— Посмотри-ка, чай как будто вскипел,— сказал Иван Митрич,— крышка хлопает. Заварка в шкафу.

Коля вышел на кухню. Чайник действительно уже кипел, из горлышка клубилась струйка пара... Он схватился за ручку, но пар обжег ему пальцы.

— Ой!

— Что с тобой? — спросил из другой комнаты Иван Митрич.

— Пальцы обжег,— ответил Коля.

Но вскрикнул он не только потому, что обжег пальцы. Прямо перед окном, под тополем, стоял Никита. Откуда он появился? Только что Коля смотрел в окно, во дворе никого не было. Заметив, что Коля его видит, Никита каким-то умоляющим движением руки приложил палец к губам. Что это значит? Предупреждение? Коля должен молчать!

Коля невольно обернулся: видит ли Никиту Якушкин? Старик переставлял в своей каморке какие-то банки, и оттуда доносился его глухой кашель. Когда Коля вновь обернулся, Никита уже исчез. На тропинке, ведущей к забору, никого не было.

Но в это время заскрипели ступени, кто-то долго шарил в темных сенях, отыскивая дверную ручку, и, не найдя ее, открыл дверь, потянув ее за клок войлока.

Никита! Спастись, как можно скорее спастись от этого человека! Заскрипела на ржавых петлях рама, звякнули стекла, едва держащиеся на кусочках старой, почти совсем отпавшей замазки. Коля уже перенес левую ногу через подоконник, как из-за сарая, который стоял в глубине двора, вышел высокий рыжий полицай с автоматом и крикнул:

— Эй! Давай назад! — и поднял автомат.

Еще недавно, когда мать не пускала Колю гулять, а приказывала делать уроки, он пускался с ней в длинные споры, он чувствовал себя ребенком. Но сейчас, под прицелом автомата, он понял, что с ним обращаются с той же неумолимой жестокостью, с какой обошлись и с матерью и с отцом...

Он подчинился рыжему полицаю и влез обратно в кухню. В соседней комнате Иван Митрич уже встречал Никиту, и между ними начался разговор.

Коля искал, куда бы ему спрятаться... Но для того, чтобы пробраться на чердак, нужно проникнуть в сени, а для этого необходимо пройти через комнату, в которой сейчас его ждет Никита. А подвал? Может быть, есть люк в полу? Нет, все доски примыкают одна к другой, и люка не видно. В отчаянии Коля прижался к косяку приоткрытой двери и стал слушать, о чем говорит Иван Митрич с этим проклятым «банщиком».

— А я убегу! — с упорством сказал Коля.

— Уходи, уходи отсюда! Я не хочу тебя видеть!

Никита кивнул головой к двери.

— Идем! Да поживее!

Якушкин заслонил Колю спиной.

— Мальчик останется здесь! — сказал он твердо.

— Нет, он пойдет со мной!

Якушкин зло усмехнулся.

— Но ведь вы, кажется, его дядя! И вы знаете, каковы могут быть последствия...

— Да, я все знаю, господин Якушкин. Он мой племянник, и поэтому я увожу его с собой. На это есть приказ Блинова.

— Приказ Блинова? — переспросил Якушкин.— А зачем Блинову этот мальчишка?

Никита зло взглянул на Колю.

— Этот мальчишка слишком много знает! И у него очень плохо привешен язык. Короче говоря, он пойдет со мной. Он арестован!

Якушкин развел руками и отступил.

— Бог вас накажет, Никита! Губите людей ни за что! Иди ко мне, Коля, я тебя поцелую, мой мальчик! У меня нет сил защитить тебя, но я буду хлопотать, чтобы тебя отпустили.

Никита отворил дверь настежь.

— Иди вперед,— грубо сказал он Коле,— да не вздумай бежать! Когда я на службе, у меня нет родственников.

Якушкин провожал Колю до ворот. Здесь Коля с ним простился. Рыжий полицай уже ждал его посреди дороги и по знаку Никиты подтолкнул мальчика стволом автомата.

— Иди, иди! Быстрее!

Коля пошел впереди него, а рядом шел Никита.

— Черт тебя подери! Наделал же ты мне хлопот! — вполголоса ругался он.— Зачем ты бежал? Теперь тебе придется сидеть в подвале. Об одном прошу: молчи. Даже в подвале молчи!

Полицай шел слишком близко. Никита замолчал и лишь время от времени многозначительно поглядывал на своего арестованного.

Через двадцать минут Колю втолкнули в подвал мучного склада: здесь полицаи устроили нечто вроде пересыльной тюрьмы. Сюда приводили задержанных, здесь решали, что с ними делать дальше: передавать ли в гестапо или вести дело самим? В подвале пахло мукой и мышами. Тусклый свет пробивался с улицы через мутное оконце под самым потолком. Окно было настолько узко, что и решетки не требовалось: взрослому человеку не пролезть. Сквозь окно виднелись клочок неба и ноги часового в грубых кожаных ботинках.

У левой стены были сколочены из толстых досок широкие нары, почерневшие от времени. На них сидели двое старых мужчин, одетых в рваные ватники, и худенькая девочка в потертом пальто и косынке — ее должны были отправить в Германию. В дальнем, темном углу лежал человек, укрытый грязной шинелью.

За спиной гулко стукнула дверь и заскрипел засов.

Но они говорили не о нем. Иван Митрич упрашивал Никиту раздеваться и присаживаться к столу. А Никита отговаривался занятостью: шел мимо да вдруг вспомнил, что давно не фотографировался, а тут как раз бургомистр Блинов требует, чтобы его работники представили свои фотографии.

Иван Митрич неторопливо выяснил, какого размера должны быть фотографии, пожаловался на то, что теперь трудно достать хорошую бумагу. Связей с немецкими офицерами у него нет, а если изредка ему и приносят бумагу, то он боится купить: как бы его не обвинили в воровстве. Никита обещал достать Ивану Митричу все, что ему нужно, тем более, что он выполняет специальные поручения городского управления.

Они говорили солидно, как два человека, которые знают себе цену и занимают в обществе заметное положение. Даже в том, каким тоном Иван Митрич обращался с просьбой достать ему фотобумагу, было достоинство. Он просит, но если это трудно, то не настаивает. Со своей стороны, Никита обещает, но в то же время не навязывает.

Иван Митрич пригласил Никиту прийти завтра утром в ателье, и он сделает все, что нужно.

Затем наступило молчание. Как будто все уже было сказано и Никите оставалось уйти.

И действительно, загремели стулья. Никита поднялся и подошел к двери. Коля облегченно вздохнул. Наконец-то он уходит!

Но Никита вдруг, словно вспомнил о чем-то весьма маловажном:

— Да вот, Иван Митрич!.. Тут один мальчишка за вами увязался. Мне надо будет захватить его с собой.

За дверью наступило тягостное молчание — видно, Иван Митрич собирался с мыслями,— удар был нанесен неожиданно.

— Вы говорите о Коле? — спросил он, и в голосе его вдруг появилось какое-то новое выражение. Это был голос человека, который решил не сдаваться. И Коля вдруг поверил в то, что старик сможет его защитить. Он выбежал из кухни и бросился к Никите.

Коля медленно подошел к нарам и присел с краю.

Старики удивленно взглянули на него.

— Ну, вот,— сказал один из них, с лицом, обезображенным глубокими следами оспы,— за детей уже взялись!

Девочка перестала плакать и посмотрела на Колю.

То, что рядом с ней оказался худенький мальчик, который был так же несчастен, как и она, успокоило ее.

Девочке было лет пятнадцать.

— Мальчик, садись сюда! — сказала она и подвинулась ближе к стене.— Как тебя зовут?

— Меня? Коля! А тебя?

— Мая!

— Я тебя на улице видел.

— И я тебя видела.

— Ты на Костромской живешь?

— На Костромской.

— Твой отец в депо работал?

— В депо.

— И мой в депо... Машинист...

— А мой слесарь. Как твоя фамилия?

— Охотников!

— А я Мая Шубина. О твоем отце папа часто рассказывал... Он усатый такой, сердитый. Все время на слесарей ругался.

Но Коля не хотел говорить об отце. Он спросил:

— Тебя за что забрали?

— Хотели отправить в Германию, а я спряталась.

— А тебе сколько лет?

— Четырнадцать... Но в комендатуре сказали, что я вру и что мне шестнадцать...

— А мне уже пятнадцать! — соврал Коля: уж очень не хотелось ему быть моложе этой девчонки.

— Тебя за что? — спросила она.

Коля насупился.

— У меня мать повесили,— сказал он.— А я от дяди Никиты убежал, а потом он меня поймал — и сюда.

— Это какой Никита? Тот, что у бургомистра работает?

— Он самый! — подтвердил Коля.— Хотел взаперти меня держать, а я убежал... И опять убегу.

Мая вздохнула.

— Отсюда не убежишь! — И она глазами показала на черные подкованные сапоги, которые топтались в светлом квадрате окошка.

— А я убегу! — с упорством повторил Коля.

Человек, лежавший в углу, стянул с головы шинель и приподнялся на локте.

— Что-то голос знакомый,— сказал он, и Коля сразу узнал в нем того самого пленного, которого он спасал во дворе Никиты.— Эй, и ты здесь! Вот не ожидал! Как же тебя сцапали?

— Сцапали вот,— хмуро ответил Коля.

Человек покачал головой.

— Не ожидал я тебя здесь увидеть...— Он сполз на край нар и протянул Коле руку.— Ну, малый, давай познакомимся. Зови меня Мишей... Не за меня тебя сюда упрятали?

— Нет,— сказал Коля.— Меня дядя предал.

— А что они с тобой хотят сделать?

— Не знаю.

Миша улыбнулся.

— Не падай духом! Я это и Мае говорю. Главное — держаться. А там видно будет...

Один из стариков вздохнул:

— Когда-то я в этот подвал купцу Дорофееву муку привозил. Вот уж не знал, что буду дожидаться здесь своего последнего часа...

Побег

Когда полицай увел Мишу на допрос, старики переглянулись и облегченно вздохнули.

— Хоть бы тебе не вернуться, бродяга! — сказал рябой и сплюнул на пол.

Коля обиделся.

— Зачем вы его? Что он вам сделал?

— Ты еще глуп, Коля! Подрасти тебе надо!

Мая поддержала Колю.

— А чем же Миша плохой, дедушка? Он веселый,— сказала она.

— Вот-вот, чересчур даже веселый,— сказал другой старик с растрепанной рыжей бородой; его звали Степан Лукич.— От такой веселости люди кровавыми слезами плачут...

Человек, лежавший в углу, приподнялся.

Старики хмуро замолчали. Коля сидел рядом с Маей и растерянно думал о том, как все в жизни страшно сложно. С тех пор, как он себя помнил, все вокруг казалось ему совсем простым. Он играл с ребятами во дворе, а когда подрос, стал ходить в школу. У памятника Ленину его приняли в пионеры. Он помнит этот весенний день. Увидев его, отец весело поднял руку. «Коля, будь готов!» «Всегда готов!» — ответил Коля. Вся жизнь впереди казалась ему совершенно ясной. Папа работал, он учился, а мама тоже работала, но где бы Коля ни был: на детской площадке, в саду, на берегу озера,— он часто слышал ее голос, несшийся из громкоговорителя,— голос был спокойный, чуть-чуть незнакомый. Коля гордился тем, что его мама выступает по радио и ее имя знает весь город. То, что у него есть отец и мать, ему казалось таким же незыблемым, как дом, в котором он жил, как школа, в которой он учился, как улица, где был знаком ему каждый мальчишка.

Задумавшись, Коля смотрит в маленькое оконце. Сквозь него видна низкая серая туча. Вот медленно проходит часовой. Теперь это уже не черные ботинки на толстой подошве, а яловые истрепанные сапоги.

В углу прикорнула Мая. Она как будто спит. У нее серое, усталое лицо, косички растрепаны, и от этого вся ее фигурка выглядит беззащитной и жалкой.

Рано утром полицай принес каждому по миске жидкого супа и по куску мокрого хлеба. Этого было мало, но Коля еще поделился с Маей: девочка была очень слаба. И он не заметил, что после этого как-то потеплели глаза обоих стариков, они стали менее настороженными и более разговорчивыми...

Прошло уже несколько часов с тех пор, как увели Михаила. Коля стал беспокоиться. Эти старики могут скрипеть, сколько им угодно. Везде им мерещатся шпионы.

Мая проснулась и стала заплетать свои косички. У нее были тонкие руки, и вся она казалась высохшей, удивительно хрупкой: дотронься до нее — рассыплется.

— Мая, а ты пионерка? — вдруг спросил Коля.

Старики в углу усмехнулись. Мая удивленно взглянула на него.

— Пионерка! Я даже была председателем отряда. Осенью мне в комсомол вступать надо,— сказала она.

— Вы бы потише говорили,— сказал рябой,— а то полицай услышит. Он вам покажет комсомол!..

— Не услышит,— сказал Коля,— а услышит, что ему с нас взять?

— Найдет чего! — буркнул рябой и умолк.

Он подсел к окошку и стал осторожно поглядывать на улицу, потом поманил к себе рыжебородого. Они примостились на нарах по обе стороны окошка и стали о чем-то тихо беседовать. Когда окошко заслоняли яловые сапоги, старики отодвигались от него подальше. Когда яловые сапоги удалялись, они вновь придвигались поближе.

— Как, по-твоему, что с нами сделают? — спросил Коля.

Девочка наморщила лоб.

— Не знаю! Меня, наверно, пошлют в Германию.

— Вот хорошо, если бы меня послали в лагерь! — вздохнул Коля.— Я был бы вместе с папой!..

— Не пошлют,— с уверенностью сказала Мая,— ты ведь не пленный...

— А куда ж они меня денут?

— Подержат, подержат, а потом вернут обратно к дяде.

Коля вспыхнул:

— А я от него все равно сбегу!

— Куда убежишь?

— К Якушкину! А может, в Малиновку! — Он наклонился к ней и заговорщицки прошептал: — Я такое слово знаю, меня сразу в партизаны возьмут.

— Какое? — с интересом спросила Мая.

— Такое! Сказать не могу! Тайна.

Рябой дед вдруг спросил:

— А кого ты в Малиновке знаешь?

— Многих знаю! — задиристо ответил Коля. Опять эти деды лезут не в свое дело.

— Кого, например? — настаивал рябой.

— Ну, одну тетку, которая с краю живет.

— А как ее зовут?

Коля подозрительно взглянул на рябого.

— А вы почему меня, дедушка, спрашиваете?

— Очень просто! Я сам из Малиновки! У меня там все кумовья да свахи.

— Ну, а Полозневу знаете? — осторожно спросил Коля; он и сам не был уверен в том, что запомнил это имя правильно.

Деды переглянулись. На их иссеченных морщинами лицах вдруг появилось новое выражение. Они смотрели на Колю с любопытством и в то же время с недоверием. «Кто же ты? — как бы говорили их взгляды.— Знаешь ли ты, о чем твой язык болтает?»

— Слышал о такой,— сказал Степан Лукич,— только она из деревни давно ушла.

— Куда ушла? — встрепенулся Коля.

← Коля ловко пролез в окошко.

— Вот еще! Скажи ему, куда! — угрюмо проронил старик.— Ушла, и все. А ты кем ей приходишься?

Коля промолчал.

— Ну, а еще кого в деревне знаешь? — продолжал допрос рябой.

— Никого больше не знаю! — огрызнулся Коля. Он повернулся к любопытным дедам спиной и стал разговаривать с Маей. Она уже заплела косы и молча сидела, устало привалившись к грязной стене.

— На улице дождь! — мечтательно сказала она.

— А я люблю, когда дождик, — ответил Коля. — После него грибы растут.

Мая оживилась:

— Люблю ходить по лесу! Идешь, а под ногами земляника! Много-много! Собираешь ее, и кажется, что из-за куста сейчас медведь выйдет! Ты медведей боишься?

— Чего их бояться? — храбро сказал Коля. — Я не то что медведей, я и волков не боюсь! Волку свистнешь, а он к тебе бежит, как собака.

Рябой засмеялся мелким-мелким смехом.

— А волка-то живого ты когда-нибудь видел?

— Видел!

— Какой он?

— Большой и серый!

— Сам ты серый! — ухмыльнулся дед. — У нас волки были рыжие. А последнего, если хочешь знать, убили в двадцать пятом году, когда тебя еще на свете не было!

Коля засопел, не найдя, что ответить. Мая вдруг вступилась за него:

— Вот уж и неправда, дедушка! И теперь у нас еще есть волки. И не рыжие, а серые. Одного из них я сама видела, мой брат с охоты привез.

Могла ли она больше помочь Коле? Его престиж был восстановлен, и он с благодарностью взглянул на нее.

— А что, Тимоша, — вдруг сказал рыжий дед рябому, — я тоже знал одного охотника, который серого убил. Учитель был такой, Геннадий Андреевич! Не слышал? Ну, тот, у которого еще лодка была своя. Он к нам часто приезжал!

Коля насторожился. К чему вдруг дед упомянул о Геннадии Андреевиче?

— Да, помню, — отозвался Тимофей, — хороший мужик. Где он сейчас?

— Не знаю, говорят, остался. А может быть, и ушел...

Коле очень хотелось сказать, что он знает, где сейчас Геннадий Андреевич. Ему очень хотелось показать свою осведомленность. Но за последние дни он научился сдержанности.

— Это в вашей школе Геннадий Андреевич учителем-то был? — вдруг обернулся к Коле рыжебородый дед. — Ну, чего молчишь? Говори!

Старики внимательно уставились на него, и Коля понял, что весь этот разговор они завели не случайно: чего-то от него ждут.

— Ну, в нашей,— сказал он, насупившись.

— Значит, ты его опознать можешь?

— Могу, — ответил он.

Старики вновь о чем-то долго шептались, потом Степан Лукич отполз в самый дальний угол нар и поманил ребят к себе.

— Подьте сюда! — тихо приказал он.

По выражению его лица, сразу как-то помолодевшего, Коля понял, что старики пришли к какому-то важному решению. Он кивнул Мае, и они подсели к деду поближе. А в это время Тимофей продолжал пристально смотреть в окошко.

— Вы, ребята, на свободу хотите? — серьезно спросил Степан Лукич.

— Хотим, — ответили Коля и Мая.

— Придется, ребята, вам отсюда бежать, а то худо вам будет.

— А как? — спросил Коля, удивленно смотря на этого чудаковатого деда.

— Это можно. Если только не струсите!

— Я струшу? — оскорбился Коля.

Тимоша, не отводя глаз от окна, вдруг сделал резкое движение рукой.

— Подойди-ка сюда. Сумеешь протиснуться в отверстие? Только не высовывайся. Осторожней!

Коля подполз к окошку и, привстав, примерился. Да, он свободно мог пролезть.

— Ну, а ты, Мая, не боишься? — спросил девочку Степан Лукич.

— Не боюсь, — быстро ответила она. — Хотите, полезу первой?

— Вот что, ребята, — прошептал Степан Лукич. — Через полчаса полицаям привезут обед! Они поднимутся на второй этаж. А на посту останется лишь один часовой. Я начну колотить в дверь, требовать начальника. И вот тут самое главное! Как только часовой с улицы кинется к нашей двери — а для этого ему надо обойти угол и спуститься в подвал, — Тимоша разобьет стекло в окошке, и тут вы сразу же вылезайте. Но только до угла не бегите. Минуты две идите тихо. А как завернете за угол, тут сразу и бросайтесь в проходной двор.

— Рядом с молочной! — сказал Коля.

— Точно. Вижу, город знаешь. Ныряйте туда, а там уж ног не жалейте.

Коля оживленно слушал, но вдруг его лицо помрачнело.

— Потом-то куда идти?

— А что, у тебя никого нету? — спросил дед.

Коля подумал.

— Пойду к дяде Якушкину. Он спрячет.

— А ты куда? — спросил Степан Лукич Маю.

Девочка растерянно посмотрела на него.

— Мне, дедушка, некуда. У меня дома нету.

— Где же твои родители?

— Отца арестовали, — сказала Мая, — а мама потерялась. Мы ехали в Воронеж. На одной станции она выскочила из теплушки и побежала за водой, как раз в это время поезд и тронулся...

— Как же ты оказалась в городе?

— Наш поезд разбомбило. Все, кто остался жив, разбрелись, и я вернулась...

— История! — проговорил Степан Лукич. — Действительно, куда же вам, ребята, деваться? Ну как, Тимоша, можно им довериться?

— А что, если их поймают? — с сомнением сказал рябой.

— Да, дело сложное, — тяжело вздохнул Степан Лукич. — Что ж, Тимофей! Без риска тут не обойтись!

— С умом надо делать, — отозвался тот. — Без ума-то и ребят погубим, да еще и других впутаем.

Степан Лукич внимательно посмотрел на ребят, как бы оценивая их силы. Колю бил озноб. Мая сидела с безучастным лицом. Она как будто приготовилась уже к самому худшему, и ее ничто не страшило.

— Вижу я, что вы ребята хорошие, — сказал Степан Лукич, — но от вас зависит, прямо скажу, большое дело. Нам все равно погибать. Сегодня нас повезут на очную ставку с одним предателем. А к утру нас, наверно, расстреляют... Мая, ты отсядь! Я Коле что-то на ухо скажу. Тебе слушать не надо...

Мая отошла в другой конец подвала. Она не оби-

— Позови начальника! Начальника сюда!..

делась: что ж, значит, так надо, значит, она не должна знать того, что ей не хотят или не могут доверить.

А Степан Лукич шептал Коле на ухо:

— Если увидишь Геннадия Андреевича, передай ему, что мы попали в засаду на третьем объекте.

— А как я его увижу? — тихо спросил Коля.

— Не знаю. Но если когда-нибудь увидишь!.. Он должен вспомнить, кому еще об этом говорил. Нас предали. Кто-то еще был посвящен в наши планы.

— Хорошо, — сказал Коля.

— Теперь так. На Спартаковской, в доме шесть, живет Клавдия Федоровна Шухова. До войны она в детдоме работала. Проберитесь к ней, она вас спрячет. Понял?

— Понял, — кивнул Коля.

Степан Лукич поднял кверху руку.

— Теперь поклянись мне самой страшной пионерской клятвой, что никогда и никому, кроме Геннадия Андреевича, не скажешь о том, что я тебе сейчас сообщил. Поклянись!

— Клянусь! — прошептал Коля.

— И Мая об этом не должна знать. Будешь на краю смерти — все равно никому не говори. Пусть умрет с тобой!

— Клянусь! — повторил Коля.

За стеной заскрипели железные ворота, а потом, тихо пофыркивая, во двор въехала автомашина.

— Обед привезли! — сказал Тимофей.

За дверью послышались голоса полицаев и стук больших термосов, которые они тащили наверх, в столовую. По лестнице загремели шаги. Потом все вновь стихло.

Дверь, ведущая в подвал, осталась без охраны.

Степан Лукич нервно теребил свою рыжую бороду. Коля сидел на нарах, весь подобравшийся, серьезный, с обострившимся личиком. Мая стояла рядом с ним и пристально глядела в окно.

— Ну, — сказал старик, — приготовиться! Сейчас я начну стучать в дверь. Как только ноги часового промелькнут направо, ты, Тимоша, считай до трех и бей по стеклу котелком! Высади его совсем. А вы, ребята, вылезайте спокойно, не суетитесь...

Тимофей взял алюминиевый котелок, в который им наливали суп, и прижался к стене, рядом с окошком. Коля и Мая застыли на месте.

Степан Лукич подошел к двери и стал бить в нее кулаками, ногами, потом схватил табуретку и стукнул ею так, что она разлетелась на куски.

— Побежал, побежал! — крикнул Тимофей с серым от волнения лицом и, выждав несколько мгновений, наотмашь ударил котелком по стеклу. Брызнули осколки. С улицы окна не было видно, оно находилось ниже уровня тротуара, в углублении, окруженном каменными плитами.

— Пошел! — скомандовал, обернувшись, Степан Лукич.

Коля встал, оперся коленом о выступ стены и ловко пролез в окошко.

— Не беги, не беги! — шептал ему Тимофей. — Подожди Маю!

Часовой уже спустился вниз и кричал:

— Чего стучишь?.. Стрелять буду!

Он смотрел в глазок в двери, но Степан Лукич заслонил его своей головой.

— Позови начальника! — кричал он. — Начальника сюда!

— Мая, быстрее! — Тимофей подсадил девочку к окошку, и она, легкая, как перышко, в одно мгновение оказалась рядом с Колей.

День был тусклый, дождливый. По улице шли люди. На большой скорости разминулись две машины. Из-за угла вышли полицаи, очевидно, сменившиеся с поста. Но могли ли они предположить, что этот мальчик в обтрепанном костюмчике и худенькая девочка с косичками только что совершили отчаянный побег из полиции? Они прошли мимо, не обратив на них никакого внимания.

Коля спокойно шел рядом с Маей, и только сердце его колотилось отчаянно. Увидев полицаев, он рванулся было, чтобы бежать, но Мая удержала его.

Они завернули за угол. У молочного магазина стояла большая очередь. Они медленно прошли мимо, вошли в ворота проходного двора, и тут — словно их кто-то ударил в спину — рванулись вперед.

Они бежали хорошо им знакомыми переулками, садами, перелезали через заборы. Вскоре они миновали улицы, где их наверняка ищут.

Остановились они, когда достигли оврага на краю города. Идти дальше по дороге было опасно: их могли заметить.

— Ты же хотел идти к какому-то фотографу, — сказала Мая, когда они немного отдышались.

Коля подумал.

— Нельзя туда. Нас сразу накроют. Первым делом Никита бросится искать меня там...

Порыв ветра принес дождевые капли. Дети сели на большой, обросший мхом камень, прижались друг к другу, чтобы было теплее, и стали думать, что же им делать дальше...

Тайная явка

Клавдия Федоровна Шухова принадлежала к числу тех людей, которые стойко выдерживают удары судьбы. В ней было столько энергии, что ей могли позавидовать многие и помоложе и покрепче ее.

Высокая, статная женщина, с гладко зачесанными седыми волосами, она заставляла относиться к себе с уважением даже врагов. В первые дни войны детский дом, которым она заведовала, эвакуировался. А сама она осталась из-за одного своего больного воспитанника. Этого мальчика нужно было отправлять на санитарной машине. Но случилось так, что шофер в спешке перепутал адрес — ждал на другой улице. Пока Шухова металась в поисках транспорта, вражеские танки вышли к городу. Началась тяжелая жизнь в оккупированном городе.

Шухова взяла больного ребенка к себе и стала ухаживать за ним, как за сыном. Она во всем себе отказывала, продавала вещи, вязала платки, чтобы поддержать его.

Когда она узнавала, что какой-нибудь ребенок в городе оставался без родителей, она старалась куда-нибудь пристроить осиротевших детей. И Клавдию Федоровну слушали: в глазах людей она продолжала оставаться директором детского дома, которому по долгу службы положено думать о судьбе одиноких детей...

В эту ночь ей долго не спалось. Ветер стучал ставнями, во дворе выла собака. Плотно занавесив окна, Клавдия Федоровна вязала носки для мальчика, который безмятежно спал, раскинув руки, на кровати.

Длинные спицы, поблескивая, послушно укладывали петли. В углу тикали часы, отмеривая время.

Что это? Собака перестала выть и хрипло, надрывно залаяла. Клавдия Федоровна опустила вязанье и прислушалась. Кто-то тихо крался под окном. Он старался ступать бесшумно, но шорох гравия выдавал его.

Женщина взглянула на часы: половина третьего ночи. Полицаи? Но они не будут красться. Они обычно идут, как хозяева, и не в одиночку.

Может быть, кого-нибудь из шпиков привлек свет в ее комнате? Но он не мог видеть света: толстое суконное одеяло наглухо прикрывает окно, не оставляя ни одной щели. Кто-нибудь из соседей? Нет! Это и не может быть: ни у кого из них нет ночного пропуска.

Шорох под окном затих. Клавдия Федоровна прикрутила коптилку, бесшумно подошла к окну и, приоткрыв одеяло, поглядела в окно. Какая-то тень мелькнула на дорожке и исчезла за выступом дома. Тихо заскрипели ступени крыльца, и кто-то три раза негромко стукнул в дверь. Подождал немного и стукнул костяшками пальцев четыре раза: тук-тук-тук-тук! Каждый удар, словно молотком, ударял ей в висок.

Клавдия Федоровна подошла к двери.

— Кто там?

— Комнаты есть? — тихо сказал мужской голос.

— Все комнаты заняты,— ответила она.

— Дайте погреться,— сказал мужской голос.

Щелкнул замок, и Клавдия Федоровна отступила в глубину комнаты. Человек в черном пальто быстро прикрыл за собой дверь и, тяжело переведя дыхание, подошел к столу.

— Что случилось? — тревожно спросила она.— Вы же знаете, ко мне нельзя.

Никита вытащил пистолет...

— Знаю, — ответил человек, — дайте воды. Очень устал!

Клавдия Федоровна достала из шкафа чашку, налила в нее из чайника воду и протянула ему.

Человек жадно выпил, а потом устало опустился на стул. Неровный свет коптилки делал черты его лица почти неразличимыми.

— Дело не терпит промедления, — сказал он хриплым голосом. — Только что в гестапо расстреляны Степан Лукич Власенко и Тимофей Петрович Скурихин.

— Ужасно, — прошептала Клавдия Федоровна.

— Во время допроса, — продолжал человек, — выяснилось, что они сидели в подвале городской полиции вместе с сыном Охотниковой — той, которую повесили, и еще с одной девочкой. Сегодня днем дети бежали...

— Вот как! — выдохнула Клавдия Федоровна. — А где они?

— Никто не знает. Наверно, они еще в городе. Комендант взбесился. Он боится, что подпольщики успели им что-то передать...

— Слушайте, Никита, — сказала Клавдия Федоровна, — все в городе говорят, что вы сами отвели мальчика в полицию. Это правда?

Никита Борзов — это был он — с досадой махнул рукой.

— Я вынужден был это сделать! Комендант подослал ко мне своего шпиона. Он видел Колю у меня во дворе...

— Но вы могли бы придумать что-нибудь другое. В полиции мальчик подвергался страшной опасности.

— Его бы все равно выпустили! Я даже скажу больше. В тот момент, когда он бежал, уже было решено его отпустить...

— Почему? Ведь он сидел вместе с подпольщиками? Почему же ребят решили отпустить?

— За ними хотели установить слежку. Мейеру думалось, что ребята прямиком приведут его к подпольщикам...

— Что же дальше?

— Весь город оцеплен... Но вот что крайне важно. Мейер послал три машины с солдатами в сторону Малиновки...

Клавдия Федоровна молча прошлась по комнате.

— Может быть, Власенко и Скурихин не выдержали допроса и в чем-нибудь признались?

— Нет, нет,— горячо возразил Никита,— я был там почти все время. Я все слышал. Они не сказали ни одного слова.

— Что же делать? — спросила Клавдия Федоровна.

— Вы знаете Колю Охотникова в лицо? — спросил Никита.

— Знаю. В день казни я хотела увести его сюда. Но мне помешал фотограф с Базарной площади. Он тоже хотел забрать мальчика. А пока мы спорили, Коля исчез...

— Фотограф все-таки зацапал его. Ему, видите ли, нужны здоровые руки. Хотел, чтобы мальчик был у него вместо домработницы.

В дверях стояли целые и невредимые Коля Охотников и Мая Шубина.

— Ну, это вы зря, Никита, — возразила Клавдия Федоровна. — Старик Якушкин — добрый человек.

— Ладно, — проговорил Никита. — Сейчас важно разыскать детей. Они будут пробираться к Малиновке и наткнутся на засаду.

— Почему вы думаете, что они пойдут именно туда?

— Из случайного слова, брошенного комендантом, я понял, что Коля где-то кому-то говорил о Малиновке.

Вдруг Клавдия Федоровна испуганно схватила его за руку.

— Тише! — прошептала она, и даже при слабом, неверном свете угасающей коптилки было видно, как побледнело ее лицо. — Сюда идут!

Никита вытащил пистолет и прижался к косяку двери.

— Я буду стрелять! — проговорил он.

Клавдия Федоровна кивнула в сторону спящего ребенка.

— Вы погубите его! Нельзя!..

Лицо Никиты исказилось. Тускло блестел в его руке прижатый к груди револьвер.

Шаги за окном стихли. Потом опять заскрипел гравий. Странно, но собака перестала лаять...

Клавдия Федоровна прильнула к окну. Она долго вглядывалась и вдруг, тихо ахнув, быстро пошла к двери.

Никита невольно отшатнулся, когда она проходила мимо. На мгновение ему показалось, что он попал в засаду...

Он вжался в стену, готовясь к самому худшему. Клавдия Федоровна вернулась в комнату, за ней вошел еще кто-то.

— Никита, посмотрите, кто пришел! — Голос Клавдии Федоровны звучал спокойно, даже радостно.

Никита осторожно вышел из своего убежища, взглянул и почувствовал, что у него сохнет во рту. Перед ним стояли до предела измученные, но целые и невредимые Коля Охотников и Мая Шубина.

(Продолжение в следующем номере.)

ДВА ЯЗЫКА

Танзиля ЗУМАКУЛОВА

Родной язык!
Он с детства мне знаком,
на нем впервые я сказала «мама»,
на нем клялась я в верности упрямой,
и каждый вздох понятен мне на нем.
Родной язык!
Он дорог мне, он мой,
на нем ветра в предгорьях наших свищут,
На нем впервые довелось услышать
мне лепет птиц зеленою весной...
Но, как родной,
люблю язык я русский,
он нужен мне, как небо,
каждый миг,
на нем живые, трепетные чувства
открылись мне.
И мир открылся в них.
Я поняла на русском слово «счастье»,
большое счастье жить в большой стране.
С ним не боюсь я горя и ненастья,
с ним не сгорю я ни в каком огне...
Текут две речки в сердце, не мелея,
становятся единою рекой...
Забыв родной язык —
я онемею.
Утратив русский —
стану я глухой.

Перевел с балкарского **Александр Янов.**

Ясным утром раскрывает венчики «северный лотос» — кувшинка. Фото Н. Немнонова.

Словно яркий самоцвет, алеет под листом ягодка земляники.

Лягушонок устроился совсем уютно...

Фотографии Н. Немнонова

В ГОСТЯХ У ЛЕТА КРАСНОГО

Е. РУБЦОВА

Случалось ли вам видеть утро стрекозы?

Сидит стрекоза на тонком стебельке тростника. Сидит и не может улететь. Оцепенела она от ночной прохлады, ждет, пока солнце обогреет слюдяные крылышки, лакированное тело, застывшую кровь.

А охоту осы за бабочкой вы когда-нибудь видели? Я видела прошлым летом. Оса налетала коршуном: ей надо было изловчиться и вонзить кривое, как сабля, жало в серое мохнатое брюшко бабочки. Тогда осиный яд убьет бабочку, и она пойдет в пищу осе и осиным личинкам.

Ах, как билась бабочка! Как отчаянно защищала свою жизнь! Оса, казалось, уже побеждала: она уже села на бабочку, — но судорожно бьющиеся узорные крылья не давали ей закрепиться, сшибали ее. И снова вилась оса над добычей, а бабочка, внезапно спикировав к земле, ползла меж серо-желтых сухих травинок, стараясь укрыться в какую-либо щель.

Но оса уже тут как тут и снова идет в атаку. Снова с бешеной силой бьются узорные бабочкины крылья. Травинки мешают. Бабочка поднимается выше. Тут, на просторе, ей отбиваться легче, но осе легче нападать...

Я смотрела на битву, не вмешиваясь. Это была битва нашего друга с нашим врагом.

Друг оса воевала с врагом бабочкой. Победив, она в одной бабочке уничтожила бы множество еще не рожденных прожорливых гусениц. Разум говорил мне, что я должна быть на стороне осы. А мне было жаль бабочку. Всегда как-то жаль того, кто слабее! Ведь правда? И мне пришлось пересилить себя, чтобы не вмешаться, предоставить бабочку своей участи. Этому помог лес. Лес был рядом. Я слышала зеленый шум деревьев. Они говорили мне: «Не смей вмешиваться! Бабочка, правда, слабее осы, но ее дети — прожорливые гусеницы — сильнее нас. Разве нас тебе не жалко?»

Вот история, которую мне показало лето. А бывают другие. Я видела, например, как муравьи строят подводный туннель, что-то вроде метро.

Это было так. На маленьком садовом участке его хозяин — мой сосед — прорыл неглубокие канавки, чтобы по ним в дождь стекала вода. Одна из канавок перерезала «караванную тропу» муравьев. И началась строительная суета. Из комочков глины муравьи лепили сводчатый коридор по дну ка-

навки. Коридор шел с одного края канавки, спускаясь по крутой стенке, пересекая дно и снова поднимаясь до твердой земли.

Стройка была закончена. Вдруг хлынул летний грозовой ливень. А когда вновь заблистало солнце и муравьи принялись за свои повседневные дела, канавка была полна водой. Но «караванная тропа» действовала. Муравьи входили в отверстие туннеля на одном берегу и, пройдя по дну, посуху, вылезали на другом берегу. Муравьиный метрострой! В изумлении мы наблюдали все это... Увы! На другой день, когда высохла вода, кто-то, оступившись, раздавил ногой необыкновенное сооружение.

Чего только не узнаешь летом! Лето — самый удивительный сказочник, самый могущественный волшебник. Под каждым зеленым листочком оно припрятало какое-нибудь из своих чудес. Среди травинок, на ковре опавшей хвои, в дупле старого дуба, у зеркальной глади пруда, на земле, под землей и в воздухе таятся удивительные зрелища, разыгрываются трогательные, смешные, печальные и даже страшные сцены.

Умейте только их расслышать, приметить, рассмотреть.

Вот земляничка алеет под вырезным листком... Приходилось ли вам видеть надкусанные ягодки? Говорят, это ящерка надкусила. Удивительное дело! Ягодки с надкусом всегда самые спелые, самые сладкие...

Ежик шуршит прошлогодними листьями, пробираясь по своим делам... Дел у него много. Еж — существо насекомоядное, у него ужасный аппетит. Вся его жизнь проходит в поисках пищи. Вот он забрался на обломки гнилого пенька. Здесь будет пожива. И белые жирные личинки и всяческие жучки, червячки.

Признайтесь: соблазнительно поймать ежа? Что ж, дело нетрудное! Свернется он,

еж, расколючится иглами, да разве человека перехитришь? А вы вот и не трогайте ежика, пусть идет своей дорогой. Он в лесу нужнее, чем у вас в комнате. Тысячи ежей, истребителей личинок, каждое лето попадают в плен к ребятам, и большая часть пленников бесполезно гибнет.

А знаете ли, что дикая утка кряква тоже гимнастику делает? Посмотрите-ка: сначала одно крыло и лапку вытянет, потом другое крыло с другой лапкой. Только радио не хватает, чтобы под музыку...

Если вы живете в Сибири, на Урале или на Дальнем Востоке, вам удастся и с бурундуком свести знакомство. Забавная зверушка бурундук! Любопытство придает ему отчаянную храбрость. Встретив бурундука, попробуйте на минуту — другую остановиться и подождать тихо; бурундук не утерпит, спустится с дерева, подбежит к вам и даже на плечо взберется...

Итак, лето зовет вас к себе в гости. Будьте же гостями желанными! Пусть каждый из вас приходит в лес и в поле, на луг и к речке как верный, заботливый друг, жалея каждую зеленую веточку, уважая незаметных и неустанных тружеников природы, наших добрых друзей.

Легкая поступь, зоркий взгляд, сердце, полное любви к родной земле, помогут вам увидеть и узнать то, что скрыто от равнодушных глаз.

КРАСНАЯ ШАПОЧКА ВЕДЕТ ДНЕВНИК

Владислав БАХРЕВСКИЙ
Фото С. Карасева.

Мюнхгаузен (Ваня Поваляев) рассказывает свои истории с таким увлечением, что «Красная Шапочка» (Оля Кондракова) и «Кот в сапогах» (Петя Федорчук) и вправду заслушались...

Незаменимых нет

Играли «Снежную королеву». Зрителями были ребята из младших классов. Они сразу поняли, что Советник, появившийся в каморке Герды и Кая, человек злой и страшный. Роль Советника исполнял самый высокий кружковец — Иван Поваляев. Он говорил холодные, как лед, слова и грозно стучал палкой.

Разгневанный дерзкими ответами Кая, Советник сделал несколько больших шагов и очутился у самого края сцены. Он резко обернулся к мальчику и, высоко подняв палку, хотел ударить, но попал в... оркестр. Палка не нашла опоры, и Советник полетел на головы музыкантам. Жалобно взвизгнули порванные струны у скрипача Валерки Здоровенкова. Кай, забыв, что он на сцене, упал на стул и захохотал как сумасшедший. Герда побледнела. Зрительный зал рукоплескал. Все были довольны, что злой Советник наказан. В это время из оркестра показалась палка, голова, и наконец Советник выполз на сцену.

— Несчастные! — вскричал он.— Вы нарочно открыли подвал, чтобы я провалился! Но я жестоко отомщу вам!

В пьесе этих слов не было. Но чего только не приключается на сцене!

Драматическим кружком во Дворце культуры руководил Николай Степанович Прохоров, старый актер. Он много работал с ребятами, прежде чем они стали играть в пьесах. Кружковцы побаивались своего руководителя. Но даже он похвалил Ивана за находчивость.

После спектакля к артистам пришли рабочие с прядильной фабрики. Они пригласили их выступить в общежитии. Все обрадовались. Но Галя Овсянникова — Маленькая разбойница — вдруг бросила парик и капризно дернула плечами.

— Не пойду! И так почти каждый день выступаем! Мне надоело!

Петя Федорчук удивился:

— Галька, да что с тобой? Ведь нас рабочие приглашают!

— Идите без меня.

— Ты это серьезно? — спросил Иван. Он учился в девятом классе и был старостой кружка.— Мы завтра без тебя не сможем играть. Валя болеет. Заменить тебя некем.

— Ну и пусть! А играть я не буду!

Первоклассница Танечка Шамшина сказала:

— Ты инди-ду-ви-ду-листка!

— Зазналась она! — рассердился Вова Корнеев.— Сыграла главную роль — и думает, что мы теперь перед ней на цыпочках должны ходить. Обойдемся!

— Ну и обходитесь!

Галя ушла и хлопнула дверью. Витя Васин, самый веселый в кружке человек, который умел по заказу изобразить любое чувство, сел на пол и дрыгнул ногами. Никто не засмеялся.

— Может, Валя выздоровеет? — помечтал кто-то.

— Придется извиниться перед рабочими,— вздохнул Иван.

— Вот что, ребята! — сказала вдруг Оля Кондракова.— Спектакль отменять не надо. Я за ночь выучу роль, и мы сыграем. Пусть не так хорошо, но сыграем.

— Ура! — закричал Витя.— Да здравствует наш добрый Оля-Айболит!

— Тише! — подняла руку Оля.— Я еще вот что хочу сказать. Мы занимаемся в кружке три года. А летом разъезжаемся кто куда. Так неинтересно. Давайте этот год проведем все вместе.

— А как ты его проведешь вместе, если Лида Игнатьева в Ленинград уезжает, Щукин Витя — к бабушке в деревню, а остальные — по разным лагерям?

— По-моему, Оля правильно предлагает,— возразил Иван.— Давайте разучим несколько одноактных пьес и летом будем выступать в пионерских лагерях.

У Вовы Корнеева загорелись глаза.

— Для начала возьмем «Удивительный суд».

— И «Тайну Гоши Чижикова»,— сказала Оля.

— И «Мюнхгаузена на Спутнике»,—добавил Иван.

— А как же Николай Степанович? Он не согласится так срочно готовить спектакль.

— Режиссером — Иван. Готовить пьесу тайно!

Из дневника Оли Кондраковой

15 мая

Сегодня обсуждали поступок Гали Овсянниковой. Иван сказал: «Ты себя незаменимой не считай. Заменим». Постановили за непионерское поведение исключить ее из нашего коллектива на три месяца. «Подумаешь!» — сказала Галя. Но мы видели, как в сквере она села на лавку и заплакала. Нам было ее очень жалко. Но людей надо воспитывать.

20 мая

Всем кружком ходили к Лидиной маме. Упросили, чтобы она не отсылала Лиду в Ленинград. Теперь целое лето мы все будем вместе.

Про пчелу, «природу» и стихи

Ребята трусили. Правда, Иван ходил на Исакиевское озеро и договорился с начальником лагеря о концерте. Но все-таки это было неофициальное выступление. Во Дворце о нем никто не знал.

Лагерь находился километрах в пяти от города. Шли пешком. Самые сильные несли узлы с костюмами. Иван вез на велосипеде радиолу и пластинки — музыкальное оформление спектаклей.

Вышли на луг. Сильно запахло травами. Вдруг Оля бросила узел, метнулась назад и

Это сценка из пьесы «Таинственная страница». Юнгу играет Вова Корнеев, Веточку — Нина Тяпкина.

Спектакль идет прямо на улице.

наскочила на велосипед. Радиола упала на землю.

— Ты что?! — накинулся Иван на девочку.

— Пчела! — жалобно сказала Оля.

— «Пчела»! — Петя Федорчук чуть не плакал.— Как я теперь домой покажусь? Радиола чужая. Еле выпросил!

Вова Корнеев осмотрел радиолу.

— Кажется, ничего страшного. Играть, наверное, будет. А крышку лагерный столяр починит.

Артистов встретили шумно. Окружили, провели к театру, заиграли сбор.

И тут Вова Корнеев схватился за голову.

— Пропали!

— Что? — испугалась Оля.

— Мы забыли природу.

— Какую природу?

— Задник, где нарисован парк. «Тайну Гоши» играть нельзя.

— Спокойно! — сказал Иван.— Оля Кондракова умеет писать стихи. Мы начнем с «Удивительного суда», а она пока сочинит объяснительный текст.

— Спасай, Олька! — повеселели артисты.

Успех первого спектакля был полный. Пока перед занавесом Петя Федорчук и Витя Васин разыгрывали клоунаду, за сценой сочиняли стихи.

К Оле то и дело подходили ребята.

— Ну как?

— Рифмы не хватает к слову «зеленый».

— Печеный,— сказал Вова.

Танечка Шамшина вздохнула.

— Не подойдет. Деревья печеные не бывают.

В это время раздались аплодисменты, и за кулисы прибежали клоуны.

— Ну, как у вас? Мы кончили.

Все посмотрели на Ивана. Он взял у Оли бумажку.

— Не получилось? Что-нибудь придумаем. По местам! Даю занавес.

И, выйдя на сцену, прочитал стихи:

Представьте парк зеленый,
Вот это — главный вход,
Развесистые клены,
Киоск фруктовых вод.

Во всемогущество Ивана теперь верили непоколебимо.

3. Мы — артисты!

С некоторых пор Олина мама стала замечать, что дочь ее худеет и совсем почернела от загара. Из дому она исчезала рано утром, а возвращалась вечером. И самое удивительное: Оля отказалась поехать в лагерь. «Что случилось? — дума-

Пират пойман! Пьеса «Таинственная страница» подходит к концу.

ла Олина мама.— Надо сходить во Дворец культуры».

Еще больше недоумевал директор Дворца. С утренней почтой принесли несколько похвальных грамот и самых распрекрасных отзывов о пионерской театральной бригаде.

— Может быть, перепутали? — спросил он у Николая Степановича, руководителя драмкружка.

Тот пожевал губами.

— Таких пьес, что указаны, я не ставил. А фамилии наших ребят — Иван Поваляев, Оля Кондракова...

Артисты в это время сидели под елками, промокшие и голодные. Они только что дали свой пятнадцатый концерт. До дома было километров двенадцать. Все очень устали. А тут еще полил дождь. Стало холодно и тоскливо.

— Вот что, ребята,— сказал Иван,— есть задание: собрать хворост и развести костер. Будем сушиться.

Хворост собрали. Но спички гасли. Скоро осталась всего одна. Ее взял Иван. Стараясь не выдать своего волнения, он разломал коробок, обернул его бумагой и поджег. Аккуратно подложил несколько тонких веточек. Огонь запылал.

— Ура! — закричали ребята и запели любимую свою песенку:

Здравствуй, милая картошка-
тошка-тошка-тошка!
Низко бьем тебе челом-лом-лом,
Даже дальняя дорожка-
рожка-рожка-рожка
Нам с тобою нипочем-чем-чем.

Холод и голод забылись. И вдруг раздался сердитый бас:

— Кто позволил в лесу костер жечь?

Перед ребятами стоял высокий бородатый лесник.

— Кто вы такие?

— Мы артисты!— сказала Танечка Шамшина. — Нам холодно.

— А что вы умеете? — спросил, добрея, лесник.

— Петь. Рассказывать смешные стихи, играть пьесы.

— Вот что, ребята! Не смогли бы вы дать концерт для одной девочки? У нее болят ноги, и она целый месяц лежит в постели... Здесь, совсем недалеко. А потом я бы вас отвез на лошади.

— Как, ребята? — спросил Иван.— Уже поздно. Дадим концерт?

Ему ответили дружно:

— Дадим!

Петя Федорчук предложил:

— Покажем клоунады и «Мюнхгаузена».

— Нет,— сказала Оля.— Надо показать весь наш репертуар!

Мучители и герои

Гневные речи сплошным потоком лились на голову директора Дворца культуры. Было уже десять часов вечера.

— Как же так! — горячилась Олина мама.— Вы собираете детей и не знаете, где они?

— Я своего сына больше к вам не пущу!— гремел бас папы Федорчука.

— Полная безответственность! — подтвердил председатель фабкома.

— Я знаю. Это у них Иван — заводила... — И Олина мама приложила к глазам платочек.

— Не дети, а мучители,— вздохнул папа Вити Васина.

В коридоре резко стрельнула дверь. Директор выглянул из кабинета.

— Наконец-то, голубчики! Ну-ка, заходите ко мне. Что это за грамоты? Где вы пропадали?

Иван опустил голову.

— Чего ж ты молчишь? — Все обернулись на голос. В дверях стоял лесник.— У меня они выступали... Дочка у меня больная...

Пришлось рассказать все.

Председатель фабкома сказал:

— За самовольство — выговор. За активность — всем путевки в пионерский лагерь.

Из дневника Оли Кондраковой

29 июля Мы обошли все городские и многие загородные лагеря. Вчера выступали у пионеров автобусного завода. Они за нами прислали машину. Собрали всех за пятнадцать минут. Не было одного Федорчука. Он живет далеко. И мы решили за ним заехать. Вдруг смотрим: он идет по улице. Оказалось, в аптеку. У него болеет мама. Лида Игнатьева в концерте не была занята. Просто ей очень хотелось съездить с нами. Но она пожертвовала для товарища личными интересами, вызвалась сходить в аптеку и посидеть с мамой Федорчука. Вот что значит настоящая дружба!

2 августа Готовимся к лагерю. Разучили пьесу Михалкова «Сказка про козла». У Федорчука и Васина — новые клоунады. Ждем не дождемся отъезда. Как хорошо, что и отдыхать мы будем вместе!

Нет, мы не зазнались!

Больше терпеть было нельзя. Артисты — верховоды первого отряда — после нескольких выездов в другие лагеря начали вести себя слишком вольно. Уходили купаться одни, увиливали от уборки. Два дня назад отряд не пошел в колхоз на прополку овощей. Старшая вожатая решила: сегодня же на вечерней линейке объявить отряду выговор. Но на линейку половина отряда не явилась.

«Ну, ладно... Я этим «артистам» покажу!..» — подумала вожатая.

Но только спустили флаг, как раздались звуки труб, и из-за деревьев вышли герольды. Они пригласили пионеров следовать за собой «в волшебную страну сказок».

У старшей вожатой не хватило духа остановить эту «внеплановую» затею.

В лесу было темно. Вышли на поляну.

Вдруг на деревьях засветились фосфорические огоньки. Раздался смех филина. Словно из-под земли, сверкая в свете факелов зеленоватой чешуей, появилось чудовище. Вокруг него запрыгали лешие и русалки. Надтреснуто пробило двенадцать ударов, и посреди поляны огромным пламенем вспыхнул костер. Вокруг него сидели ребята из первого отряда и пели. Начался вечер сказок.

Выговор артистам снова пришлось отложить. А утром... Утром они не пошли на зарядку.

— Братцы-кролики,— пошутил Вова Корнеев,— неужели мы не заслужили эти теплые минутки под одеялом вместо приседаний?

— Заслужили!

— Спим?

— Спим!

И о зарядке было забыто.

После линейки старшая вожатая оставила всех председателей советов отрядов. Ивану крепко досталось.

Вся труппа в сборе. В центре — руководитель кружка Николай Степанович Прохоров и Ваня Поваляев.

— Они собираются на пьесках выехать. Раз артисты, значит, им все дозволяется?! — выкрикнул паренек из второго отряда. — Думают, что без них не обойдемся!

Иван обиделся.

— Как выступать, так артисты, артисты... А не вышли на какую-то там зарядку, сразу шум поднимаете! «Без вас обойдемся!» — передразнил он. — Вот откажемся выступать на смотре...

— Поваляев, что вы говорите?

Иван повернулся к вожатой спиной и зашагал к дачке. Завтракать он не пошел. Подумав почему-то, что их режиссер наказан, артисты с чашками и тарелками примчались в палату. И тут появилась Евдокия Семеновна, педагог.

— Демонстрацию устраиваете, Поваляев? Идемте, вас начальник лагеря вызывает.

Ребята всполошились:

— За что?

Иван пожал плечами, медленно поднялся.

— Держись! Мы все за тебя! — крикнул Витя Васин.

Неожиданно для Ивана начальник лагеря повел разговор спокойно, будто вызвали Ивана не ругать, а посоветоваться.

— Что нам делать, Ваня? Твои артисты зазнались. Думают, что они лучше других ребят. Как это они дошли до такого, понять не могу. Незаменимыми себя считают.

Иван покраснел. Он вдруг вспомнил, что почти такие же слова говорил Гале Овсянниковой, когда она отказалась выступать в рабочем общежитии. Выходит, что они стали совсем такими же, как Галя... Как же это получилось?

Разговор затянулся. Первый отряд изнывал у дверей кабинета. Когда начальник лагеря и Поваляев вышли, ребята зашумели:

— Не отдадим Ивана!

— А его у вас никто не берет!

Красный от смущения Иван подошел к ребятам. Не поднимая глаз, сказал:

— Идемте. Дело есть.

Отряд собрался за дачками. О чем шел разговор, догадаться нетрудно.

В этот день на прополке овощей первый отряд перевыполнил свое задание.

Из дневника Оли Кондраковой

20 августа

Я раньше не думала, что в нашем Орехово-Зуеве можно жить так интересно...

Рисунки Ю. Кискачи.

Сделал старик человека из глины и поставил себе под окошко. Пришел к старухе и говорит:

— Посмотри, какого я глиняшку сделал!

Старуха посмотрела в окно, на глиняшку, и говорит:

— Ох, старик, что ты наделал! Он нас съест!

Старик сидит, сети вяжет, а старуха ему помогает и обед варит.

И вдруг слышат: туп-туп, туп-туп... Вошел глиняный человек в избу.

Схватил глиняшка старика и старуху и съел. Обоих проглотил, и с руками, и с ногами, и с сетью, и с котлами. И пошел на улицу.

Ходит по улице туда и сюда. Смотрит: идут девушки, одна с ушатом, другая с коромыслом. Он взял их обеих и съел, одну с ушатом, другую с коромыслом. И пошел дальше.

Шагает по улице, топает толстыми ногами, а ему навстречу три молодицы с ягодами. Он съел их всех...

И пошел себе дальше. Шел, шел, видит: трое лодку чинят. Он их всех троих съел, и с лодкой и с веслами, и пошел дальше.

Идет глиняшка по дороге, топает: туп да туп, туп да туп...

Глядь, опять там трое дрова рубят. Он их с топорами и с дровами всех съел и опять пошел.

Идет глиняшка напролом, всех поедает, кого ни увидит. Идет, идет, ногами топает, глазами хлопает, губами шлеп, шлеп, шлеп... Надо ему еще кого-то съесть.

— М-а-а-ло, — говорит, — м-а-а-ло...

Смотрит, там, на горе, олень стоит, на глиняшку поглядывает.

Говорит глиняшка оленю:

— Гхы... Я тебя съем! — А сам смеется: — Гы, гы, гы...

А олень с горы ему в ответ:

— Глиняшка, глиняшка, ты постой там, под горой! Ты на гору не ходи, рот пошире открой, я сам с горы к тебе прыгну.

Глиняшка и рад.

— Гы, гы, гы! — засмеялся.

Вот он под гору стал, рот пошире открыл и ждет, когда олень к нему в глотку прыгнет.

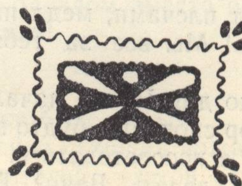
А олешка разбежался, да ка-ак прыгнет с горы, да прямо в живот ему рогами — трах!

Глиняшка рассыпался — и побежали все: старик со старухой, девки с коромыслом и с ушатом, бабы с ягодами, дроворубы с топорами, и мужики в лодке поплыли...

А олешка кругом бегает, рожками красуется.

Тут девушки золота принесли, мужики оленя поймали и рога ему позолотили...

И стал олешка — Золотые рожки.

Жила-была мышка. Звали ее и «Быстра ножка», и «Толсто стегнышко», и «Бойка ножка» — по-разному называли. Жила она в своей норке на берегу большого озера. По вечерам мышка сидела у входа: носик греет солнышко, а толстому стегнышку тепло в норке.

И были у мышки две заботы: толстому стегнышку посидеть и отдохнуть, а ножкам быстро бегать да зернышки собирать, а еще надо было не зевать, вовремя юркнуть в норку. Так и жила мышка: ножкам хочется побегать — она отправляется на охоту; толстому стегнышку захотелось домой — она вернется к норке и усядется у входа. Носик ей греет солнышко, толстому стегнышку тепло в норке. Так она сиживала, посиживала, зернышки грызла, корешками закусывала да на озеро поглядывала.

Смотрела, как по озеру ладьи плывут под парусами. То суденышко близко, вот оно мимо идет, а там, посмотри, оно уже едва виднеется на краю воды, где небо с далями сливается. Погодя те же ладьи обратно идут, тяжело груженные, с полною осадкой. И зачем туда люди ездят? Что нужно им в тех далеких краях?

И вдруг мышке захотелось уехать далеко-далеко...

— Хочу путешествовать, — сказала она.— Хочу все знать, и людей посмотреть, и себя показать!

На том берегу, где жила эта мышка, рыбаки ловили рыбу. Однажды после лова уехали они, а на песке, у самой воды, осталась корка хлеба.

Мышка бежала мимо, смотрит: краюшка хлеба лежит, как лодочка стоит.

«Вот мой кораблик, — подумала мышка.— Тут и запас провианта есть». И она ухватила ту краюшку, спихнула ее в воду, парус поставила и сама села; тут потянул попутный ветер, лодочка тронулась, и... поплыла мышка по озеру, как по морю.

Стала мышка капитаном корабля!

Мало времени прошло, ей навстречу зайчик берегом бежит.

— Мышка, мышка, Быстра ножка! Ты куда держишь путь?

— А я, — говорит мышка, — поехала путешествовать. Надоело дома сидеть, хочу себя показать и людей посмотреть. Хочу все знать!

— Возьми и меня с собою!

— А припас? Есть ли у тебя припас?

— А чего тебе надобно?

— Съедобный припас есть ли у тебя?

— Есть, есть, припаса хватит.

— Садись, зайчик, Крепка лапочка стук-стук-стук...

Мышка посадила зайчика, и поехали они вдвоем. И вот они едут по озеру, как по морю, а по берегу им навстречу лисичка бежит.

— Мышка, мышка, Бойка ножка, ты пошто-прошто в море катаешься? Неужели тебе дома не живется?

— А я, — говорит мышка, — поехала путешествовать, себя показать, людей посмотреть... Хочу знать, куда те паруса курс держат.

— Ах, ах, — говорит лисичка, — обязательно надо и мне знать, куда те паруса курс держат! Толсто стегнышко, возьми и меня с собою!

— А припас есть ли у тебя?

— Ах, ах, припас, припас! Цап-царап — вот тебе и припас. Припаса хватит нам на всех!

Мышка посмотрела на зайчика, зайчик на мышку, спрашивают один другого:

— Возьмем лисичку?

— Лисичку? Возьмем лисичку.

Ну, взяли они лисичку и поехали дальше втроем.

Ехали, ехали, а по берегу им навстречу волк бежит. Увидел мышкину лодочку, хвостом замахал и завыл:

— Э-э-эй, чье оно там, суденышко, плыве-о-от?

И видит: на суденышке лисичка и зайчик сидят, а мышка у них капитаном.

— Мышка, мышка, Тонка ножка, Толсто стегнышко, ты куда путь держишь?

Мышка — капитан, она не сама отвечает. Зайчику приказ:

— Кричи!

Зайчик в трубу заиграл:

— Наша мышка-капитан путешествует; хочет знать, куда груженые ладьи ходю-у-ть!.. Надо ей знать, нет ли в тех ладьях сала ей на зубок.

— Эх, мышка, Тонка ножка, возьми и меня с собой! Я-то уж пригожусь!

— А съедобный припас есть ли у тебя? — спрашивает сам капитан.

— Есть, есть припас!

— Возьмем? — спросила мышка.

— Возьмем! — ответили зайчик и лисичка.

Ну и взяли волка, усадили и дальше поехали.

Ехали, ехали, им навстречу по берегу медведь шагает. Увидел он мышкину лодочку, сел на задние лапы и заревел на все озеро:

— Ого-го! Чей это там кораблик по морю бежит? К какому хозяину суденышко плывет?

— Это я, — отвечает мышка, — это я, мышка-капитан. Я не к хозяину иду. Я сама себе хозяюшка плыву. Зайчик, кричи дальше!

Зайчик взял трубу и заиграл:

— Захотела мышка путешествовать! Захотела все узнать. Что там в далях делается и куда ладьи идут груженые.

— Э, мышка, мышка, Бойка ножка, знатный капитан, ты возьми-ка и меня с собою! Буду лапу сосать, думу думать.

Отказа нет никому, мышка всех берет.

— Возьмем? — спросила она у зверей.

— Медведя? А пошто не взять медведя? И медведя возьмем.

— А припас, а мед есть ли у тебя?

— Припас? Есть припас, и меду хватит всем!

Взяли медведя. Стало на кораблике тесно.

И вот они едут по озеру, как по морю плывут, пьют, едят, друг на друга глядят, похваляются, как они по озеру плывут, словно в море идут, храбро путешествуют. Песни поют и приплясывают, медведь на губах гудит, лисичка посвистывает, цап-царап показывает, волк клыками щелкает, зайчик лапкой стук-стук-стук, а и мышка-капитан не отстает, в иных местах залихватски попискивает: писк, писк, писк... Ух, и весело же было ехать!

Ехали, ехали, плыли, плыли, пели, пели, ели, ели, мед-вино пили вволю, а однажды увидали: весь припас кончился и меду больше нет.

Стали они голодать.

Только мышка не знала беды: она свою корочку хлеба, свой кораблик тот, грызла да грызла, тем и жива была.

Зайчику хочется есть, он лапкой стук-стук-стук, а все равно голодно. И лисичке нужно чего-нибудь на зубок, и волку надо поесть: у него живот совсем подтянуло. Он надумал было выть, но звери велели замолчать. «И без тебя, — говорят, — тошно».

Медведь принялся лапу сосать, думу думать: каково оно в далях бывает?

Лисичка хитрее всех. Она первая сказала:

— Сидим, сидим, а кто похуже, того съедим.

Волк хвост поджал, зубами лязгнул.

— А кого будем есть? — спрашивает. — Хозяйку?

Лисичка ему в ответ.

— Нет, — говорит, — сначала надо волка съесть. У, волчище длинно хвостище, много места занимает! С него и начинать надо.

Волк кричит:

— Несправедливо! Надо зайчиком начать, а медведем кончить. Нам с тобой некуда хвосты приклонить. Бесхвостые мешают, жить не дают.

Медведь кивает на волка, зайчик — на мышку... Заспорили звери.

Лисичка в стороне сидит, приговаривает:

— Сидим, сидим, а кто похуже, того съедим!

Одна мышка молчит, она кораблик свой грызет и грызет. Грызла, грызла и самое донышко прогрызла. Звери начали драться — дно кораблика провалилось. Волк, медведь и зайчик упали в воду. Только мышка на корме осталась сидеть, да лисичка успела зацепиться за нос корабля. Она уселась на нем, как у себя дома.

Сидит лисичка на носу корабля, а сама приговаривает:

— Сидим, сидим, а как-нибудь кого-нибудь да съедим. Мышка-хозяйка, кого будем есть? Я тебя съем!

Мышка направила суденышко к земле; кораблик в берег ткнулся и развалился.

Лисичка из лодки выпала в воду, а мышка прыг на берег, юркнула да за пень и спряталась.

Обсохла мышка, отфыркалась, волосок к волоску прилизала, новую норку устроила и стала жить.

По-прежнему она сидела у входа: толсто стегнышко в норке, носик на солнышке. Так сиживала она, посиживала, зернышки грызла, корешками закусывала да на озеро поглядывала. К чему они, те суденышки, те паруса, мимо бегут к далекому берегу, где небо с водою сливается? И ничего-то там нет. Она это знает точно. Пустое дело, одна досада и вода.

Приходили к мышке гости, и соседи, и соседушки, сиживали-посиживали. Она рассказывала им про свой кораблик, про свое путешествие, про драку друзей своих, зверей; рассказывала и о том, как она была капитаном.

— Ну, а что же там, за дальними берегами? — спрашивали гости. — Сальце-то, есть ли там сальце на зубок?

— Пустое дело, одна вода! — отвечала мышка.

И прозвали эту мышку Мышка Коротка ножка, Толсто стегнышко.

Все.

Записал и обработал
В. Чарнолуский.

Рисунки В. Трофимова.

На лесных полянах

Рашид РАШИДОВ

Мы тетерева встретили
Среди лесной лужайки,
Под небо взвился тетерев —
Схвати его, поймай-ка!

Птенцы повсюду бегают —
В траве и на тропинках,
И светлые, и пегие,
Со скорлупой на спинках.

А мать стоит в сторонке
И шороха пугается,
Птенцы на ножках тонких
На зов ее сбегаются...

Вот, вздрогнув, как от холода,
Фазан вспорхнул с куста.
Что — серебро иль золото —
В серпе его хвоста!

Иль, взоры встречных радуя,
Светясь и в темноте,
Кусочек вешней радуги
Горит в его хвосте!..

Шумит листва кудрявая,
Наполненная соком,
В воздушном море плавая,
Крылом нам машет сокол.

Для глаз нет краше зрелища —
Взгляни на лес кизила:
Он рдеет, хоть незрел еще,
А только копит силы.

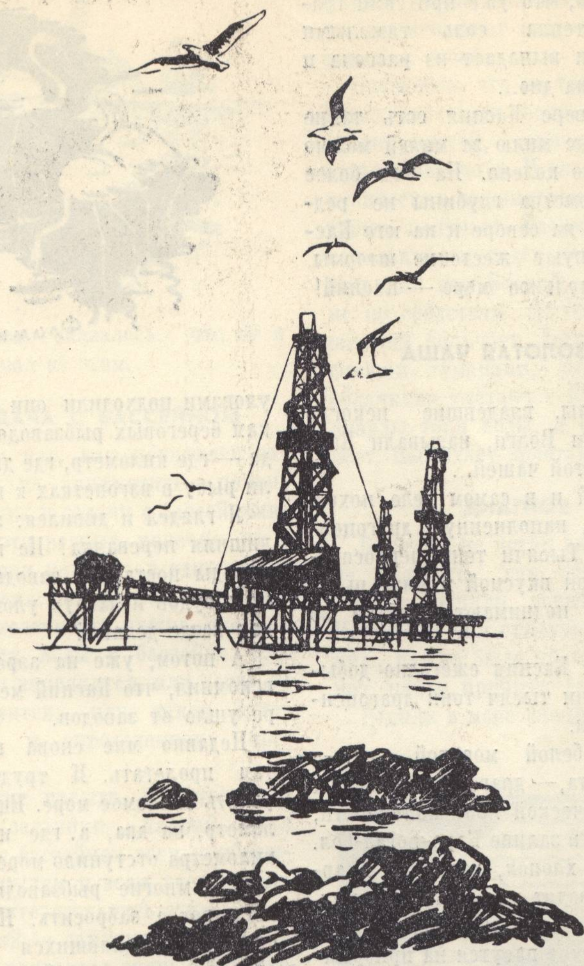
Краса здесь небывалая,
Но под ноги взгляни-ка:
Внизу шелками алыми
Краснеет земляника.

Лиса! Лиса! —
Вдруг слышу я.
И просекой сквозною
Лиса промчалась рыжая,
Хвост натянув струною.

Мы эхо слушали потом,
У скал мы воду пили...
...Эх, мамы!
Вы с таким трудом
Сюда нас отпустили!..

Перевела с даргинского
Елена Николаевская.

УЧЕНЫЕ ЛЕЧАТ МОРЕ

Н. АНДРЕЕВ

Много есть морей, но такого, как Каспийское море, другого нет на свете...

У каждого моря свои тайны. У Каспийского столько их, что ученые не одну сотню лет ведут споры об этом море и до сих пор не могут разгадать его загадок. Самый трудный вопрос поставил Каспий перед наукой в начале нашего века.

Что это за вопрос, как думают ответить на него ученые, об этом ты сейчас узнаешь. Но сначала мы немного расскажем тебе об этом удивительном море.

РОДОСЛОВНАЯ МОРЯ

В песнях, в легендах за суровый нрав, за белые гребни, похожие на седину, Каспий часто зовут «стариком».

На самом же деле в большой семье морей Каспий — младший братишка. Другие моря свой возраст исчисляют миллионами тысячелетий, а Каспию, такому, каков он сейчас, всего двести тысяч лет.

В наше время Каспий и моремто не считают. Говорят, что это — самое большое на земле озеро. Так оно и есть: Каспий — озеро, но родом из морской семьи.

Было время, когда могучий предок Каспия теплое Сарматское море бушевало на всем огромном пространстве от подножия Альп до гор Тянь-Шаня. Кавказ и Крым возвышались тогда островами, а там, где сегодня раскинулся Каспий, была глубокая впадина.

Проходили тысячелетия. Местами медленно, а местами быстро поднималась суша. Сарматское море мелело, разбивалось на отдельные большие и малые водоемы. Но Каспий и Черное море долго еще составляли один огромный глубокий водоем.

В конце ледниковой эпохи, прорвав горы, воды Средиземного моря хлынули в Черное. Каспий не смог пробиться. Он навсегда остался замкнутым озером-морем.

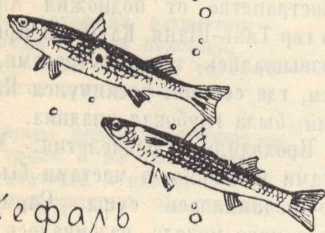
МОРЕ-МУЗЕЙ

У южных вечнозеленых берегов Каспия никогда не бывает морозов. У северных — зимой стоят тяжелые ледяные поля. Летом расцветают там лотосы — уроженцы юга, гнездятся розовые фламинго, бродят по мелям огромные белые пеликаны — бабуры. Тюлени и черепахи греются там на маленьких и больших островах. Осетры, потомки самых древних рыб на свете, попадают здесь в одну сеть с кефалью — самой молодой рыбой Каспия, всего два десятилетия назад завезенной сюда советским человеком.

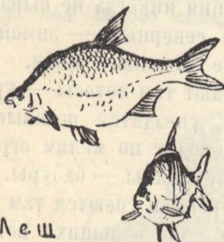
На дне Каспия лежат некогда затопленные морем остатки древних сооружений.

На севере Каспия можно пить воду. На юге она солона, а в заливе Кара-Богаз-Гол так насыще-

Пеликаны

Кефаль

Осетр

Лещ

Тюлени

на солью, что уже при семи градусах тепла соль тяжелыми хлопьями выпадает из рассола и оседает на дно...

На севере Каспия есть такие места, где милю за милей можно брести по колено. На юге более полукилометра глубины не редкость. И на севере и на юге Каспия бушуют жестокие штормы. Удивительное море — Каспий!

ЗОЛОТАЯ ЧАША

Монголы, владевшие некогда низовьями Волги, называли Каспий Золотой чашей...

Каспий и в самом деле похож на чашу, наполненную драгоценностями. Тысячи тонн первосортной, самой вкусной в мире рыбы ежегодно поднимают рыбаки из Каспия.

Со дна Каспия ежегодно добывают сотни тысяч тонн драгоценной нефти.

Горы белой морской соли — мирабилита,— драгоценного сырья для химической промышленности, добывают в заливе Кара-Богаз-Гол.

Шелк, хлопок, виноград и арбузы разводят на берегах Каспия. Драгоценные каракулевые овцы и рогатый скот пасутся на прибрежных пастбищах.

Тысячи тонн грузов везут по морским дорогам Каспия быстроходные танкеры и корабли.

Каждый год не один миллиард полноценных советских рублей вносят труженики Каспия в большую копилку советской стройки. Вот уж действительно золотая чаша!

Черпать бы и черпать из этой чаши год от года все больше богатств, если бы с морем не случилась беда.

МОРЕ В БЕДЕ

Как-то вскоре после войны пришлось мне лететь над Каспием. Мы летели не очень высоко, и в окно хорошо было видно: по всему Каспию промышляли рыбу разные рыбачьи суда. С богатыми

Фламинго

уловами подходили они к приемкам береговых рыбзаводов и оттуда — где километр, где два — везли рыбу в вагонетках к цехам.

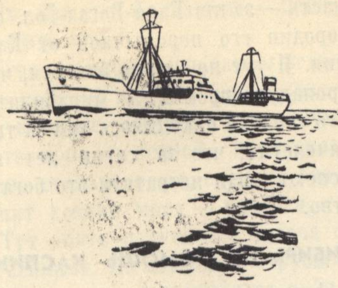
Я глядел и дивился: зачем эта лишняя перевалка? Не проще ли у воды поставить заводы и прямо с судов подавать улов в цеха, как везде делают?

А потом, уже на аэродроме, я вспомнил, что Каспий мелеет, море ушло от заводов.

Недавно мне снова пришлось там пролетать. И трудно было узнать знакомое море. Еще на километр, на два, а где и на три километра отступило море от берегов, и многие рыбзаводы пришлось вовсе забросить. На новых островах, поднявшихся в море, стояли домики рыбаков, и они уже были довольно далеко от моря. Слишком быстро растут острова.

И очень обидно стало за судьбу любимого с давних пор Каспийского моря. «Неужели,— думал я, — пропадет Золотая чаша? Неужели ничего нельзя сделать, чтобы помочь морю?»

Лотос

А потом оказалось, что не я один думал об этом.

ЗАДАЧА С БАССЕЙНОМ

С тех пор, как появились задачники по арифметике, появились в них и задачи с бассейнами. Задачи эти разные, конечно, но в чем-то они похожи: в одну трубу вливается... в другую выливается... А подсчитать нужно, сколько останется воды в бассейне, или когда он наполнится, или когда он опорожнится, или каков будет уровень к определенному времени.

Но еще прежде, чем появился первый задачник, Каспий задал задачу с бассейном всем прибрежным жителям и всем ученым, которые интересовались этим морем.

Каспий — замкнутый бассейн. В него вливается очень много воды: одна Волга сбрасывает в Каспий более двухсот кубических километров воды в год. Вместе с другими «трубами», по которым вливается в Каспий вода (Урал, Терек, Кура и множество других рек, речушек и ручейков), вместе с дождями, вместе с подземными ключами около четырехсот кубических километров воды ежегодно поступает в Каспий. А вот таких «труб», по которым вытекала бы вода из Каспия, нет.

Правда, прежде считали, что воду поглощает залив Кара-Богаз-Гол, Черная пасть. Туда — это давно заметили моряки — воды Каспия устремлялись так, словно там была бездонная пропасть. Но потом оказалось, что там, в заливе, никакой пропасти, никакого стока воды нет. Просто сухие, жаркие ветры, налетающие из пустыни, испаряют воду в заливе и уносят с собой.

Оказалось, что не только Кара-Богаз расходует воду. Все море дышит влагой, горячим ветрам отдает свою воду. И все четыреста кубических километров воды, которые получает Каспий, все до капельки, «пускает на ветер». С недавних пор Каспий стал жить не по средствам: он тратит больше, чем получает. Легкими, невесомыми туманами, прозрачными облачками улетают с Каспия миллиарды тонн воды, и Каспий мелеет. Высыхает Золотая чаша.

ДИАГНОЗ

Конечно, не могли люди спокойно смотреть, как гибнет море. Ученые решили лечить Каспий. Но прежде чем приступить к лечению, нужно было поставить диагноз, найти причину болезни.

Вышли в море специальные корабли. Опустились в глубины каспийских вод приборы. Другие приборы поднялись над Каспием на самолетах и воздушных шарах...

Причину обмеления Каспия искали в знойных лучах южного солнца, в сухих ветрах, налетающих на Каспий с песков Каракумской пустыни, в медленном понижении дна моря. А нашли ее далеко на севере, в Арктике, там, где рождаются холодные туманы и тяжелые снеговые тучи, где трещат морозы, где бушуют ледовые штормы.

В начале тридцатых годов в Арктике стало теплее. Резко уменьшились снегопады в северных районах нашей огромной Родины, и тысячи рек, речушек, ручейков, сбегающих к Волге и к Уралу, стали приносить меньше воды, чем прежде.

Ученые подсчитали, и оказалось, что ежегодно Каспий стал получать примерно на пятьдесят кубических километров воды меньше, чем в прежние годы.

Это очень много! А тут еще встали на пути волжской воды построенные человеком преграды — плотины гидроэлектростанций, возведенных на Волге. Шире разлилось зеркало великой русской реки, искусственные моря засверкали под солнцем, и вместе с туманами, которые по утрам встают над рукотворными морями, улетает в небо драгоценная вода, которая так нужна Каспию.

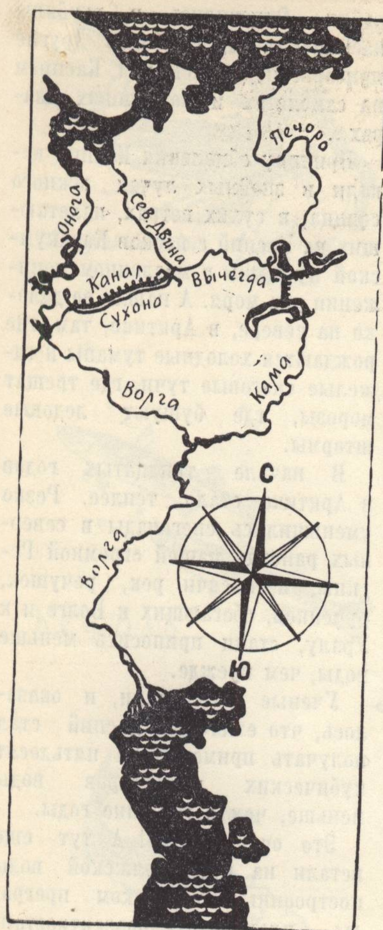

Эти грустные картинки без слов рассказывают, как мелеет море.

О ЧЕМ СПОРЯТ УЧЕНЫЕ

Столетиями спорили ученые о том, куда пропадает вода из Каспия. Сейчас этот спор решен. Теперь другое волнует ученых: как спасти Каспий, откуда взять воду, чтобы не дать пересохнуть Золотой чаше?

Проще всего, казалось бы, из Черного или Азовского моря провести канал. Тогда прямо самотеком хлынет морская вода в Каспий. Ведь уровень Каспия на двадцать восемь метров ниже уровня Черного и Азовского морей.

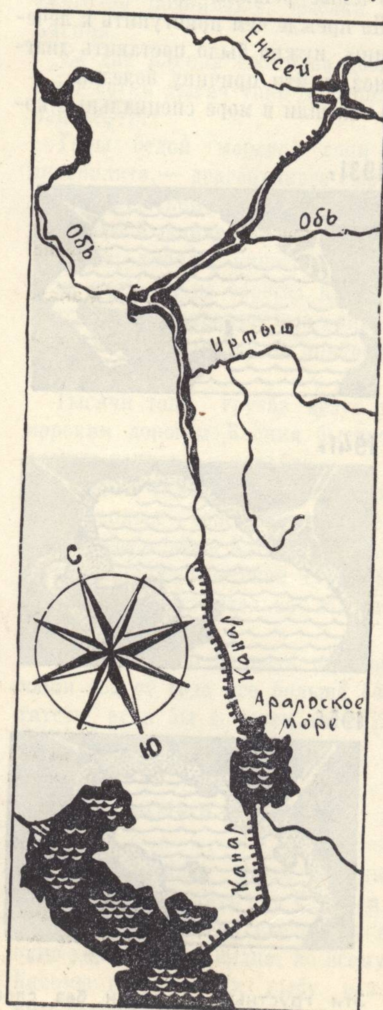
Но, оказывается, не все так просто, как кажется на первый взгляд. Во-первых, объем работ, которые пришлось бы проделать для проведения такого канала, слишком велик даже для нашей страны, а во-вторых, за этой простотой скрывается большая опасность: соленая черноморская вода очень скоро засолонит северный Каспий, и вместо выздоровления наступит преждевременная тяжелая смерть рыбного Каспия. Погибнут и рыбные богатства Азовского моря. Значит, не годится такое лекарство.

Есть другое. Вот тут нарисованы северные реки Вычегда, Печора и Северная Двина. Если построить плотины на них, поднять воду в этих реках, они пойдут вспять и вместо того, чтобы в Белое и Баренцово моря сбрасывать свои воды, отдадут их Волге, а Волга донесет их до Каспия.

Чтобы повернуть северные реки на юг, придется построить три высокие дамбы, провести каналы, построить шлюзы, сделать водохранилища...

Конечно, выполнить такие работы нелегко. Но зато от этого выиграет не только Каспий, но и Волга: больше воды побежит через волжские гидроэлектростанции, а значит, больше электроэнергии дадут они стране. Удобнее и надежнее станет водный путь из Каспия в северные моря.

Вот это лекарство получше. Но и оно несовершенно: сорок один кубический километр воды дадут северные реки, а Каспию этого мало. Чтобы спасти море, придется еще закрыть Черную пасть — залив Кара-Богаз-Гол, отгородив его перемычкой от Каспия. И тут не нужно бояться, что пропадут промыслы мирабилита. Его столько накопилось там за тысячелетия, что за сотни лет не успеют люди истратить это богатство.

СИБИРЬ НА ПОМОЩЬ КАСПИЮ

А вот и другой проект: огромные, могучие сибирские реки Обь и Енисей тоже без пользы сбрасывают свои воды в Ледовитый океан. Нельзя ли их повернуть на юг, на помощь Каспию?

Можно, оказывается.

И даже несколько путей к Каспию можно найти для вод северных рек-богатырей.

Вот тут на рисунке показан один из проектов переброски енисейской и обской воды на помощь Каспию.

И этот проект осуществить нелегко. Придется уложить плотину в восемьдесят метров высотой, прокопать канал в восемьсот километров длиной, построить шлюзы и дамбы... Это дорого, трудно, но зато такое «лечение» целиком решит вопрос о спасении Каспия от обмеления, улучшит Аральское море. Пресная вода в изобилии придет в Арало-Каспийский район и превратит здешние пустыни в сады...

Хороший проект, но на осуществление его уйдет много времени, а за это время такие огромные убытки потерпит народное хозяйство из-за обмеления Каспия. Что-то нужно сделать поскорее.

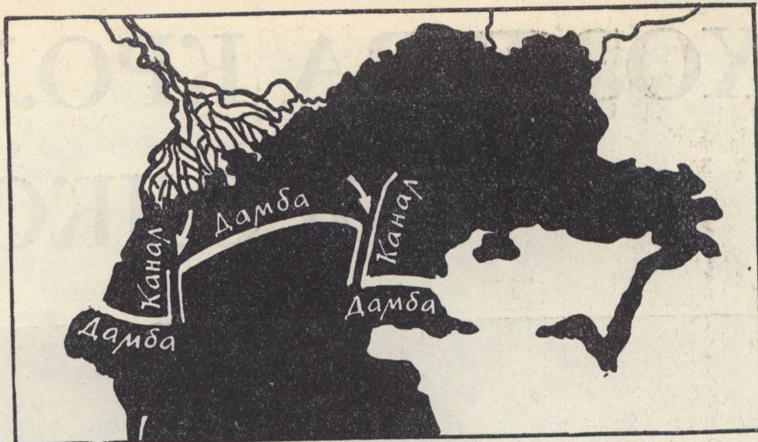
Есть и еще проекты. Надумали, например, перегородить Каспий пополам. Ведь страшнее всего обмеление северной части моря. Именно там пасется драгоценная каспийская рыба. Именно там пресная сточная вода содержит больше всего корма, именно там больше всего мелей, мешающих судоходству и промыслам, именно там рождаются льды, которые выносятся к центральной части Каспия и разрушают нефтяные вышки...

Это кажется фантазией — перегородить море!

Огромные земляные дамбы встанут поперек моря, а узкие каналы, которые соединят северную часть моря с южной, пропустят ровно столько воды, сколько разрешит хозяин моря — человек.

Тут опять получается задача с бассейнами. Из волжской «трубы» вливается в море четыреста кубических километров воды. Большая часть воды будет задерживаться в северной части Каспия. И тогда уровень воды здесь станет немного выше, море не будет мелеть, а это-то и нужно для спасения Золотой чаши...

И уже разработаны проекты, по которым можно строить плотины и дамбы, делить море на две части и спасать тем самым его богатства.

Нужно еще и еще раз взвесить все, прежде чем приниматься за дело. Ведь каждая ошибка в таком деле может дорого обойтись и народу и морю. Вот поэтому снова и снова собираются ученые, собирают новые данные, ведут новые расчеты, строят новые модели, чтобы выбрать то лечение для заболевшего моря, которое всего нужнее ему.

Вот об этом и спорят ученые.

МАЛАДАЙ

Дамба ЖАЛСАРАЕВ

Сегодня ребята
сбиваются с ног:
Родился на ферме
лобастый телок.
На белой простынке
он смирно лежит.
И каждый погладить
теленка спешит,
И тянется каждый
к теленку рукой:
— Какие копытца!
А хвостик какой!
А вместо рогов,
поглядите, пока
Из рыженькой шерсти
два мягких витка!
Ты вырастешь скоро
большим, Маладай,
Но только ребят
никогда не бодай!

КАРТОШКА

Ты рассыпчата, картошка,
Посолю тебя немножко,—
Больно хороша!
В котелке в мундире сваришь,
А захочешь, так поджаришь,—
Кушай не спеша.

Мы тебя весной сажали,
Поздней осенью копали
Утром на заре.
И решили все ребята,
Что всего вкусней была ты
На лесном костре.

Перевела с бурятского
Т. Стрешнева.

ХОЗЯЕВА КРОЛИЧЬИХ ГОРОДКОВ

Е. КАРАЛИНА.

МОЛОДЫЕ ХОЗЯЕВА

За песчаными холмами на берегу Днепра лежит село Боровицы. Возле двухэтажного здания школы тучей носятся голуби, а за синей аркой с надписью «Кролеферма», как дома вдоль улиц, стоят ряды клеток. Маленький городок с пушистыми жителями.

А вот и хозяева городка. Две девочки убирают клетки. Третья раскладывает в сарае на рогоже траву, чтобы провялилась. Сырую траву кроликам давать нельзя. Четвертая моет морковь, режет кормовую свеклу. Тут же и двенадцатилетняя Полина Сущенко — заведующая фермой. Она неторопливо ходит между рядами клеток, что-то серьезно объясняет дежурным.

Юннаты дежурят здесь звеньями по четыре человека. Они взвешивают и сравнивают, насколько быстро прибавляет в весе молодняк той или другой породы. Изучают, какие корма полезнее кроликам. Кроме того, каждый облюбовал себе подшефную крольчиху, приносит ей ветки повкусней, иногда выпускает погулять на травке кроличью семейку: ребята любят возиться с этими пушистыми кроткими зверьками.

— Мы их кормим сначала утром, потом днем, после уроков. А вечером кладем корма побольше: кролики много едят ночью,— объясняет Полина.

Она ведет меня вдоль клеток. В клетках белые и серые великаны, шиншиллы, отливающие серебром, кролики породы «бабочка» (на их белой шкурке разбросаны черные пятна, похожие на бабочек); на каждой клетке карточка с кличкой животного: «Снежка», «Пуховка», «Злючка»,— таблица, на которой написан рацион.

Вот просторная клетка. Ее сетчатая дверка прикрыта доской. Заглядываем в клетку. Серая крольчиха, с силой стукнув задними лапами о пол, подает сигнал тревоги. Шестерка крупных крольчат сбивается в кучку носами в угол, а мать прикрывает их своим телом.

Полина улыбается.

— Они дикие, в яме жили. Вчера наш завхоз принес их на ферму, и я не велела ребятам тревожить их. Загородила доской, пока привыкнут.

Подходим к клетке номер тридцать шесть. Крольчиха пуховой породы таращит на нас сиреневые глаза с рубиновыми зрачками. Полина лущит кукурузный початок, и крольчиха жует зерна, часто двигая челюстями. В углу клетки гнездо, сколоченное из досок. Обычно заботливые крольчихи усердно готовят гнездо: выстилают поверх сена своим пухом,— а эта не сегодня-завтра должна принести детенышей, но почему-то не готовится к такому важному событию. Полина очень озабочена этим.

СОБЫТИЕ В КЛЕТКЕ

После уроков вышла Полина во двор. Возле тридцать шестой клетки толпились ребята.

— Полина, скорей! Беги сюда! — услышала она крики.

Полина метнулась к клетке, бросила на крышу портфель. Прямо возле сетки были разбросаны шестеро розоватых голых крольчат. Один уже не двигался, посинел... У Полины от волнения перехватило дыхание... Замерз!

Резкий ветер с дождем задувал порывами в клетку.

— А ну неси их в гнездо! — прикрикнула Полина на крольчиху, которая, сидя в сторонке, невозмутимо грызла ветки.

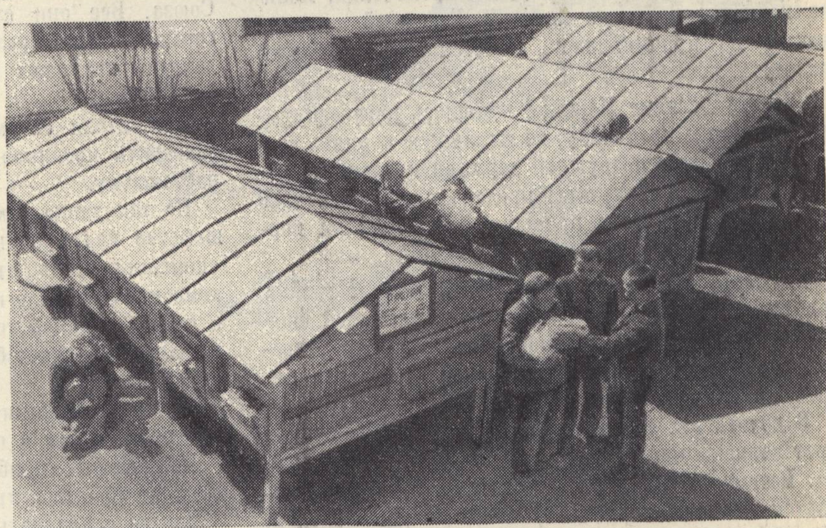
Полина схватила ее, уложила возле малышей, но крольчиха вырвалась и забилась в угол. Надо спрятать кроликов: замерзнут! Решительно закусив губу, Полина настелила побольше сена в гнездо, положила в него крольчат, собрала немного пуха с груди крольчихи и прикрыла им новорожденных. Потом подняла замерзшего крольчонка, положила его пока на крышу клетки.

Вдруг одна девочка крикнула:

— Ой, он живой!

И верно, крольчонок шевельнулся. Полина понесла его в класс, осторожно прикрыв ладонями. Дыханием согревать нельзя: крольчата боятся сырости. Она долго растирала

Посмотрите на средний снимок: вот так выглядит кроличий городок. В каждом домике этого городка живет кроличья семья.

С жадностью поедает выводок белых пуховых кроликов свой любимый корм — свежие ветки, которыми их угощает дежурная (нижний снимок).

А на верхнем снимке показаны переносные клетки. В них кроликов выносят на луг. Трава свободно проникает через сетчатый пол, и кролики с аппетитом подкрепляются свежей травкой. Когда они выщипают всю траву, клетки переставляют на другое место.

его пальцем, пока наконец крольчонок потеплел, порозовел, на нем стал заметен светлый пушок, как на абрикосе. Полина облегченно вздохнула: будет жить!

Забот у юннатов немало, каждый день что-нибудь случается... Вот заболела породистая крольчиха — не может кормить детей; они беспокойно пищат, вылезают из гнезда. Девочки волнуются. Что делать? Подложить их другой крольчихе нельзя: не примет таких больших; они уже опушились, открыли глаза...

Выпаивать из соски? Не войдет соска в такие крохотные ротики.

— Будем поить из пипетки, я читала про это,— решает Полина.

Укладывают крольчат в коробку с сеном и отправляются к Полине домой. Подогревают козье молоко; оно жирнее коровьего и этим больше похоже на кроличье. Держа левой рукой крольчонка, Полина набирает молока в пипетку. Голодный крольчонок жадно причмокивает, тычется мордочкой в ее пальцы...

Шестикласснице Марийке пришлось перевоспитывать упрямую крольчиху, не желавшую кормить своих детей. Они с подружкой держали крольчиху, пока не наелись крольчата; проделали так несколько раз, потом крольчиха привыкла и стала сама кормить малышей.

Внезапно заболел и погиб крольчонок. Марийка заволновалась. Посоветовалась с учительницей биологии Александрой Евдокимовной и, чтобы предупредить желудочные заболевания кроликов, стала давать им воду с йодом.

В другой раз она заметила, что крольчонок часто трет лапками мордочку, у него все время течет слюна. Ветеринар сказал, что эта болезнь так и называется «мокрая мордочка», лечат ее стрептоцидом. Марийка растерла таблетку стрептоцида, насыпала в рот крольчонку. Через два дня кролик был совсем здоров.

Теперь Марийка самостоятельно лечит больных кроликов.

Молодые хозяева кроличьего городка хорошо ведут свое большое, сложное хозяйство.

В прошлом году школа на доходы от кролефермы провела несколько интересных экскурсий, купила музыкальные инструменты. В школе свой духовой оркестр и большой ансамбль бандуристов: двадцать четыре бандуры. Этим летом кролеферма еще увеличится.

ВСЮДУ КРОЛИКИ

В Черкассах, в большом тенистом парке, уже не первый год устраивается необычная выставка. В парке стоят длинные ряды клеток с кроликами разных пород. В павильоне висят красивые женские и детские шубы из кроличьего меха, чудесные мохнатые кофточки, береты, варежки и шали, связанные из кроличьего пуха, фетровые и велюровые шляпы из того же пуха.

В меню выставочной столовой семнадцать блюд из вкусного и нежного кроличьего мяса.

На этой выставке бывает много народу; здесь можно встретить кролиководов со всего Советского Союза. Все они съезжаются сюда на Всесоюзное совещание по кролиководству. Делегаты слушают лекции, покупают породистых кроликов и обмениваются ими.

Посетители своими глазами видят, как выгодно разводить кроликов, если взяться за это дело по-настоящему.

Не так давно комсомол Черкасской области взял шефство над кролиководством; здесь его называют «комсомольской» отраслью животноводства. Много комсомольцев было направлено на колхозные фермы, и сейчас в одной только Черкасской области выращивается кроликов больше, чем во всей дореволюционной России.

Кроликов разводят всюду: в городах и колхозах, в детских домах и подсобных хозяйствах.

Миллионные прибыли получают некоторые колхозы от продажи кроликов государству.

Двести семнадцать кроликов вырастил юннат Вилен Головко. Он сдал их государству и получил четыре тысячи рублей, а корма они съели всего на пятьсот рублей.

А сколько сделали школьники-юннаты! Они передали в колхозы выращенных ими кроликов, построили для колхозных ферм более четырех тысяч клеток.

В школах Черкасской области больше шестисот кролеферм. Много здесь таких ребят, как Марийка, Полина, Вилен. Горячо и упорно трудятся они, умножая богатство страны.

Рисунки В. Цельмера.

Поезд идет

Кудрат ХИКМАТ

Поезд мчит
В Мирзачуль,
Мирзачуль,
Мирзачуль.
Он пыхтит:
— Ту-ту-ту, ту-ту-ту-ту-у!
Тяжко мне
Чересчур,
Чересчур,
Чересчур.
Я пыхчу,
Я стучу
На мосту-у!
По железным путям,
По дорогам стальным
Из столицы
Везу я
Свой гру-у-уз.
Вдоль полей Мирзачуля
Мой стелется
Дым,
Я с любой
Непогодой
Борю-ю-усь!
Я везу для друзей
На платформах своих
Экскаваторы
И трактора.
Я везу
Много нужных
Моторов стальных.
Я пускаю пары:
Мне пора!
Я машины везу,
Чтобы строили тут
И заводы,
И ГЭС,
И дома.
Чтоб на новых полях,
Где посевы взойдут,
Поселилась
Отрада сама.
По пустыням, степям
Простучу, пролечу,
Чтобы счастье
Друзьям принести.

Я лечу, ту-ту-ту,
В Мирзачуль,
В Мирзачуль —
Из Москвы
По стальному
Пути!

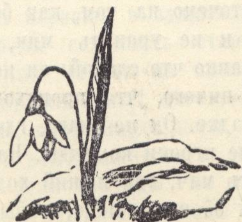
Перевел с узбекского
В. Сикорский.

Подснежник

Ильяс МУСЛИМ

В арыках и оврагах
Лежат еще снега,
А маленький подснежник
Выходит на луга.

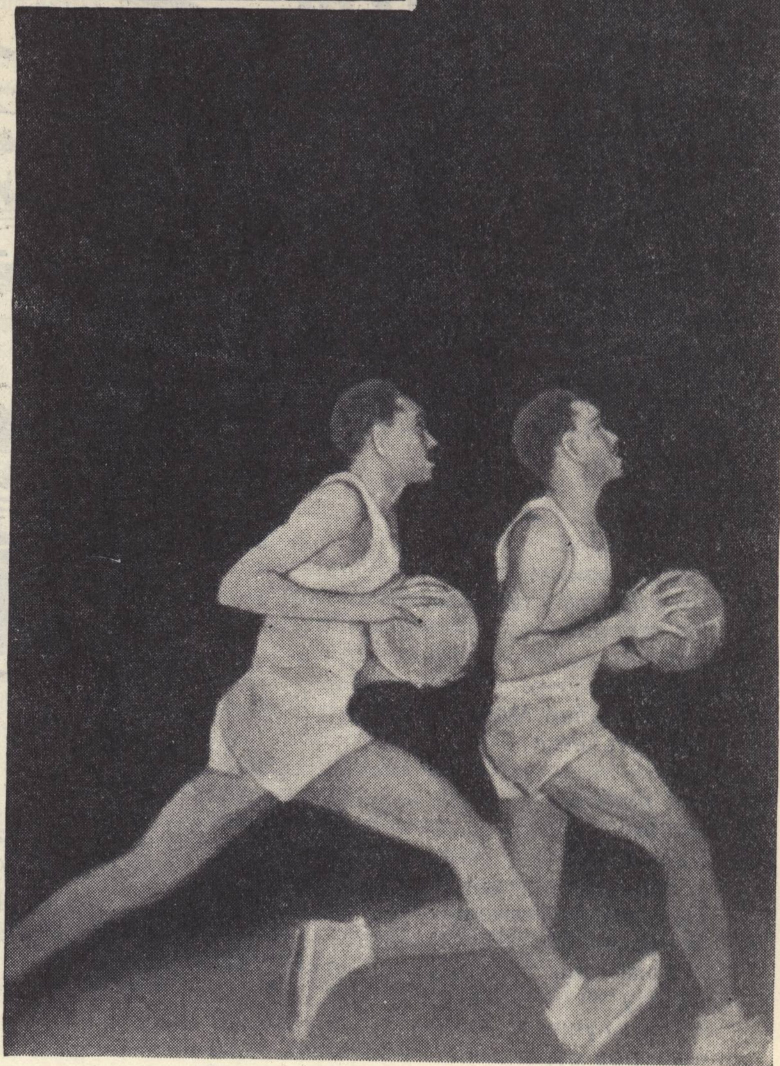
Ведь он весны разведчик,
Он трусить не привык.
Стоит он в белом шлеме,
И лист его — как штык!

Перевела с узбекского
. Зоя Туманова.

НАША СПОРТШКОЛА

Учимся играть в баскетбол

Ребята! Здесь на фото вы видите последовательные движения игрока, атакующего кольцо. Перед вами образцовая атака. Она проведена с большим мастерством. Смотрите! Игрок начал прыжок издали. Два — три сильных маховых шага, толчок, и вот он уже в прыжке. Прыжок такой высокий, что вытянутая рука с мячом оказалась на уровне кольца, даже чуть выше. Игрок не забрасывает мяч снизу вверх. Он может аккуратненько скатить его с руки прямо в кольцо. Такой игрок — гроза для защитников. Им его ни задержать, ни блокировать.

И все же, если вы овладеете одним лишь искусством атаки, этого недостаточно, чтобы хорошо играть. В баскетболе очень важно не только умение бить по кольцу, но и ловить мяч и передавать его другому игроку. А вот как раз ловле и передаче ребята обычно не уделяют внимания в своих тренировках. Это понятно: самым интересным им кажется атака и заключающее атаку забрасывание мяча в кольцо. Но на этом одном не выедешь!

А ведь есть и другие интересные и важные секреты хорошей игры. Один из них — способность одновременно ловить мяч и обозревать площадку, чтобы, овладев мячом, быстро решить, кому передать. Если все внимание сосредоточено на том, как бы поймать и не уронить мяч, игрок все равно что слепой: он не замечает ничего, что происходит на площадке. Он не знает, где стоят другие игроки команды. Надо так ловить мяч, как пеший ходит: не думая об этом. Надо, чтобы не было все внимание приковано к мячу.

А как правильно ловить мяч? Руки вытягивай в сторону летящего мяча почти до полного выпрямления. Когда мяч прикоснется к пальцам, амортизирующим, смягчающим полет движением подтягивай его к корпусу. Это основной элемент игры. Все равно как азбука.

Вот вам хорошее упражнение

на ловлю мяча и на внимание. Команда становится в круг. Мяч перебрасывается тому, кого внезапно называет капитан команды. Переброска ведется в быстром темпе.

Следующая ступень того же упражнения: игроки не стоят на месте, а перебегают по площадке. К этому переходят, когда научатся ловить мяч без промаха, «не думая».

А как у вас с защитой? Знаете ли вы, в чем самая большая ошибка защитника? Стоять на прямых ногах.

Когда играешь в защите, надо все время сохранять стартовое положение: стоять на присогнутых, спружиненных ногах. Казалось бы, спружинить ноги, переходя от неподвижности к движению,— доля секунды. Но за эту долю секунды нападающий игрок противника успеет пройти мимо, и тогда твоя попытка отбить мяч ведет к удару по руке или по корпусу и штрафному положению. Капитан! Это твоя обязанность следить, чтобы игроки твоей команды не забывали о стартовой стойке. Из нее легче начинать и прыжок и бег.

Тренер сборной команды Москвы заслуженный мастер спорта **В. Е. Колпаков**

У меня есть сосед Вова. Он любит читать. Когда ни заглянешь к Вове в комнату, он сидит где-нибудь в уголочке, сжимая руками какую-нибудь пухлую потрепанную книгу, и буквально пожирает глазами страницы. Губы его беззвучно шевелятся. Время от времени с них срываются неопределенные, малоразборчивые восклицания:

— Вот это да!.. Вот дает!..

Недавно я зашел к Вовиным родителям по какому-то делу. Вова по обыкновению сидел в своем уголке и читал. Я украдкой глянул на обложку книги, которую он держал в руках. Книжка как книжка, самая обыкновенная. Не очень толстая, но и не тонкая. Наверху написано: «Школьная библиотека». Внизу: «Детгиз, 1959 год». И название тоже ничем не примечательное: «Белые буруны». Но когда я увидел, что Вова читает именно эту книгу, мне стало очень приятно. Дело в том, что книжку «Белые буруны» написал мой хороший товарищ. И я, понятно, очень обрадовался, когда увидел, что Вова читает ее с таким интересом.

На другой день, встретив Вову на лестнице, я спросил:

— Что это за книгу ты читал вчера? Интересная?

— Ага! — не задумываясь, ответил Вова. И сразу начал рассказывать.

Захлебываясь, Вова долго пересказывал содержание хорошо мне известных рассказов.

О героях этих рассказов, своих сверстниках, мальчишках лет двенадцати — тринадцати, он говорил так, как будто это были его одноклассники, ребята, с которыми он зимой бегал на каток, а летом гонял по асфальту на самокате.

Он не просто помнил их всех по именам и знал в лицо. Он говорил о них так, как будто с каждым был в каких-то очень сложных отношениях.

Гаврика из рассказа «Белые буруны» он осуждал и слегка жалел. Конечно, Гаврик поступил подло, когда отобрал у соседской девчонки кулек с яблоками, и не зря от него отвернулись все ребята. Но где-то в глубине души Вовка Гаврику завидовал: ведь не каждому мальчишке доведется самому участвовать в перекрытии бешеной Ангары.

К Алику из рассказа «Земля, где ты живешь» Вовка относился добродушно, но немного снисходительно. Будь он на месте Алика, он бы не испугался, когда гигантское бревно с обрубленными сучьями чуть не перевернуло карбас.

Ну, а что касается Саввы из рассказа «Берберийский лев», Саввы, который подбил Женьку Зайцева стащить улов у старого рыбака, то его Вовка попросту презирал и ни за что не стал бы иметь с ним дело.

— А кто автор этой книги? — спросил я, думая, что вот сейчас Вова назовет автора, а я улыбнусь и скажу, что автор — мой друг и что, если он хочет, я даже могу его с ним познакомить. Но Вова удивленно переспросил:

— Автор?

— Ну да,— сказал я.— Автор. Писатель. Кто эту книгу написал?

— Ах, писатель! — сказал Вова.— Писателей я никогда не запоминаю. Я запоминаю только содержание...

По правде говоря, мне стало обидно. Как это так? Книгу прочел с удовольствием. События и люди, описанные в ней, крепко врезались тебе в память. А имя того, кто описал этих людей, придумал и рассказал тебе все, что случилось с ними, ты даже не запомнил!

Мне захотелось рассказать Вове, какого труда стоило писателю написать эту книгу. Ведь прежде чем написать рассказ «Белые буруны», он должен был сам поехать на Ангару, своими глазами увидеть, как эта могучая река вздувает океанские валы, услышать, как она ревет и грохочет, пенится, лезет на дыбы, выворачивает слепящие белые буруны и, словно песчинки, швыряет тяжелые бетонные кубы.

А прежде чем написать другие рассказы, вошедшие и не вошедшие в эту книгу, писатель должен был долгие месяцы ездить по стране, пересаживаясь с самолета на поезд, с поезда — на пароход и снова на самолет. Однажды ему понадобилось описать в рассказе парашютиста. Для того, чтобы лучше понять своего героя, он вместе с ним поднялся на самолете в воздух.

Почти полгода провел он в тундре, жил в чуме, ездил на оленях — и все это для того, чтобы написать несколько рассказов о детях дальнего Севера.

А когда после долгого путешествия он возвращался домой и садился за свой письменный стол, тут-то и начиналось самое трудное. Потому что рассказать то, что ты видел своими глазами и сам пережил,— это тоже не так-то просто. Надо долго и упорно искать настоящие, единственные, самые сильные и точные слова, чтобы то, что видел писатель, смогли увидеть, представить себе другие люди, те, которые никогда не были в описанных этим писателем краях. А для этого приходится, как говорил

Маяковский, перебирать «единого слова ради тысячи тонн словесной руды».

Об этом и еще о многом другом хотел я рассказать Вове. Но потом я подумал: а может быть, это и не так уж обидно для писателя, что Вова не запомнил его имя? Гораздо обиднее, когда читатель знает фамилию писателя, а вот что этот писатель написал, хоть убей, никак не может вспомнить.

Нет, определенно, это не беда. Гораздо важнее то, что люди, созданные воображением писателя, оставили глубокий след в его памяти. Это и важнее да и автору книги, наверно, гораздо приятнее.

Но вы все-таки запомните автора этой книги. Его зовут АНАТОЛИЙ МОШКОВСКИЙ. У него есть и другие книги. Обязательно достаньте их в библиотеке и прочитайте.

Б. Сарнов

Твои друзья — пионеры

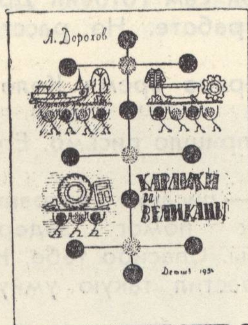
Советский пионер дружит с детьми всех стран и народов. Друзей хочется знать поближе: их жизнь, их успехи и неудачи, их радости и огорчения — все интересно. Если друг рядом, легко быть в курсе его дел. А если он далеко, за пределами нашей страны? Тогда спроси книгу. Книга расскажет тебе о твоих далеких друзьях.

Вот две хорошие книги о жизни зарубежных пионеров. Книгу **«Эрих и школьная радиостудия»** написал **В. Бреннеке.** Начинается она с того, что у пионерской дружины кто-то похитил аппаратуру только что смонтированной радиостанции. После многих происшествий и неожиданностей пропажа обнаруживается, похитители тоже. Но самое интересное в книжке — немецкие ребята, герои этой книги: характеры, их поступки, их мысли и чувства, даже их ошибки и слабости...

Вторая книга. **Мирчи Сынтимбряну** рассказывает о румынских пионерах. Книга называется **«Мои друзья».** Прочитав ее, ты, наверно, скажешь: «Да, название правильное. Это и мои друзья».

Простая книжка о сложных вещах

Химии отведено почетное место в семилетке: строятся химические заводы, комбинаты, создаются материалы, которых не было в природе.

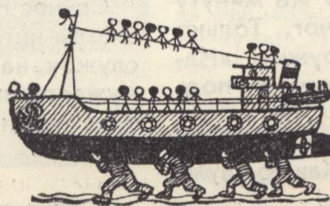
Ты хочешь побольше узнать о химии. Как это сделать? В книжку заглянуть? В книжках по химии все непонятно, как будто там не на русском языке, а на каком-то другом, вроде иностранного, написано... Так оно и есть. У химиков свой, химический язык, и, чтобы понимать его, нужно много учиться... Как же быть?

Когда попадает человек в чужую страну, на помощь ему приходят толмачи — переводчики. Так и тут: нашелся «переводчик», который с химического языка много интересных вещей перевел на понятный тебе язык. Так получилась книжка **А. Дорохова «Карлики и великаны».**

«Сало и хлопок, сахар и уксус состоят из одних и тех же атомов...» — пишет Дорохов. Но их не спутаешь потому, что «молекулы этих веществ построены неодинаково...»

Это не очень понятно. Но автор тут же разъясняет.

«Атомы,— пишет он,— можно сравнить с буквами. Букв у нас тоже немного — всего тридцать три...», а «все страницы всех до одной русских книг составлены из одних и тех же тридцати трех букв».

Вот теперь понятно.

Таких удачных сравнений, таких «переводов» с химического языка немало в этой тоненькой книжке. Многие из вас, вероятно, знакомы с ней, так как она печаталась в «Пионере». Теперь книжка вышла отдельным изданием.

Тот, кто прочтет ее, узнает о том, как по своему вкусу люди научились создавать новые вещества, гораздо более удобные и надежные, чем те, которые дает человеку природа.

И хотя химиком, конечно, не сделаешься, прочитав эту книжку, но уже другими, «умными» глазами станешь смотреть на те подарки, которые каждый день делает нам химия, и скажешь спасибо писателю, который так просто и так понятно рассказал о таких трудных вещах.

А. Некрасов

Ищи, Дружок!

Щенок был смешным и беспомощным. Пить молоко из блюдца он еще не умел. Напрасно Коля окунал его мордочку в блюдце с подогретым молоком. Мордочка становилась мокрой, и от этого щенок выглядел еще более жалким. Но молоко оставалось нетронутым. Тогда Коля решил кормить его из соски.

— Ну, пей, маленький! — уговаривал он собаку.— Пей, Дружок!

Сколько хлопот и радости доставлял Дружок своему хозяину! Скоро Дружок стал понимать приказания: «Ищи!», «Рядом!», «Стой!». Стоило Коле три раза свистнуть — и собака мчалась к нему, где бы она ни находилась.

Однажды зимой (к тому времени Дружок уже подрос и окреп) в деревню забежала стая волков. Волки хотели пробраться в хлев, но Дружок принял неравный бой. Прибежали люди, волки кинулись в лес. Коля бросился к своему другу.

— Дружок! Как же ты так, Дружок! — сквозь слезы приговаривал он, лаская собаку.

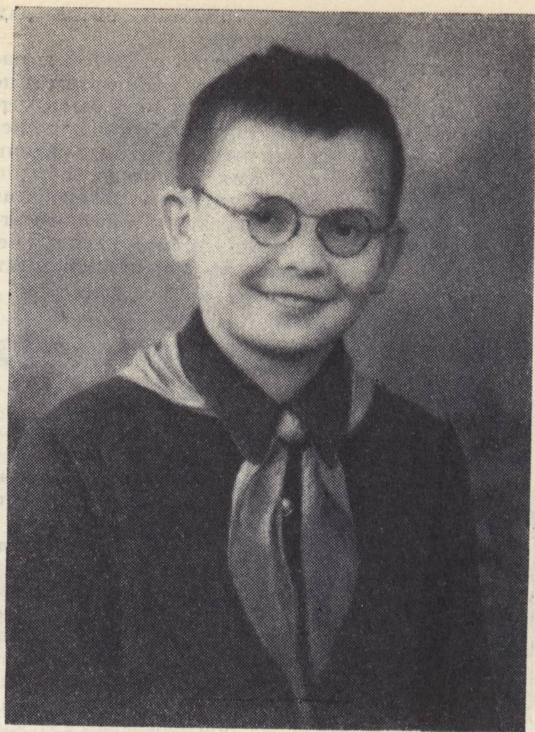
Он осторожно перевязал раны Дружка и целую неделю выхаживал его.

Ребята всей деревни стали часто играть в пограничников, и Дружок всегда был с ними. Коля упорно тренировал его. Мальчик решил сделать из Дружка розыскную собаку.

Однажды проходили через деревню настоящие пограничники. Коля со своим Дружком попался им навстречу.

— Ого, вот так герой! — сказал один из пограничников. И, подойдя к Коле, хотел похлопать его по плечу. Но в ту же минуту собака сбила пограничника с ног. Только когда Коля строго крикнул Дружку: «Назад! Нельзя!»,— пограничник сумел подняться с земли.

— Ну и собака у тебя! — сказал Коле пограничник.— Здорово обучена! Какую службу она могла бы сослужить нам!

Коля Миккоев, пионер дружины Медвежьегорской школы-интерната.

Коля рассказал обступившим его пограничникам, как он воспитывал Дружка, обучал его. Конечно, он сам готовил Дружка к опасной, важной работе. Но расстаться с ним так, сразу...

...Тяжело было первое время Коле без Дружка.

Но вот однажды пришло письмо. Его читала вся деревня.

«Дорогой Коля,— писали пограничники.— Твой Дружок помог задержать нарушителей границы. Спасибо тебе, Николай, за то, что вырастил такую умную и смелую собаку».

* * *

Сейчас Коля Миккоев учится в 6-м классе школы-интерната. А Дружок? Дружок несет службу на далекой заставе, помогает тем мужественным людям, которым поручено охранять нашу границу.

г. Петрозаводск.

Н. Ларцева.

Вода-путешественница

Дорогая редакция! Объясните, пожалуйста: почему в море вода соленая?

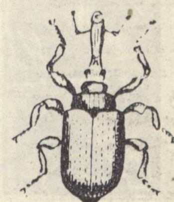
Анжелика Лосева
ст. Мирная, Читинская область.

Ты ведь, наверно, знаешь, Анжелика, что дождевая и снеговая вода проникает в землю, растворяет соли, находящиеся в почве. Струйки воды собираются в ручейки, ручьи вливаются в реки, а реки — в моря.

Чем больший путь проходит вода, тем больше в ней растворяется различных солей. Из моря вода уже никуда не вытекает, она только испаряется, а соли не испаряются и остаются, их собирается все больше. Поэтому в море соленая вода. Вернее, она горько-соленая: ведь, кроме поваренной соли, там есть еще разные другие соли.

К. Кочетков

Памятники вредным насекомым

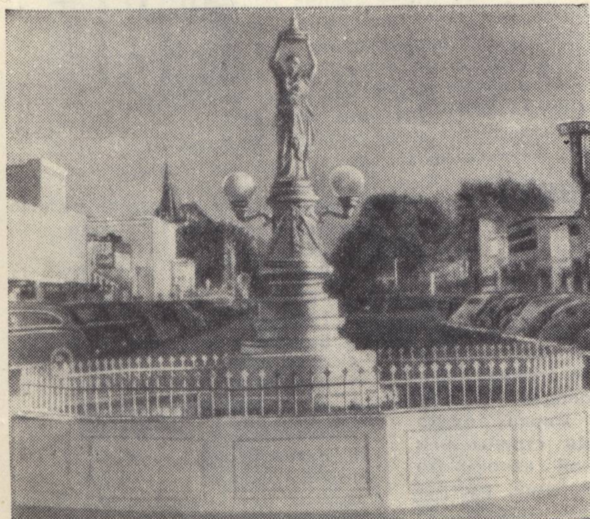

В Австралии, говорят, есть памятник гусенице, я прошу вас рассказать об этом памятнике.

Лев Никифоров
село Карай-Пущино, Тамбовской области.

Примерно в 1838 году один австралийский фермер привез из Аргентины кактус из рода опунции, с красивыми цветами и съедобными плодами. Кактус понравился фермерам, и они стали обсаживать этими неприхотливыми растениями свои поля.

Этот кактус чувствовал себя великолепно в Австралии и необыкновенно быстро размножался. Вскоре огромные, как деревья, кактусы заполонили все поля, стали глушить посевы.

Памятник вредной гусенице в городе Бунарга.

Фермерам пришлось объявить войну этому злостному сорняку. Но не так-то просто было его уничтожить.

Австралийским фермерам пришлось поехать на родину кактуса, чтобы узнать, какие враги у него были там. Они привезли из Южной Америки гусеницу кактобласиса. На кактусы высадили 2 750 миллионов яиц кактобласиса. Этот вредитель прижился в Австралии и в течение десяти лет уничтожил почти все кактусы.

Так были освобождены от кактуса-сорняка плодородные земли Нового Южного Уэлса и Квинсленда.

В этом-то штате Квинсленд, в небольшом городке Бунарга, был воздвигнут памятник вредной гусенице, спасшей фермеров от разорения.

Есть еще один памятник насекомым. На его пьедестале написано: «С глубокой признательностью хлопковому долгоносику за то, что он был причиной благосостояния, воздвигли этот памятник жители города Энтерпрайза, штата Алабама».

Как видишь, Лева, и этот памятник поставлен вредному насекомому.

Прожорливый долгоносик попал в штат Алабама в 1915 году. Он причинял огромные убытки фермерам, и никакими средствами не удавалось уничтожить его. Отчаявшись, фермеры совсем перестали сеять хлопчатник. Долгоносик «заставил» их заняться животноводством и выращивать кормовые травы, картофель, кукурузу, земляной орех, что оказалось более выгодным.

Вот за это жители города решили поставить памятник вредному долгоносику.

Е. Бацылев

Родословная спички

Давным-давно, много веков назад, огонь считался священным. Те, кто читал книжку Рони «Борьба за огонь», хорошо помнят, как люди берегли огонь, поклонялись ему. Они, наши далекие предки, все время жили в страхе, что огонь вдруг исчезнет, и тогда наступит мрак и холод.

Но вот постепенно человек сам научился добывать огонь: сначала трением, потом с помощью увеличительного стекла, позже — высекая искры из кремня.

Века прошли, прежде чем лучина превратилась в крохотную спичку. Так люди взяли огонь в плен. Эту занимательную историю о родословной современной спички рассказывает новая серия советских спичечных этикеток.

В. Жароз

Можно ли собрать все марки?

«Можно ли собрать все марки?» — спрашивает нас один из читателей. «Я хочу собрать все марки всех стран»,— сообщает другой.

Возможно ли это, ребята? Под силу ли одному человеку собрать такую коллекцию?

Нет, полную коллекцию марок не может собрать даже ни один музей. Подсчитано, что всего в мире выпущено более 200 тысяч разных почтовых марок.

Мы уже рассказывали, что многие из этих марок сохранились лишь в нескольких или даже только в одном экземпляре.

Ясно, что такие марки никак не заполучить в свою коллекцию!

Вот почему подлинные коллекционеры никогда не стремятся собирать все, что попадает им под руку, а выбирают марки только одной какой-нибудь страны или посвященные одной какой-либо теме, например, авиации, географическим открытиям, спорту.

Чтобы вам самим решить, какие марки лучше собирать, мы приводим список, показывающий, сколько всего марок выпустили разные страны к середине 1958 года.

1.	СССР	— 2 312
2.	Венгрия	— 1 868
3.	Румыния	— 1 856
4.	Турция	— 1 794
5.	Бельгия	— 1 694
6.	Франция	— 1 677
7.	Испания	— 1 516
8.	Германия (ГДР)	— 1 508
9.	Эквадор	— 1 497
10.	Китай (КНР)	— 1 405
11.	Австрия	— 1 378

Сейчас этих марок стало больше: ведь с тех пор, как их подсчитали, прошел еще один год.

К. Садиленко

ДЕНЬ ВЕСЕЛЫХ СОСТЯЗАНИЙ

«День веселых состязаний» — так можно назвать спортивную встречу между командами соседних дворов, которые будут соревноваться в различных комических состязаниях и играх-аттракционах.

ЗАЩИТА ШАЙБЫ

Шайбой в нашем затейном состязании может быть, спичечный коробок, катушка, чурочка — словом, небольшой и легкий предмет, который можно быстро и удобно схватить.

Шайба лежит на табуретке. На расстоянии одного шага от табуретки друг против друга становятся два противника: нападающий и защитник. Так как состязание у нас происходит между двумя командами, то пар может быть несколько: пять, шесть и больше. Табуретки можно заменить и скамейками, разметив на них мелом отдельные игровые участки.

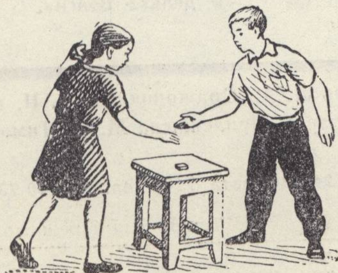
Шайба ставится на край табуретки, ближе к защитнику.

По свистку судьи все пары одновременно приступают к игре.

Игра проводится в два периода. Команда, которая начинает игру, до конца первого периода нападающая. Противники ее защищают шайбу. Во втором периоде команды меняются ролями.

Задача нападающего состоит в том, чтобы схватить и унести шайбу с табуретки, не будучи осаленным противником. По правилам игры, защитник обязан в точности повторять движения нападающего. Если тот приседает, то и защитник должен приседать. Нападающий поднял руки вверх — и защитник; нападающий поправил волосы — и защитник вынужден сделать то же самое. Нападающий нарочно делает много различных движений, чтобы отвлечь внимание защитника от шайбы. Единственное, что не разрешается нападающему,— это сходить с места; ступни ног у него должны быть неподвижны. Защитник вправе не повторять показанного ему движения, если оно связано с нарушением этого правила. Обычно игра эта проходит весело, бывает немало комических положений, когда защитник повторяет жесты и мимику нападающего.

Защитнику достаточно накрыть шайбу рукой или, если шайба уже схвачена, дотронуться до руки нападающего, осалить его, и судья (или его помощник: одному судье за пятью — шестью парами не усмотреть) прерывает игру пары, ставит шайбу на прежнее место и начисляет 1 очко в пользу команды, играющей в защите. Если же нападающий снял шайбу и не был осален при этом, судья засчитывает 2 очка в пользу нападающей команды.

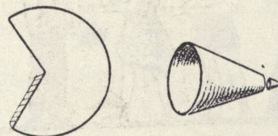

Нападающий может быть осален лишь в том случае, если в руке у него шайба.

Продолжительность каждого периода 5 минут, после этого устраивается небольшой перерыв для отдыха и обмена впечатлениями. Затем во втором периоде, тоже пятиминутном, команды меняются позициями: игравшие в нападении становятся на защиту шайбы, а бывшие защитники атакуют. Побеждает команда, набравшая больше очков.

ЛЕТАЮЩИЕ КОЛПАЧКИ

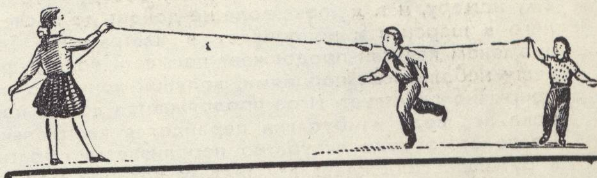
Из тонкой бумаги склейте небольшие колпачки одинакового размера. Заостренный конец колпачка срежьте, как показано на рисунке.

Команда состоит из трех игроков. Команд может быть три — четыре с каждой стороны.

На рисунке вы видите одну из таких команд. Первый и второй номера держат в руках туго натянутую нить длиной в 8—10 метров. Судья должен следить за тем, чтобы нить держали ровно, без наклона.

На нитку нанизан колпачок, он легко передвигается по ней. Третий игрок в команде — «гонщик»: он дует внутрь колпачка и гонит его по натянутой нити. Как только колпачок доберется до конца нити, игроки меняются местами: «гонщик» становится на место второго номера, снимает колпачок и вновь надевает его, повернув другой стороной, а второй номер становится «гонщиком». Когда колпачок снова дойдет до конца нити, опять происходит смена игроков и проводится последний, заключительный этап гонок.

Гонки начинаются одновременно по сигналу.

Дуть в колпачок как будто несложно, но все-таки для этого тоже требуется сноровка. Иной дует что есть силы, а толку от этого не очень-то много. Успех зависит и от тех игроков, которые держат нитку. Если она в какой-то момент будет слабо натянута, колпачок сразу сбавит скорость.

ЧАСЫ ДОСУГА

Как же определить, кто станет победителем в этих гонках, если с каждой стороны участвует по нескольку команд?

Команде, которая первой доставит колпачок к финишу, засчитывается 3 очка, за второе место — 2 очка, за третье — 1 очко.

Возможно, что все три призовых места займут ваши противники. Значит, они обыграли вас со счетом 6 : 0. Только вряд ли вы позволите обыгрывать себя с таким разгромным счетом.

ВОДЯНАЯ ЭСТАФЕТА

Как известно, во всяком эстафетном соревновании из рук в руки передается какой-нибудь предмет: мяч, палка или флажок. Но, вероятно, вам не приходилось, проводя эстафету, передавать, вернее, переливать из рук в руки... воду!

Для проведения этой эстафеты понадобятся две бутылки из-под молока, поровну наполненные водой. Их вручают капитанам. Нужно еще раздобыть пару кастрюлек или мисок — их передают последним номерам в командах.

Команды выстраиваются шеренгами одна против другой. Капитаны с бутылками в руке — на правом фланге своих команд.

Капитан наливает своему соседу в шеренге — второму номеру — столько воды из бутылки, сколько поместится у того в пригоршне. Второй номер должен осторожно, стараясь не пролить ни капли, перелить эту воду в пригоршню своему соседу — третьему номеру, и т. д., пока вода не дойдет до последнего в шеренге и не попадет в кастрюльку. Тем временем капитан продолжает посылать воду к финишу небольшими порциями, водяной конвейер непрерывно действует. Игра продолжается до тех пор, пока вся вода из бутылки перейдет в кастрюльку. После этого вода аккуратно переливается обратно в бутылки. Побеждает команда, у которой больше осталось воды.

* * *

Программу своего веселого спортивного праздника во дворе вы можете пополнить другими знакомыми вам играми-аттракционами.

Н. Студенецкий

Содержание

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 710, тел. Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор **П. Кузьмичев.**

Технический редактор **О. Швова.**

А 03852. Подписано к печати 5/VI 1959 г. Тираж 520 000 экз. Изд. № 1000. Заказ № 1124.

Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

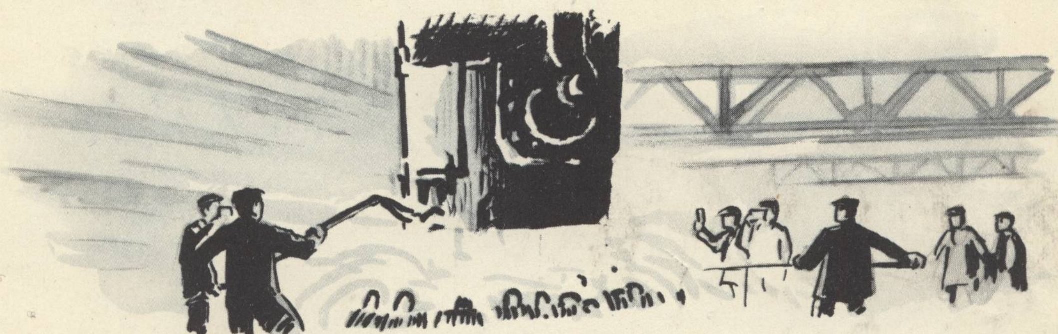
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

ПИОНЕРЫ И ШКОЛЬНИКИ!

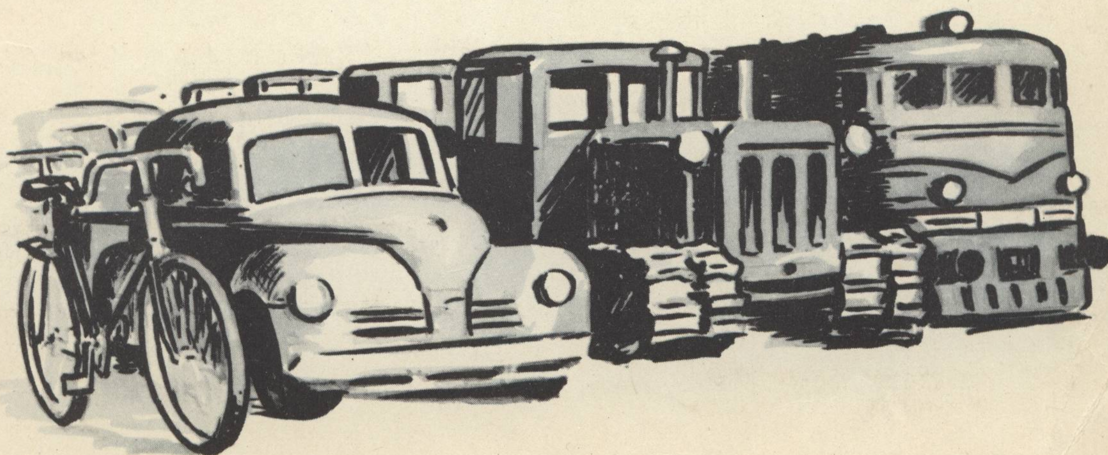
Сколько металлического лома собрали вы, ваш отряд, ваше звено?

Помните: это — дело большой государственной важности. Металлолом нужен Родине! Из него будут сделаны новые машины, станки, угольные комбайны и турбины. Их ждут новостройки Сибири и Севера, Казахстана и Донбасса!

Знаете ли вы, что из тонны металлического лома можно изготовить 90 швейных машин, или 10 мотоциклов, или 50 велосипедов; из одной тонны алюминия — аппаратуру для 800 телевизоров, или арматуру для 60 автомашин, или 1 300 кастрюль, а из 10 тонн металлолома — 3 таких мощных автомобиля, как «ГАЗ-51» или «ЗИЛ-150».

Росглаввтормет.

Цена 2 р. 50 к.

Из альбома Лены Львовой

Лена очень много рисует. Рисовать она любит все: людей, и взрослых и маленьких, птиц, зверей, игрушки. Иногда она рисует просто так, что придумается. Например, сказку. А чаще старается рассмотреть, как бывает в жизни. Сядет на скамейку в сквере и наблюдает, как ребята в салочки играют, как прохожие идут мимо.

Вот три рисунка из ее альбома. Наверху — дети играют в скверике. Внизу — сказка. Какая? Мы не знаем. А все равно видно, что сказка! Может, это Аленушка, потерявшая братца Иванушку? Может, это Снегурочка тоскует по зиме? А может, просто тоненькая березка ожила, превратилась в девушку?

Две матрешки тоже хороши. Какие они яркие! Видно, это и привлекло Лену. Нравятся ли вам рисунки из ее альбома? Есть ли у вас свой альбом?